

ОБ АВТОРЕ:

Николай Алексеевич Троянов род. 16 декабря 1921 г. в селе Косицкое, в 40 км. от Новгорода Великого. Участник Великой Отечественной Войны. В 1950 г. закончил Театральное училище им. М.С. Щепкина при Малом Академическом театре в Москве. С 1950 по 1960 гг. работал актером театра им. А.С. Грибоедова в Тбилиси. В 1957 г. получил звание Заслуженного артиста Грузии. С осени 1960 г. по 1975 г. работал актером Театра им В.П. Чкалова в г. Николаеве. Организовал в 1963 г. театральную студию при Николаевском Доме Культуры строителей, в ноябре 1969 г. ей присвоено звание Народного драматического театра. Театром поставлено свыше 100 пьес, в том числе: Софокла, Шекспира, Лопе де Вега, Роблеса, Джордано Бруно, Островского, Чехова. Автор около 50 статей на культурологические темы в газетах и журналах. Им написано 19 пьес и издано в Николаеве две книги: “Три пьесы” (“Магда”, “Рафаэль”, “Кассандра и Кретин”), Издательство НФ НаУКМА, 2000, а также “Исторические силуэты (три пьесы)”, “Возможности Киммерии”, 2001. В последней книге опубликованы пьесы: “Ольвия”, “Шутка Вольтера” и “Мичман Даль”. Н.А. Троянов – Почетный гражданин города Николаева и Почетный член Пушкинского клуба.

НИКОЛАЙ ТРОЯНОВ

ЕВРОПЕЙЦЫ

(четыре пьесы)

Постановка оперы К. Монтеверди «Орфей»
на сцене древнегреческого театра в Афинах.
Из коллекции В. В. Киселева.

Благотворительный фонд
«НИКОЛАЕВ-2000»

Николаев, 2004

УДК 821.161.2-2

ББК 84(4Укр)6-6

Т 76

*Автор выражает благодарность
Николаевскому городскому голове Владимиру Дмитриевичу Чайке,
а также председателю правления Благотворительного фонда
«Николаев-2000» Владимиру Юрьевичу Пучкову
за издание этой книги!*

Т 76 Троянов Н.А. Европейцы (четыре пьесы). - Николаев: ЧП Гудым И.А.;
2004. – 136 стр.

ISBN 966-96187-

В книге помещены четыре пьесы актера, драматурга, режиссера, руководителя Николаевского народного драматического театра Николая Алексеевича Троянова: «Эразм из Роттердама», «Сковорода», «Макаров и Верещагин», а также «Триумф старого дома».

ISBN 966-96187-

© Троянов Н.А., 2004

© Золотухин А. И., макет, 2004

ΕΡΡΟΝΕΤΙΚΑΤΑ ΤΕΑΤΡ ΤΡΟΑΝΟΒΑ

ТЕАТР (от греч. *theatron* — место для зрелищ, зрелище), род искусства, специфическим средством выражения которого является сценическое действие, возникающее в процессе игры актера перед публикой. Истоки театра — в древних охотничьих и сельскохозяйственных игрищах, массовых народных обрядах. В Древней Греции существовали различные виды театра со своими традициями, сценической техникой. В средние века носителями народного театрального творчества являлись западно-европейские бродячие актеры — гистрионы, жонглеры, скоморохи. Первый профессиональный европейский театр эпохи Возрождения — итальянская народная комедия масок (комедия дель арте, 16-17 вв.). С эпохи Возрождения театр становится литературным, тяготеет к оседлому существованию в городских культурных центрах. Произведение театрального искусства — спектакль — создается на основе драматических или музыкально-сценических произведений в соответствии с замыслом и под его руководством совместными усилиями актеров, а также художника.

Таково энциклопедическое определение театра, чисто теоретическое. Что касается практического определения театра, то это один из самых сложных видов искусства. Сложный потому, что он вбирает в себя многие виды искусств и создает из них некий симбиоз, способный активно воздействовать на душу человеческую. Эта сложность соответственно несет на себе и огромные материальные трудности в организации всего театрального процесса от создания пьесы до ее постановки. Это не только сценарий и актеры, участвующие в исполнении драматургического замысла, но это также музыка, декорации, свет, одежда актеров и весь антураж от сцены до зрительного зала.

Я заговорил о сложности организации театрального действия исключительно потому, что чисто по-человечески не могу представить себе как можно вынести ту огромную нагрузку, которую добровольно взвалил на себя герой моего краткого очерка Николай Алексеевич Троянов, организовывая непрерывную работу Николаевского народного драматического театра на протяжении более чем 41 года! За это время театром поставлено более 100 пьес в основном европейской тематики: от древнегреческих и скифских времен до эпохи Возрождения, это, можно сказать, классический репертуар, и до проблемных явлений наших дней.

Особое место в этом репертуаре занимают пьесы, написанные Николаем Алексеевичем. Их создано около 20-ти, не все они еще закончены, многие не опубликованы. Но часть из них уже вышла в двух книгах: «Три пьесы» (Николаев, издательство НаУКМА, 2000) и «Исторические силуэты (три пьесы)» (Николаев, «Возможности Киммерии», 2001). В первой книге

опубликованы пьесы: «Магда» (драматическая история в двух частях); «Рафаэль» (драма-представление в двух частях); «Кассандра и Кретин» (комедия из античных времен в двух частях). Во второй книге представлены пьесы: «Ольвия» (драма из античных времен, в двух действиях); «Шутка Вольтера» (комедия в одном акте); «Мичман Даль» (трагикомедия в одном действии с прологом). В этой, третьей, книге собраны 4 пьесы, написанные Н.А. Трояновым частью в последнее время, это «Макаров и Верещагин», «Сковорода» и «Триумф старого дома». А вот над пьесой «Эразм из Роттердама» Николай Алексеевич работал около 10-ти лет, и только издание этой книги подвинуло автора к ее завершению. Без преувеличения можно сказать о том, что это одно из самых любимых произведений. Интерес к нему у автора неслучаен, Эразм Роттердамский – это одна из ключевых фигур европейской культуры XVI века, творческое наследие его не утратило актуальности и до наших дней.

В упомянутой книге Н.А. Троянова «Три пьесы» на 178-181 стр. приведен «Репертуар Народного драматического театра (1964-2000)». В уточнение и дополнение к этому списку следует добавить репертуар театра, сыгранный в 1998-2004 гг. Так, 6 мая 1998 г. был сыгран этапный спектакль театра по пьесе Э. Роблеса «Монсерра» (пер. с французского), а 25 мая 1999 г. - пьеса Н.А. Троянова «Рафаэль», приуроченная к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Пьеса пронизана неистребимым желанием Автора приблизиться к разгадке тайны гениальности. К 200-летию В.И. Даля, 22 ноября 2001 г., городской властью утром была установлена мемориальная доска, на месте дома, где жил великий лексикограф, а вечером в здании Русского театра Народным драматическим театром была сыграна пьеса Н.А. Троянова «Мичман Даль». Фабула содержания пьесы является типичным научным исследованием жизненных проблем, с которыми столкнулся В.И. Даль здесь в Николаеве. В пьесе автор удовлетворил и свою любовь к точному русскому слову, к красоте русской речи, к остаткам той древней речи, собиранию которой посвятил свою жизнь В.И. Даль. 19 мая 2002 г. в Доме культуры строителей состоялась премьера пьесы «Ольвия», написанной Н.А. Трояновым. Эта пьеса еще не получила должной критики, но несомненно одно: она написана глубоко реалистично в отношении описанных Геродотом событий, связанных с гибелью скифского царя Скила, тяготевшего к греческой культуре. Приходится только удивляться прохладному отношению действующих на нашей земле профессиональных театров, которые сохраняют равнодушное отношение к драматургическому творчеству Н.А. Троянова. Впрочем, их можно понять. Как говорил поэт, “Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии...” очень редко исполнявшейся,

Свое 40-летие Народный драматический театр, который по праву можно назвать Трояновским, отметил постановкой (можно сказать, исполнявшейся всего лишь один раз за 400 лет!) пьесы Джордано Бруно «Подсвечник». Как опытный драматург, Николай Алексеевич отредактировал пьесу, нашел ключ

к динамизации и более краткому изложению содержания спектакля при бережном отношении к авторскому тексту. Благодарные зрители по достоинству оценили работу Николая Алексе-евича, как драматурга, так и режиссера, а, благодарные своему Учителю, актеры с редким наслаждением исполнили свои роли. 10 сентября 2003 г., во время впервые организованного по инициативе общественности международного праздника «Музы Ольвии» на месте Ольвийского теменоса был сыгран спектакль по пьесе Н.А. Троянова «Ольвия». Влияние исторического места было столь велико на актеров, что мои знакомые археологи то и дело спрашивали у меня: это играют профессионалы?! На это пришлось им отвечать, что профессионалом написана пьеса, которая профессионально поставлена, так что актерам-любителям ничего не оставалось как играть профессионально...

Деятельность Н.А. Троянова, человека мыслящего, досконально знающего европейскую литературу, драматургию и театр, как явление, вызвало заметный спрос на создание пьес, связанных с историей нашего города. Так, к 90-летию Николаевского государственного университета, бывшего Учительского института, им написана пьеса «Триумф старого дома», премьера которой состоялась 28 октября 2003 г. в актовом зале университета и тепло была встречена коллективом университета. За год до даты, отмеченной 12 апреля 2004 г, 100-летия трагической гибели в Порт-Артуре нашего земляка адмирала С.О. Макарова и художника В.В. Верещагина, директором Областного Художественного музея им. В.В. Верещагина и мною было заказано Н.А. Троянову создание пьесы «Макаров и Верещагин», с которой он блестяще справился. При поддержке Облгосадминистрации на Областном телевидении (директор А.А. Митрофанов) была создана телеверсия этого спектакля (оператор Ю.Б. Трегубов), исполнителями которой стали актеры Народного драматичес-кого театра. Николаевское телевидение в первых числах апреля 2004 г. дважды показало этот телефильм.

Уже одно простое перечисление названий пьес, созданных Н.А. Трояновым, говорит о том, что Автор его европеец по мыслям своим и по духу. Разумеется, таковым является и его театр, созданный им и функционирующий только благодаря его непререкаемому авторитету. Вне всякого сомнения Н.А. Троянов является философом-мыслителем, в основе его познания мира лежит не только богатейший чисто человеческий опыт познания жизни, но и страстная любовь к книге содержательной. Известно мало людей, которые так любили и боготворили книгу, как Николай Алексеевич. Пожалуй, таким был, на мой взгляд, только, ныне покойный, собиратель книг Владимир Андреевич Филевский. Но, он был «Скупым рыцарем» книги и в меньшей степени творцом, чем Н.А. Троянов, который обратил свою библиотеку на создание «Сада райских песен» и пьес. Как и Скворода, жизнь которого он также исследует в одноименной пьесе, Н.А.

Троянов ушел из мира профессионального театра в любительский, чтобы снова вернуться туда, откуда он вышел. И что бы там о нем не говорили его коллеги, но тяготение к Прекрасному и Мудрому все оправдывает.

Николая Алексеевича нельзя назвать анахоретом, хотя бы потому, что в нем угнездился еще талант недюжинного Учителя. Таковым был у нас народный художник Михаил Алексеевич Ряснянский, Царство ему небесное. Таковой является профессор Николаевского Государственного университета Тамара Константиновна Пересунько. К этим людям тянулись и тянутся не только молодежь, но и люди зрелого возраста. Источником их учительства стало ни меркантильность, ни назидательность, а их собственный жизненный и творческий пример. Мне доводилось не раз присутствовать на репетициях или чтениях тех или иных пьес, написанных самим Н.А. Трояновым, и видеть, как он сам волновался при этом, ждал реакции и оценки слушателей, что уже говорить о премьерах спектаклей. В заметке «Подвижник театра» в книге Н.А.Троянова «Исторические силуэты» я уже писал о том, каких высот достигли его ученики, а здесь хочу перечислить тех, кто сегодня поддерживает его подвижническую деятельность на поле любительского театра. Это, прежде всего, художник Александр Федоров, заведующая постановочной частью Светлана Завгородняя, музыкальное сопровождение – Игорь Смирнов, подбор музыки – Наталья Малышевская и Станислав Григорьев, актеры: Елена Ефимцова, Александр Кожевников, Игорь Мельничук, Юрий Голубев, Екатерина Попиней, Наталья Ятло, Илья Гусев, Валерия Костомарова, Максим Кунгуров, Евгений Казачинский, Наталья Севач, Татьяна Целина, Станислав Мартиросов, Елена Мельничук и Ольга Панкова. Низкий поклон всем Вам, Трояновцам, - «Единого Прекрасного жрецам»!

Ниже привожу фото, которые призваны проиллюстрировать отдельные эпизоды из жизни вполне европейского по форме и содержанию Николаевского народного драматического театра. Европа всегда тяготела к рациональной, продуманной красоте. В театре Троянова, как драматурга, режиссера и постановщика, лаконизм, в силу обстоятельств реальной жизни любительского театра, доведен до совершенства...

А.Золотухин, председатель Пушкинского клуба.

Н. Троянов, сказка «Девушка и рыцарь». В ролях: Ирина Целуйко и Игорь Лифанов

Н. Троянов. 1965

Репетиция комедии А. Франса «Немая жена». 1974

А. Фредро, «Свечка погасла».
Мария Пикинер и Петр Цветко

В. Шекспир, «Король Лир». 1982.
Лир - Александр Москвин.

На репетиции. Н. Троянов и актрисы театра
Ирина Киселева и Елена Самбаковская. 1987

Ф. Кони, водевиль «Девушка-гусар».
Лоретта - Лариса Локоть, Фрейгаг - Владимир свистунов. 1972.

Финал концерта. Слева направо: А. Ангурец, Е. Гловатских, М. Мирович,
В. Сарычев, П. Цветко, Н. Троянов, Н. Лаврентьева, Е. Самбаковская,
В. Плешков, Д. Гареев. 1985

Софокл, «Электра». Электра - Татьяна Ширенкова,
Христофемиды - Нина Багдасарян. 1972.

Софокл, «Электра». Орест - Петр Аксельрод, Наставник - Марк Лобаков.

В. Шекспир, «Король Лир». В ролях: Лир - А. Москвин,
Регана - С. Волосенко, Глостер - Н. Бармин, Корнуэл - В. Плешков,
Шут - В. Милюткин, Кент - П. Цветко

А. Франс, «Немая жена». Катрина - Вера Белозерова,
Леонар - Сергей Рускин (ныне Засл. артист России).

Ф. Кони, «Девушка - гусар», Лоретта - Л. Локоть, Габриэль - Г. Бойченко, Роланд - П. Цветко, Дядюшка - М. Либаков. 1972.

Н. Троянов, «Кассандра и Кретин», Елена - И. Коваленко, Кассандра - Т. Пахомова, Кретинос - И. Мельничук. 1986.

В. Ежов, «Соловьиная ночь». Русский солдат Петр Бородин - Игорь Лифанов, немецкая девушка Инга - Наталья Малышевская. 1985.

Софокл, «Электра». На переднем плане Клитемнестра - Вера Белозерова. 1972.

Дьячок Савелий - В. Плешков, Раиса - Е. Самбаковская

Н. Троянов, «Мичман Даль». Светлана Завгородняя готовит реквизит.

22 ноября 2001 г. 200-летие со дня рождения В.И. Даля. Русский театр. Премьера спектакля Н.Троянова «Мичман Даль». Пролог. В роли В. Даля - Максим Кунгуров. Внизу в ролях: Гликерии Языковой - Елена Ефимцова, Федора Сильво - Илья Гусев, Владимира Даля - Кирилл Вершилов.

Н. Троянов, «Мичман Даль» - сцены из спектакля.
В ролях: Г. Языковой - Е. Ефимцова; Ф. Сильва - И. Гусев; М. Языкова -
Е. Попиней; Н. Языков - И. Мельничук; В. Даль - К. Вершилов.

Н. Троянов, «Мичман Даль»: В. Даль - К. Вершилов, Ф. Сильва - И. Гусев.

«Мичман Даль», Мария Языкова - Е. Попиней, В. Даль - К. Вершилов

Финал вечера, посвященному 200-летию В.И. Даля, 22 ноября 2001 г.

Н.Троянов, «Ольвия», генеральная репетиция в ДК строителей, май 2002 г.
Внизу на заднем плане за актерами - художник Александр Федоров.

Н. Троянов, «Ольвия», генеральная репетиция, май 2002 г. Вверху слева направо:
Геродот - И. Гусев, Скил - М. Кунгуров, Рукайя - Н. Ятло, Каллигона - Е. Ефимцова,
Тисба - Е. Попиней, Мелита - Т. Целина, Харикля - Н. Севач.

Н.Троянов, «Ольвия», генеральная репетиция в ДК строителей, май 2002 г.

Ольвия. Теменос. Н.А. Троянов. 10 сентября 2003 г.

Фестиваль «Музы Ольвии», 10 сентября 2003 г. Народный драматический театр представил спектакль Н. Троянова «Ольвия»

Ольвия. Теменос. Н. Троянов «Ольвия», 10 сентября 2003 г. Внизу слева направо: Хариклея - Н. Севач, Рукайя - Н. Ятло, Мелита - Т. Целина.

Ольвия. Спектакль Н. Троянова «Ольвия»

Ольвия. Спектакль Н. Троянова «Ольвия», в роли Рукайи - Наталья Ятло,
в роли Тимана - Александр Кожевников

Ольвия. Спектакль Н. Троянова «Ольвия».
Снимок на память после спектакля с археологами и зрителями.

Ольвия. Снимок на память. В центре Н. Троянов, слева от него руководитель ольвийской экспедиции Института Археологии АНУ В.В. Крапивина

«Эразм Роттердамский».
Гравюра на меди работы Альбрехта Дюрера. 1526 год.

ЭРАЗМ ИЗ РОТТЕРДАМА

Трагикомедия в 3-х действиях

Действующие лица:

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ, европейский мыслитель XVI века. Ему около 50 лет.

ТОМАС МОР, его друг. Лорд-канцлер Англии.

АНТОНИО, слуга Эразма.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА, вдова издателя книг.

ЛУКРЕЦИЯ, ее дочь.

ГЕНРИХ VIII, король английский.

МАРГАРЕТ, одна из жен его.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Городок на пути из Базеля в Париж. Гостиная в доме Вильгельмины. Поздний вечер. Лампы и свечи. Стук в дверь. Вильгельмина и ее дочь Лукреция ведут разговор с теми, кто стучится.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Эй, брюхо, не ломай двери!..

АНТОНИО. *(это его голос)* Хочу спросить...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Спросить - не обязательно ломать. Сколько вас?

АНТОНИО. Трое! Один больной и два здоровых.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Больной... чем?

АНТОНИО. Лихорадкой...

ЛУКРЕЦИЯ. *(шепотом)* Спроси... откуда едут, как их звать.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Эй, морда, как тебя зовут?..

АНТОНИО. *(это его голос)* Сэр Томас Мор!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Он говорит: сэр Томас Мор... Лжет!..

ЛУКРЕЦИЯ. Конечно, лжет, иль набивает цену, чтобы пропустили.

Откуда быть здесь лорду?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. А как узнаешь правду? На нем ведь не написано: он лорд или мужик. Что будем делать?

ЛУКРЕЦИЯ. Спроси, он англичанин?..

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Эй, дубина,.. твой Томас Мор, он что же, англичанин?

АНТОНИО. Он европеец, так же, как и вы...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Он европеец, так же, как и мы. Похоже, этот парень с мухами в башке.

ЛУКРЕЦИЯ. А кто другой, спроси.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Эй!.. А кто другой?

АНТОНИО. Эразм из Роттердама!..

ЛУКРЕЦИЯ. Лжет! Пусть подтвердит. Эразм из Роттердама?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Эй! Уснул там, что ли? Ты не ошибся? Эразм из Роттердама?

АНТОНИО. Да вот же он, сидит в карете и кивает носом.

ЛУКРЕЦИЯ. Спроси,.. откуда едут.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Карета ваша... откуда следует?

АНТОНИО. Из Базеля.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Купцы?..

АНТОНИО. Купцы, но не совсем...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. А гильдии какой?

АНТОНИО. Четвертой, а может, пятой...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Когда узнаешь точно, - постучишь. Тогда и будем языки чесать.

ЛУКРЕЦИЯ. Спроси, а чем торгуют?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Что продаешь, купец?

АНТОНИО. *(весело)* Мозги!..

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Он говорит, что продает мозги. *(смеется)* Мозгов у нас своих излишек. Оглобли поворачивай на Базель. Здесь не гостиница. К тому же, в доме нет мужчин.

ТОМАС МОР. *(это его голос)* Сударыня, это дом издателя книг Флоренцо Флориано?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Флоренцо Флориано давно на кладбище, а я его вдова.

ТОМАС МОР. Именем Христа! С Флоренцо я имел дела. Я долг ему привез - мешочек золота.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Открой, Лукреция! Здесь чем-то вкусным пахнет. Живей, живей! Секунду, доченька. Прикрой лицо, спрячь красоту на всякий случай.

Лукреция открывает дверь. Входит Антонио.

АНТОНИО. Кто здесь хозяйка?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Я, огурчик.

АНТОНИО. Значит, с вами я портил кровь?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Со мной, со мной, дружок.

АНТОНИО. То, что сюда войдет - не человек в обычном смысле слова. Он - яйцо. Понятно?..

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Яйцо?..

АНТОНИО. Так пишут ученые мужи. Эразм - самое дорогое яичко, какое высидела Европа за последние сто лет. Вот он сюда войдет, а вы уж сделайте так, чтобы...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Не кокнуть невзначай яичко? Я поняла. Мне трижды повторять не надо.

АНТОНИО. Ответ великолепный, сударыня. Мой господин всегда в дороге, и всегда сидит на месте. Сидит и пишет, и ценит то место, на котором он сидит. Понятно?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Нет, совершенно не понятно. Сидит в дороге. Если он в дороге, то почему сидит, огурчик?

АНТОНИО. Где у вас камин?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Вот камин, и кресло у камина, и лампа...

АНТОНИО. Камин надо разжечь! Бокал горячего вина не повредит, а лучше два бокала. Их двое у меня, Эразм и Томас Мор. Друзья. Это крепкая мужская дружба, куда женщины не допускаются. *(увидел Лукрецию)* Ваша дочь?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Глухонемая.

АНТОНИО. Как жаль!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. А мы привыкли. Считай, ее здесь нет. А если

тебе захочется взглянуть на женский профиль — обрати свои взоры на меня.
Как звать тебя, дубина?

АНТОНИО. Антонио. Я их слуга.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Один на службе у двоих?

АНТОНИО. А я смысленный и быстро бегаю.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Французик малохольный... Антуан. Давай сюда господ!

АНТОНИО. А язычок у вас, хозяйка...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Один хотел подрезать. Не получилось у него.

АНТОНИО. Такие в Лотарингии бывают. *(уходит)*

Вильгельмина быстро приводит гостиную в надлежащий вид. Входит Эразм, идет к камину, греет руки. Входит Антонио.

АНТОНИО. А дочь у вас - красавица!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Рассмешил! Кривая на левый глаз, а правый бельмом затянут...

АНТОНИО. Не верится мне что-то.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Правая рука короче левой на восемь дюймов. Почти как детская. И нет совсем грудей, здесь пусто. Считаю, не женщина - ребенок. Бог отказал нам в женских прелестях, зато нам подарил другое. Она приписана к монастырю фламандских кармелиток.

АНТОНИО. Монахиня?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Считаю, Христова невеста. Иди, Лукреция, не пропусти молитву. Ты видишь, у парня глаза навывкате.

Входит Томас Мор

Считайте, женщина одна здесь в доме. Это я. Вильгельмина Стефания Камилла Флориано. Вдова издателя прекрасный книг и дочь альпийских стрелков и рыцарей. В доме есть арбалет, и я владею им. Мой первый муж напоролся на кинжал в пьяной драке. Второй был безобиден... вот только в Альпах попали мы в беду, и я должна была погибнуть. Но смерть ошиблась дверью, - умер он. *(Томасу Мор)* Не надо морщиться, у нас вам будет хорошо, сэр. и будет сладким сон. Вильгельмина знает, что нужно мужчине после дороги и когда на улице дождь и пахнет плесенью на чердаке. К тому же я умею делать пунш по-богемски, а простыни застилаю так, как это делают только в Страсбурге.

ТОМАС МОР *(учтиво)* Клопы у вас есть?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Найдутся. Но есть комната, куда им категорически запрещено входить.

ТОМАС. Прошу поселить меня именно в этой комнате.

ЭРАЗМ. *(он греет руки)* Томас, эта комната зафрахтована мною.

ТОМАС. Сударыня, комната без клопов - для моего друга. А та, что с тараканами - моя.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Не спорьте, господа. Все будет так, как вы сказали. Хотите с тараканами - пожалуйста, с клопами - воля ваша... я не спору. Но я вам предоставлю... без насекомых. Вам же будет лучше, приятнее. Я уважаю вас обоих.

ТОМАС. Нас обнадежили.

ЭРАЗМ. Спасибо, Томас. *(присел к камину и сразу уснул)*

ТОМАС. В доме есть шахматы?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Найдутся. Правда, пешки куда-то сбежали.

ТОМАС. Антонио, принеси из кареты шахматы. Эразм скоро делает очередной ход...

Антонио уходит

Сударыня, ваш верный муж был королем в издательских делах.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. О да! Он был королем, а я была его королева. Сказать по правде, он сгорал на поприще любви ко мне. Любвеобильным был, горячий итальянец. А коммерсант он был не важный. Цитировал Платона за обедом. И часто делал в долг. Он верил слову, а документов он не признавал. В наследство мне оставил дочь глухонемую и ворох всяких обязательств. Сэр Томас Мор - друг мужа моего - мой друг. С чего начнем? Хотите закусить? Есть превосходная чесночная закуска.

ТОМАС. Во-первых, больного надо поставить на ноги.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Иду к аптекарю. Тут по соседству.

ТОМАС. Но прежде... Флориано должен был издать Эразма. За это я обещал ему сто дукатов. Здесь ровно сто. Пересчитайте. *(кладет на стол мешочек с деньгами)*

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Я верю вам. Позвольте ваше одеянье, - почишу и просушу. О, цепь у вас какая на груди, впервые вижу... Какая цепь!

ТОМАС. Награда короля Британии. Я вынужден ее носить.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Вы служите ему, и часто видите его и королеву?

ТОМАС. Довольно часто.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. У вас семья?..

ТОМАС. Жена и дочери.

ЭРАЗМ. *(внезапно просыпаясь)* Сударыня, сэр Томас Мор - юрист и адвокат, виконт и гражданин. Он честно служит короне Англии и Генриху восьмому.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Я, я, кажется, вам сделаю подарок, сэр. Я что-то вспомнила. *(уходит)*

Антонио устанавливает шахматы на столике у камина, и Эразм, проснувшись, делает ход. Томас Мор делает свой ход.

ЭРАЗМ. Я думаю, ваш предыдущий ход был неудачным. Как говорится, потеряны и масло, и труды.

ТОМАС. Цыплят по осени считают. *(делает свой ход)*

ЭРАЗМ. По осени мы подсчитаем куриц. *(делает ход)*

ТОМАС. И петухов. *(играет в шахматы, делает ход)*

ЭРАЗМ. Тогда увидим: клонет нас петух, или не клонет. Сдается мне, он непременно клонет. *(делает ход)*

ТОМАС. На то ведь он петух! *(задумался над ходом)* Ваш друг Филипп Красивый был не лучше Генриха. Однако, вы его воспели и сочинили панегирик... хотя он был лишь принц...

ЭРАЗМ. Но королевской крови!

ТОМАС. Да, королевской крови... *(делает ход)*

ЭРАЗМ. Не верьте королям!

ТОМАС. Кому же верить?

ЭРАЗМ. Не верьте Генриху!

ТОМАС. Он толстый А толстые, как правило... Я сделал для короны немало добрых дел.

ЭРАЗМ. *(продолжая игру)* За добрые дела, мой друг, как правило, добром не платят. Замечено еще до рождества Христова.

ТОМАС. О, хозяйка что-то нам несет.

ЭРАЗМ. Напиток? Антонио, достань бокалы.

Вильгельмина несет книгу, завернутую в полотенце. Открывает книгу.

ТОМАС. Целебный напиток - «Адагии» Эразма!

ЭРАЗМ. Слава печатному станку Флоренцо! Пожалуйста сюда! *(протягивает руку, берет книгу)* Эта книга открывает путь в царство античной образованности. Латынь, пословицы и поговорки древних. Могу похвастать: выходила в свет до сотни раз. «Адагии»! Мой первый труд. Начало человека по имени Эразм из Роттердама.

ТОМАС. Смотрите, он как ребенок... А что было до этого, Эразм?

ЭРАЗМ. Обезьяна на дереве была.

АНТОНИО. Не может быть! Был ребенок Эразмик, смысленный и забавный!..

ЭРАЗМ. А ну-ка, подойди ко мне... Мой друг, ты просолился с ног до головы, а вот в речах ну ни крупинки соли. Читали это, европеец? Знакомились?

АНТОНИО. Впервые, когда мне было десять лет.

ЭРАЗМ. И как?

АНТОНИО. Прекрасно.

ЭРАЗМ. А польза?

АНТОНИО. Сделался учеником Эразма. Теперь иду за ним.

ЭРАЗМ. А что Эразм? Он что за человек? Он оказался зрячим?

АНТОНИО. А я слепого в проводники не стал бы брать.

ТОМАС. Недурственный ответ.

ЭРАЗМ. Да, ответ заслуживает тройки. Спасибо вам, мой образованнейший Мор. А книга эта, как невеста, льет непорочный свет. *(открыл ее, рассматривает титульный лист)* Дезидериус Эразмус Роттердамус. *(на мгновенье задумался и выронил книгу, уснул)*

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Спит. Так неожиданно. Раз, и будто улетел.

ТОМАС. Эразмов стиль. Внезапно засыпает, внезапно просыпается.

АНТОНИО. По-моему, он никогда не спит. Он все еще в карете. И слышит, как скрипят колеса, как будто в лодке скрипят уключины...

ТОМАС. А вы, Антонио, поэт. По виду и не скажешь...

АНТОНИО. *(слегка обидевшись)* Да, по виду я на олуха похож.

ТОМАС. Займитесь лошадьми, Антонио. А я пройду в магистратуру. Хозяйка, в этот поздний час я там кого-нибудь найду?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Вы разрешите вас сопровождать, сэр Томас? По крайней мере, я покажу вам, где находится магистратура. Иначе вы заблудитесь.

ТОМАС. Сударыня, я не из тех, кто может заблудиться.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Как знать, сэр Томас Мор. Провинция у нас, до Лондона отсюда далеко. *(уходит)*

Какое-то время Эразм один в комнате. Просыпается, изучает партию в шахматы. Появляется Лукреция. Ее внимание приковано к Эразму.

ЭРАЗМ. Привет, сударыня! Вам что-то надо от меня?

Лукреция утвердительно кивает головой и жестами показывает Эразму, чтобы он шел за нею.

Вы что, колдунья? Молодая ведьма? Но если ведьма - вас надо сжечь. Вы не боитесь, когда в один прекрасный день вас схватят и сожгут на площади у ратуши.

Лукреция протягивает Эразму коробку со спичками.

А может, вы - глупая? Госпожа Глупость!

Лукреция едва не взвизгнула от восторга, услышав эти слова, - с радостью и взволнованно кивает головой.

Нет, у глупости другое лицо. На ней румяна. Лицо растянuto в притворную улыбку. Вы слишком красивы и пронциательны, чтобы быть глупой.

И тут она заговорила. Внятно, и на каком-то ином чувственном уровне.

ЛУКРЕЦИЯ. Эразм... и Лукреция!..

ЭРАЗМ. *(что-то почувствовал. Удивлен. Нахмурился.)* А это что еще за глупости?!

ЛУКРЕЦИЯ. Виват!!

ЭРАЗМ. «Виват» не нужен нам!..

ЛУКРЕЦИЯ. Надо!.. Эразмус.. Дези!.. Если ты умен, ты будешь

ироничен к себе, и ко мне. Это спасет нашу любовь. (*короткое молчание*)

ЭРАЗМ. Мысль, что какой-то человек в моем присутствии фальшивит и притворяется - меня постоянно угнетает.

ЛУКРЕЦИЯ. Я не притворяюсь.

ЭРАЗМ. Вы можете подойти поближе ко мне?

Лукреция подходит.

Дайте мне ваши уши.

ЛУКРЕЦИЯ. Вы хотите их подергать? Зачем?..

ЭРАЗМ. Дайте.

ЛУКРЕЦИЯ. Возьмите.

Он потрогал ее уши.

Дело о моих ушах закрыто?

ЭРАЗМ. Холодные. Камин тоже холодный. (*на всякий случай потрогал рукою камин*) Как сказал Вергилий: «Мальчик, мать узнавай, и ей начинай улыбаться». Лукреция, как вы относитесь к древним?

ЛУКРЕЦИЯ. С уважением.

ЭРАЗМ. С уважением я отношусь к змее. Но змея есть змея. Она может ужалить.

ЛУКРЕЦИЯ. (*повторяет за ним*) «Мальчик, мать узнавай, и ей начинай улыбаться». Запомнила!

ЭРАЗМ. Конечно, после таких слов Рафаэль должен был написать «Сикстинскую мадонну».

ЛУКРЕЦИЯ. Я люблю вас, Эразм... люблю... Ну что я могу поделать! Я любила вас тогда, когда вас не видела. Но теперь... теперь вы будете мой любимый... (*ладонью прикрыла глаза, встала на колени*) Эразмик... Дези...

ЭРАЗМ. Я старик!

ЛУКРЕЦИЯ. О да! Про вас говорят...

ЭРАЗМ. Что про меня говорят?

ЛУКРЕЦИЯ. Он исколесил всю Европу. Пишет трактаты, не вылезая из кареты. Наводнил Европу своими книгами, мыслями, желчью, смехом. Помог Мартину Лютеру, а теперь, говорят, он его предал.

ЭРАЗМ. Лгут! Я протягиваю руку Мартину Лютеру, и, единственно, о чем его прошу: быть сдержанным, терпимым. Я против раскола в церкви, против крови.

ЛУКРЕЦИЯ. Эразм, я знаю про вас другое. Вы останетесь молодым в ближайшие пятьсот лет. Прекрасный и юный Эразм. Рядом с вами я забытая, никому не нужная старуха. Песок и земля. Тлен. Даже тени от меня не останется, а вы будете всегда молодым... Как видите, я не вовсе бестолковая. Я бестолковая, конечно, но не вовсе.

ЭРАЗМ. Лукреция,.. о чем вы?

ЛУКРЕЦИЯ. Все в жизни причудливо...

ЭРАЗМ. Причудливо-хорошо, или глупо-причудливо?

ЛУКРЕЦИЯ. Бывает и так, и так... И причудливо, и глупо. Сочетается как-то. Не знаю. «Схоластики выдохлись, нас ждут перемены, реформы». Это ваши слова, Эразм.

ЭРАЗМ. Не унижайте себя, Лукреция. Встаньте. У вас лицо мадонны-итальянки, и руки первой леди Франции. Зачем вам это?

ЛУКРЕЦИЯ. Душа просит.

ЭРАЗМ. А Что такое душа?

ЛУКРЕЦИЯ. О душа! Вы это прекрасно знаете. Вы же сами богослов, гуманист, священник.

ЭРАЗМ. Сударыня, я никогда не был священником!

ЛУКРЕЦИЯ. Но почему вас так знают епископы?

ЭРАЗМ. И так ядовито бранят меня, хотите сказать?

ЛУКРЕЦИЯ. Я прочла три ваших книги. Лучше Эразма не скажешь!

ЭРАЗМ. Какие?

ЛУКРЕЦИЯ. «Разговоры запросто».

ЭРАЗМ. Так!

ЛУКРЕЦИЯ. «Кинжал христианского воина».

ЭРАЗМ. Так!

ЛУКРЕЦИЯ. И «Похвала глупости». Сегодня никто не знает вас так, как знаю я. Даже ваш друг Томас Мор, которому вы посвятили свою «Похвалу глупости». *(убегает в свою комнату и возвращается с книгами в руках)* Я знаю их почти наизусть. От корки до корки!..

ЭРАЗМ. Позвольте усомниться в этом.

ЛУКРЕЦИЯ. О, я сделаю так, что вы поверите. И как еще поверите! Госпожа Глупость смеется, сетует на жизнь, и всех-всех без исключения бранит. Она ругается, как базарная торговка! Она такая смешная!.. И хочется жить, потому что она смешная. О, ваша госпожа Глупость - это законченная прелесть!..

ЭРАЗМ. Да не обращайтесь вы на эту даму особенного внимания. Я писал ее шутя, легко, чтобы позабавить Томаса Мора.

ЛУКРЕЦИЯ. Как вы переносите вообще женские слезы и восторги?

ЭРАЗМ. Наверное, как все. С трудом.

ЛУКРЕЦИЯ. Увидим. Вы мой учитель и любовь моя, сердце мое - добрый и странный, надменный и жестокий!..

ЭРАЗМ. Сколько прекрасных эпитетов! Я их не заслуживаю!

ЛУКРЕЦИЯ. А потом мы поедem в свадебное путешествие. Или вам не интересно?

ЭРАЗМ. *(смеется)* Лукреция, вы витаете в облаках!

ЛУКРЕЦИЯ. В особое путешествие, нами избранное. На край света. Подальше от этой старой, глупой и нищей Европы.

ЭРАЗМ. Я с вами не согласен! Европа прекрасна!

ЛУКРЕЦИЯ. Лукреция - Эразм. Два свободных человека!

ЭРАЗМ. Европейски образованных? Не так ли?

ЛУКРЕЦИЯ. Пусть будет так... несомненно, так...

ЭРАЗМ. Читающих книги на латыни!

ЛУКРЕЦИЯ. Пусть будет и латынь. Если на земле, кроме Сорбонны и Оксфорда, нет ничего лучше. Я знаю, тебе нравятся женщины кроткого нрава. Вставай!..

ЭРАЗМ. Это что, в шутку или всерьез?..

ЛУКРЕЦИЯ. Вставай!.. мы уже выздоровели!..

ЭРАЗМ. Хорошо, я... *(он встал)*

Возвращается Антонио

Антонио, как думаешь - в этом городе можно раздобыть пол-унции разума?

АНТОНИО. Кому-то его не хватает?

ЭРАЗМ. Мне. Старику Эразму.

АНТОНИО. Вы шутите, мой господин!

ЭРАЗМ. Томас Мор еще не вернулся?

АНТОНИО. Нет еще.

ЭРАЗМ. *(что-то пишет на листе бумажки)* Достань мне Аристотеля. Займусь философией...

АНТОНИО. Аристотель? А как он выглядит? В какой одежде?

ЭРАЗМ. Лукреция, взгляни на красавца! Мой ученик! Носит усы. И не знает, как выглядит Аристотель. Тупица и невежда! А говорит, он европеец. И гордится этим. На всех перекрестках и углах бьет себя в грудь... я европеец!.. И это мой ученик!..

АНТОНИО. Вы извините, учитель. Я еще не рассупонил лошадь. *(уходит)*

ЭРАЗМ. Вот так всегда. Он еще не рассупонил лошадь. Тогда иди и рассупонь ее! Не учится, мало читает... А рассупонить лошадь очень важно. Лошадь - животное, нуждается в уходе. Лукреция, я иду к тебе. *(он покинул кресло)* Как говорится, ничто человеческое не было ему чуждо. Но,.. кажется, я болен?..

ЛУКРЕЦИЯ. Нет, лихорадка сама сбежит от нас! Не думай о ней, не бойся. Там все есть. Сады Эпикура! Я знаю, ты их любишь... Настоящие сады Эпикура! Боишься огласки?.. Розы и вино - твои сады, бог Вакх! И лучшая из роз - чистая и непорочная Лукреция Флориано. *(обнимает Эразма)* Твоя женщина. Скажи, ты любишь жизнь, Эразм?

ЭРАЗМ. Не спорю. Жизнь люблю.

(и она весело, на цыпочках, игриво, крадучись, интригуя, уводит его куда-то в глубину дома, в спрятанную от посторонних глаз комнату)

Показался удивленный Антонио.

АНТОНИО. Вот это потрясающая новость! Глухонемая вдруг заговорила и оказалась нимфою. А мой патрон философ-богослов похож... А самом деле, на кого он стал похож? На самого себя? На короля Артура? На Сиду? На рыцаря без страха и упрека? Или на немощного старика, которому уж все равно, какая женщина его терзает. Я думаю, ему не все равно. Открой, Лукреция, ему свою природу, свободно распахнись, земля, и он, возможно, засеет лоно,.. если хватит силы. А там, глядишь, весной взойдет росток... Эразмик маленький. Нет, Лукреция на это не пойдет! Ей нужен будет стрелок покрепче, похожий на меня, умеющий стрелять из-за спины Эразма. Привет, Лукреция, коль любишь ты Эразма, то, значит, смело придешь в мою постель. А там жизнь сама подскажет, что нам делать. В хороший век живем! Ломаются устои, и гибнут догмы. Процветают люди с трезвой и практичной головой! Дельцы - не демагоги! Не даром Вильгельмина забеспокоилась, меня увидев. А Лукреция поторопилась выскочить из кельи. Ей лучше бы остаться там пока глухонемой!

ТОМАС МОР. *(входит)* Эразма надо разбудить.

АНТОНИО. Не надо. Он не спит.

ТОМАС. Эразм, мы едем в Лондон! Завтра на рассвете. Король нас хочет видеть непременно. Где Эразм?

АНТОНИО. Был. Здесь сидел. Дремал. Отчасти в шахматы играл. Во всяком случае, переставлял фигуры. Тут от него остались штрипки. И записка вам.

ТОМАС. Читай!

АНТОНИО. *(читает)* «Мой друг виконт! Я вылетел в трубу, и, кажется, лечу я вверх ногами, не чувствуя земли. Когда вернусь на землю - я не знаю, но думаю, когда-нибудь вернусь. Вам преданный Дезидериус Эразмус Роттердамус».

ТОМАС. Он шутит, значит, выздоравливает. Завтра мы едем в Лондон. Домой, домой, домой. К жене и детям!

АНТОНИО. Соскучились по дому, сэр?

ТОМАС. И даже по Вестминстеру. По шумному застолью у короля, по сочным разговорам о том, о сем. Что думает король испанский Карл? И можно ли смирить французов без денег и войны? Престиж Британии, ее законы и хитрые догадки кардинала, его железная настойчивость и неприязнь ко мне. И многое другое. Особенно... Но где Эразм?

АНТОНИО. Сэр, в данную минуту, я думаю, он в обществе красавицы.

ТОМАС. *(собирается в дорогу)* Которой? Во Фландрии все женщины красивы...

АНТОНИО. Ее зовут Лукреция. А лучше бы Дианою назвали. Ей более подходит имя Дианы-охотницы.

ТОМАС. Чудак Антонио! Ты думаешь, она его поймала?

АНТОНИО. Уверен. Старый щегол сам прыгнул в клетку.

ТОМАС. Так где же он?..

АНТОНИО. Я полагаю, там! В тех комнатах, иль на задворках дома! Возможно, где-нибудь на сеновале, а может, на соломе. На бревнах, на столе, на крыше дома, на дереве, посаженном удобно, на ящиках-корзинах, в курятнике иль просто на земле, в саду на огуречных грядках. Иль на телеге, в сухой канаве, на крышке гроба... или на крышке старого колодца. Или на свежих сосновых досках, брошенных через ручей. Там он и там она! Любовью заняты! Оставьте их вдвоем!..

ТОМАС. Похоже, парень, ты хлебнул напитка! Да вот же он! Эразм, ты жив?..

Из глубины идет Эразм - он в белой кружевной рубахе и с бокалом в руках.

ЭРАЗМ. Не только жив! Я предлагаю выпить за актрису, которая живьем сыграет художественный образ. Антонио, разлей вино. И приготовься хлопать! Вначале будет крик!

И действительно, мы слышим истошный женский вопль. Затем из глубины выскакивает Лукреция. В одеяньи госпожи Глупости, с бело-красным шутовским колпаком на голове.

ЛУКРЕЦИЯ. Кого я вижу? О, мужи! Каким эпитетом мне вас почтить? Ах да, конечно, мужи глупейшие... Отец мой был Плутос - запомните вы это имя, по ходу действия вы будете его вспоминать. От его приговоров зависят войны, мир, государственная власть, советы, суды, народные собрания, браки, союзы, законы, искусства, игрища, ученые труды... Вот уже и дыхания мне не хватает!..

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. *(входит)* Карнавал? Дочь! Я же оставила тебя глухонемой!..

АНТОНИО. Сударыня, ваша дочь заговорила!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Какое счастье! Но к добру ли это?

ЛУКРЕЦИЯ. О дама сердца моего! Хозяйка и вдова! Позвольте вас приветствовать! *(танцует)*

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Сэр, вы не боитесь, что она своими выходками испортит всю обедню?

ТОМАС. Наоборот. Она лишь развлечет нас.

ЛУКРЕЦИЯ. Если вы спросите о месте моего рождения, ибо в наши дни благородство зависит прежде всего от того, где издали вы свой первый младенческий крик, то я отвечу... Глупость родилась в Европе. На одном из самых оживленных перекрестков... где-то здесь, у нас... О, меня питали своими сосцами две прелестные коровы... и, кажется, одна волчица...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Сэр, насчет сосцов она перебарщивает?

ТОМАС. Нет, я не нахожу.

ЛУКРЕЦИЯ. И почему бы мне не изъясниться еще откровеннее? Скажите, разве голова, лицо, грудь, рука, ухо или какая другая часть тела, что слывут добропорядочными, производит на свет богов и людей? Нет, умножает род человеческий совсем другая часть, до того глупая, до того смешная, что и поименовать-то ее нельзя, не вызвав общего хохота...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Лукреция! О каких предметах ты говоришь? Опомнись!..

ТОМАС. Сударыня, это не она говорит.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Как не она? Я что, не узнаю свою дочь, не слышу ее голос?

ТОМАС. Это Эразм из Роттердама говорит.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. (Эразму) Милорд? Вы?.. (хлопает глазами) Тогда молчу я... молчу, хотя молчать не в силах...

ЭРАЗМ. Смотрите не на меня, а туда, туда!..

ЛУКРЕЦИЯ. Говорят, разум заточен в закутке черепа, здесь, а все остальное громадное наше тело отдано волнению страстей. Разум подчинил его двум тиранам: гневу и похоти, которая самовластно правит нижней половиной...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Антонио, голубчик, достань мне из домашней аптечки что-нибудь успокоительное.

АНТОНИО. С удовольствием. А где у вас аптека?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Там. Найди.

Антонио ищет аптечку.

ЛУКРЕЦИЯ. Сдается мне, что я восхваляю Глупость не совсем глупо.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Это ужасно, доченька!..

ЛУКРЕЦИЯ. Почему Вакх вечно юн и кудряв? Да потому что он кутила и пьяница, проводит жизнь в пирах и плясках. Какое божество чтили римляне усерднее, нежели Флору, мать всех наслаждений?

ТОМАС. Но римляне плохо закончили!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Сэр, я с вами совершенно согласна. У римлян был этот изверг Нерон. И второй, тоже изверг - Калигула. Они очень плохо закончили.

ЛУКРЕЦИЯ. Но спустимся на землю...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. А может, не надо, Лукреция! Оставайся пока там на небесах. Если тебе там вольготнее. Спустишься, когда уедут гости.

ЛУКРЕЦИЯ. Все, что есть в жизни приятного, тоже мой дар, и я берусь вам это доказать. Чем была бы земная наша жизнь, и вообще стоило бы ее называть жизнью, если бы лишена была она наслаждения? Вы рукоплещете мне или нет? Я плохо слышу!..

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Сэр, я в шоке! Теряю сознание!..

ТОМАС. И совершенно напрасно. Ваша дочь прелестно ведет свою роль.

ЛУКРЕЦИЯ. Ежели кто, видя тыкву, принимает ее за свою жену, то его называют сумасшедшим. Но если он, имея супругу, которую делит с весьма многими, клянется, что она вернее Пенелопы - его никто не назовет безумцем. Ах, мужчины! Вы рождены для дел управления, а потому должны были получить несколько лишних капелек разума, необходимых для поддержания мужского достоинства. Начнем теперь о внешней красоте, которую мужчины справедливо ставят превыше всего на свете. Эти милые щечки, эти милые ножки, тонкий голос и нежная кожа женщин вечно воспламеняют мужчин. Не этой ли цели служат все эти наряды, притирания, омовенья, дорогие безделушки, раскрашенные лица, подведенные глаза, искусно увеличенные округлости.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. При чем тут округлости? Сэр, вы заметили, она решительно все преувеличивает?

ЛУКРЕЦИЯ. Чем привлекают они к себе мужчин, как не глупостью?

В глупости женщин - высшее блаженство мужчины. Теперь вы видите, из какого источника проистекает любовь - первое и величайшее наслаждение в жизни?!

ТОМАС. Bravo, Эразм!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Мне плохо! Антонио, десять капель валерьянки.

АНТОНИО. Сейчас сделаю вам десять капель...

ЛУКРЕЦИЯ. Когда влюбленный целует пятнышко своей подруги или восхищается бородавкою на носу... Ах, какая милая бородавка! Что это такое, как не чистой воды глупость? Без приправы Глупости нам ничего не надо!.. Одним словом, без меня народ не мог бы долго сносить своего государя, госпожа - раба, служанка - госпожу, учитель - ученика, друг - друга, жена - мужа... О, если бы они не потчевали друг друга медом глупости!.. Ибо в человеческом обществе все полно глупости, все делается дураками и среди дураков...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Антонио, прикрой форточку - я не хочу, чтобы это услышали соседи!

ЛУКРЕЦИЯ. Глупость с удивительной легкостью гонит прочь и стыд, и страх, и совесть. Однако, лишь немногие смертные понимают, сколь выгодно и удобно никогда не стыдиться и ни перед чем не робеть. Мудрец читает книгу. Дурак, напротив, ее не читает. Зато, постоянно вращаясь в гуще жизни, он приобретает рассудительность, деловитость, звериную хватку... и часто, богатство, нажитое воровством и насилием.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Лукреция, я что-то не понимаю: куда ты клонишь?

ЛУКРЕЦИЯ. А что сказать о тех, кто верит в волшебные амулеты и

наговоры, выдуманные каким-нибудь обманщиком выгоды ради? А громкие имена, почетные прозвища? А божеские почести? А те, кто помышляют больше всего о собирании богатств, и лишь в самую последнюю очередь - о своей душе, если только вообще допускают ее существование, веря лишь в то, что доступно глазу.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Сэр, она совершенно справедливо сказала!..

ТОМАС. Вы находите?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Я тоже верю только тому, что могу пощупать. А если глаза не видят, то и я не вижу!

ЛУКРЕЦИЯ. И не подлежит сомнению: любая вещь имеет два лица. Снаружи как будто смерть, а заглянешь внутрь - увидишь жизнь. И, наоборот: под жизнью скрывается смерть, под красотой - безобразие, под изобилием - жалкая бедность, под позором - слава, под ученостью - невежество, под мощью - убожество, под благородством - низость, под весельем - печаль, под успехом - неудача, под дружбой - вражда, под пользой - вред! Сорвав маску, увидишь обратное тому, что рисовалось с первого взгляда! Судите сами, что случилось бы, если бы все люди были мудрецами?! Опять понадобился бы кусок глины, чтобы слепить из него человека...

ТОМАС. Bravo! Bravo! Эразм!..

Все слушатели бурно аплодируют. Лукреция кланяется и обращается к Томасу Морю.

ЛУКРЕЦИЯ. Милорд, я, Глупость, - вам посвящена. Так автор захотел. И потому вас приглашаю на парный ритуальный танец. Надеюсь, при дворе английского монарха, где так сильны традиции - танцует Глупость? Или там ей нет места?!

ТОМАС. Я думаю, она с успехом танцует не только при дворе английского монарха!

ЛУКРЕЦИЯ. Ведь мы обручены, сэр Томас Мор?

ТОМАС. В известном смысле - да.

ЛУКРЕЦИЯ. Благодарю вас, сэр!

(Лукреция и Томас Мор танцуют английский танец)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лондон. Вестминстер. Арки, характерные для времени Тюдоров. Королевские трубы возвещают о появлении Генриха VIII. Идут Генрих и Томас Мор. Король в состоянии ярости.

ГЕНРИХ. *(идет)* Мальчишка, укравший пирожок у зазевавшейся старухи, - тоже прав! И тот, что скрылся за углом сейчас - башмачник, убийца и бандит - он тоже прав! А этот лодочник, что отказался вас перевезти за

полпенса через Темзу - разве он не прав? И мать, что высекла ребенка насмерть, по-своему права, на то она и мать - она рожала этого ребенка в потугах, обливаясь кровью. Выходит, каждая живая тварь свои права имеет! Один лишь Генрих Восьмой, король Британии, - во всем неправ!..

ТОМАС МОР. Я так не говорю, ваше величество.

ГЕНРИХ. Вы говорите так, как говорите! Но вы и действуете так, как говорите!.. (*слышны звуки трубы*) Наш благороднейший, искуснейший, честнейший, почти святейший...

ТОМАС. Я не святой!..

ГЕНРИХ. Почти. Я не сказал святой! Не достает лишь одного: портрета лорда-канцлера. В великой, хоть и мрачной галерее Вестминстера, портрет ваш будет вечно напоминать, каких достойнейших мужей теряла Англия!..

ТОМАС. А что после портрета - смерть?

ГЕНРИХ. А вы хотите - жизнь? Обхитрить хотите судьбу? Так не бывает. Суббота создана для человека, а не человек для субботы. (*молчание*) Где королева? (*зовет*) Маргарет, ты где? Ах да, художник делает ее портрет. Осталось два штриха. Но эти два штриха мы можем делать в пять минут, иль растянуть на год... (*ходит, двигает мебель, шумит*) Так вспомним же о Генрихе Восьмом, поскольку он во всем неправ! Хвала Христу! Берите в руки свечки, и на колени. Король нуждается в великом просветленьи. Чума в башку проникла у него!

(*молчание*)

В мой день рожденья, по преданью, изрядно лаяли собаки, сторожевые псы. Я слышу до сих пор собачий лай. Поэтому боюсь охоты. Я, видимо, погибну от собак... или от женщин... Я чувствую: сжимается кольцо. Однажды свора псов, бульдогов, вбежит ко мне. Начнут лизать. И тут же разорвут на части, сожрут... съедят, и косточки облизуют...

(*молчание*)

Если нет ко мне вопросов, то у меня их тоже нет.

(*Томас Мор кланяется, хочет уйти. Генрих вновь останавливает его*)

Парламент прав в своих раденьях, считая дочь мою Елизавету законной наследницей престола. Один лишь лорд-канцлер возражает. Это так?

ТОМАС. Ваше величество... Елизавета рождена от Анны Болейн.

ГЕНРИХ. Так что с того?

ТОМАС. При здравствующей королеве. Традиции двора Тюдоров, и христианские установленья... Развод ваш не оформлен, и не принят Римом.

ГЕНРИХ. Рим не указ - сегодня сам я Рим! Я поменял жену. Екатерине сделал под зад коленкой. Это право каждого мужчины.

ТОМАС. Но не право короля. И возражает совесть.

ГЕНРИХ. Оставим совесть у порога дома. Все в этой жизни парадокс, кругом нелепости. И совесть наша вынуждена шлепать в грязных и вонючих

башмаках.

ТОМАС. От нас зависит дать ей башмаки почище.

ГЕНРИХ. Вот и поезжайте завтра в Рим, и попросите пару чистых башмаков у Юлия Второго... лжеца, клятвопреступника... Пусть даст вам пару чистых башмаков. Одну лишь пару. Получите?

ТОМАС. *(стараясь смягчить монарха)* Вы думаете, нет?

ГЕНРИХ. Уверен!

ТОМАС. Даже у святейшего престола?

ГЕНРИХ. Их нет в природе...

ТОМАС. Тогда как быть с законами? Особенно теперь, когда народ остался совершенно нищим. Вы не подскажете?

ГЕНРИХ. Я думаю, что подскажу. Перепишите их. Создайте новые законы. Удобные для нас. Вам что, бумаги не хватает? На книги вы находите бумагу. По всей Европе работают печатные станки, с двойной нагрузкой. При этом вы, лорд-канцлер, знать должны, чего сегодня хочет левая нога у короля.

ТОМАС. Левая?..

ГЕНРИХ. Вам правая по вкусу? Не возражаю, пусть будет правая. Вот эта! Она еще пружинит. Без старческого скрипа. И, вместе с левой, по-королевски ходит широко, а иногда танцует на балах со свежей дамою. Вот так! Не думайте уйти в отставку! Не приму! И не мечтайте. Мне нужен сильный канцлер, заботящийся о народном благе, на страх врагам! Такой, как вы! Прошу о малом: не старайтесь прыгнуть выше своей головы. Она у вас одна. Другой такой на островах не сыщем. Я все сказал.

(Молчание)

А что касается портрета, то... беру слова назад. Вначале мой портрет пусть сделает художник. Уйду вначале я из жизни, а вы... Храни вас Бог, прекрасный человек! Аминь!..

ТОМАС. *(сдержано)* Боже, храни короля! Аминь! *(идет)*

ГЕНРИХ. Там кто-то хочет меня видеть?

ТОМАС. Эразм из Роттердама.

ГЕНРИХ. Ах да! Философ, гуманист и богослов. Он что же, ваш близкий друг?

ТОМАС. Да, мой близкий друг. Издатель книг.

ГЕНРИХ. Да, слышал! Он издал вашу «Утопию», ту сказочку, где жареные гуси летают, и реки молочные текут. Нам выгодно иметь Эразма другом?

ТОМАС. Конечно, мой король!

ГЕНРИХ. Он пьет?

ТОМАС. Немного.

ГЕНРИХ. Барана за обедом может съесть?

ТОМАС. Наверяд ли.

ГЕНРИХ. А если с овощами и подливой?

ТОМАС. Наверяд ли.

ГЕНРИХ. А если растянуть обед часа на три-четыре?

ТОМАС. Не съест.

ГЕНРИХ. Слабак!

Томас Мор в эти минуты непроницаем, сдержан, спокоен.

ТОМАС. Он, начиная с вашей коронации, надеялся, что центром европейского просвещения станет Англия.

ГЕНРИХ. Он что же, во мне разочарован?

ТОМАС. В известной степени.

ГЕНРИХ. Нуждается?

ТОМАС. Живет на пенсионе меценатов, но пенсион весьма не регулярен. Он, в основном, живет духовной пищей.

ГЕНРИХ. Духовной пищей мы все живем. Я каждый день прочитываю семь страниц латыни, и столько же различного дерьма на европейских языках. Проси Эразма.

Томас Мор уходит и тут же возвращается, пропуская Эразма вперед. Генрих по-светски учтив, прост в обращении. Иногда остро чувствуется его вышколенность в знании придворного этикета.

ГЕНРИХ. Туманный Альбион вам рад!..

Эразм кланяется, приложив руку к сердцу.

Я слышал, вы всегда в пути, в карете.

ЭРАЗМ. В дряной карете, ваше величество. Да хранит вас бог!

ГЕНРИХ. (Томасу) Вы видели карету монсеньера?

ТОМАС. Ужасная... с поющими рессорами...

ГЕНРИХ. (добродушно и почти нежно) Карета у мыслителя должна быть не дряная, а великолепная. На мягком шелковом ходу, с серебряными застежками, с бархатной обивкой. Я немедленно такую закажу для вас в Париже. Я тут же пошлю нарочного. (Слегка наклонился) Надеюсь, вы сообразовали принять скромный дар монарха?

ЭРАЗМ. Сочту за честь, ваше королевское величество.

ГЕНРИХ. (подошел к столу, записывает) Вам нужна двухместная, четырехместная?

ЭРАЗМ. Полагаюсь на ваш вкус.

ГЕНРИХ. По своей природе я эпикуреец. Вы тоже. Не спорьте, знаю. Поэтому сделаем четырехместную, просторную. В ней легче будет взять с собою двух любовниц. Дороги на континенте размытые, скучные, время тянется медленно. Не будете же вы читать книги с утра до вечера. Устают глаза (написанное кладет в шкатулку)

ЭРАЗМ. Хорошо шутите, ваше величество.

ГЕНРИХ. У Генриха положено шутить. В традициях двора - дурачить публику, держать шутов, к тому же... Мы их кормим, поим, одеваем - они нас развлекают. Не озирайтесь, Томас, королева выйдет в положенный ей час. Вы как по женской части... любитель сладкого?

ЭРАЗМ. Простите... я не до конца расслышал?

ГЕНРИХ. *(повысил голос)* Вы любитель баб?..

ЭРАЗМ. *(замялся)* По латыни это называется: с места в карьер. Любитель каких б-бб? *(не решаетя произнести вслух грубое слово)*

ГЕНРИХ. Не шлюх, конечно. Хотя и среди шлюх бывают экземпляры такие, что пальчики оближешь.

ЭРАЗМ. Государь, я не... не, не.

ГЕНРИХ. Не любите? Изъян. А я как раз хотел вам предложить на выбор два-три приличных лондонских борделя. Томас, не бледнейте. Здесь мужчины, я надеюсь?

ЭРАЗМ. Я не боюсь шутки, ваше величество.

ГЕНРИХ. Зато боитесь женских потрохов. А я их не боюсь, потому что знаю, как с ними обращаться. *(смеется)* Идите за мной, кое-что покажу.

Он идет и раздвигает шторы в нише стены. За шторами скрыты пять женских живописных портретов и герб династии Тюдоров.

Нравятся?

ЭРАЗМ. Вызывают чувство восторга.

ГЕНРИХ. Я рад...

ЭРАЗМ. Красавицы!

ГЕНРИХ. *(не очень громко, походя)* Я с ними спал.

ЭРАЗМ. Естественно... Я говорю, естественные краски, и так играют.

ГЕНРИХ. Как живые!

ЭРАЗМ. Прекрасно, тонко, даже хорошо...

ГЕНРИХ. Кого-нибудь узнали, лорд-канцлер?

ТОМАС. Всех. И прежде всех - Екатерину.

ГЕНРИХ. Ей здесь двадцать четыре. Не сумела дать мне наследника. Старалась - не сумела. Я горевал тогда.

ЭРАЗМ. Талантливая кисть!

ГЕНРИХ. Талант замечен, но не хватило нам таланта родить наследника. Мальчишки появлялись, и трижды, но мертворожденные. Как будто проклятье изначально меня преследует. Собаки вечно гонятся за мною. *(задерживает шторы)* Зато есть у меня две шустрых дочки... Мария и Елизавета. Королевы уходят, а портреты остаются. Запиши, Томас. Когда-нибудь процитируешь Генриха Восьмого. Авось, вместе со мной войдешь в историю. Или, наоборот, я, вместе с тобой, влипну в нее.

ТОМАС. История решит сама...

ГЕНРИХ. *(смеется)* О нет! Распутной девке доверять нельзя.

Облагородит, подчистит, перелицует, подрумянит, в угоду действующему монарху.

ТОМАС. *(сложил руки по католическому обряду)* Боже, храни короля!

ГЕНРИХ. Бог сохранит, если вы не помешаете, милорды. *(к Эразму)* Хотите пить? Вот тут в кувшине легкое вино... без церемоний прошу. А завтрак скоро будет. Говорят, вы переложили с Вульгаты на латынь Новый завет.

ЭРАЗМ. Это верно, ваше величество.

ГЕНРИХ. Апостол Павел будто бы вам близок очень.

ЭРАЗМ. Да, все так... Апостол Павел.

ГЕНРИХ. Еще я слышал... вы в восторге от Лукиана и Апулея?

ЭРАЗМ. О, Лукиан из Самосат! Его «Похвала мухе» - выше всяческих похвал.

ГЕНРИХ. Похвала кому? Той, что...

ЭРАЗМ. Летает и жужжит, ваше величество.

ГЕНРИХ. Томас, летает и жужжит... у нас есть, в королевской библиотеке?

ТОМАС. И даже в нескольких переводах.

ГЕНРИХ. Хочу прочесть! Я слышал, Эразм, будто вы сами сочинили поэму чуть ли не в тысячу строк, не слезая с седла, на шикарном кобыле, у подножия Альп в Италии. *(весело. Говорит и одновременно пьет вино)* Вы видите, сколько подробностей я знаю про вас. Действительно, было такое?

ЭРАЗМ. Одна поправка, ваше величество.

ГЕНРИХ. Обожаю, когда поправляют королей...

ЭРАЗМ. Подо мной была не кобыла, а конь.

ГЕНРИХ. Какой масти, не помните?

ЭРАЗМ. Вороной.

ГЕНРИХ. Мы сегодня же втроем сядем в седла. Дружеская прогулка на вороных в Гайд-парке. Слабости гостей надо уважать.

ЭРАЗМ. Равно, как и слабости королей.

ГЕНРИХ. *(шумно в голос смеется)* Вы мне все больше и больше нравитесь, Эразм из Роттердама. Из ваших оригиналий я читал одну, ту, что называется «Похвальное слово глупости». Глупость сама себя хвалит. Великолепный авторский ход.

ЭРАЗМ. Вы находите его великолепным, ваше величество?

ГЕНРИХ. Панегирик самому себе. Что может быть лучше! В делах государственных я часто так делаю. Лорды, вам повезло с королем! Видите, какой я демократ, как я открыт для всех, какой я умный и добрый. Старые жабы, проснитесь! Эй, депутаты парламента, вы слышите меня? Вам повезло с королем! И жабы начинают квакать послушно и дружно. Они подают голос в защиту того, кто на троне.

ЭРАЗМ. Обычное дело...

ГЕНРИХ. И все же, перца вы переложили! Не найдете желудка, который мог бы все это переварить. У вас один дурак догоняет другого. Императоры, кардиналы, принцы, министры, монахи, чернь - все у вас дураки. Все, как один. Исключений нет ни для кого! Но так же не бывает. *(смеется)* В таком случае, вот один из дураков, коронованный... *(паясничая)* А вот его задница и все остальное дурацкое хозяйство. *(Увидел издали идущую в залу королеву)* А вот шествует дура-королева. Напялила на себя трехъярусный дурацкий балдахин и счастлива: красиво! Ей кажется, что это красиво. За окнами весна, а ей холодно, не греет кровь. *(идет к ней с распростертыми объятиями)* Здравствуй, моя козочка! Прости, я рано ушел от тебя. Государственные дела отвлекли... и собаки...

Входит королева, - молодая женщина, усталая, напудренная и богато одетая.

МАРГАРЕТ. *(в поклоне)* Они снова лают в твоей голове?

ГЕНРИХ. Не подозреваю, чем их можно накормить.

МАРГАРЕТ. *(теперь она кланяется гостям)* Монсеньеры, я рада вас видеть. Прекрасная погода, не правда ли?

Эразм и Томас Мор кланяются.

ГЕНРИХ. Прошу удостоить внимания. Гуманист и просветитель. Эразм из Роттердама. Он считает нас дураками.

МАРГАРЕТ. *(без тени удивления)* Трогательно.

ГЕНРИХ. Он из Роттердама.

МАРГАРЕТ. Это где-то около Кале?

ГЕНРИХ. Роттердам, моя прелесть, - это столица Голландии.

МАРГАРЕТ. Да, да! За Ла-Маншем, в сторону Кале. Я не помню, у нас мир или война с Голландией. Генрих, ты помнишь? *(обращаясь к Эразму)* Монсеньер, мы не в войне с вами?

ЭРАЗМ. О нет, ваше величество! У нас с вами дружеские давние дипломатические отношения.

МАРГАРЕТ. Тогда почему нет музыки, согласно церемонии?

ГЕНРИХ. Мэг, дорогая, он не посол и не министр.

МАРГАРЕТ. Не посол и не министр? Тогда кто же вы, прекрасный старичок?

ГЕНРИХ. Он просто... гуманист.

МАРГАРЕТ. А что, быть гуманистом, это так важно? Скажите, а как оплачиваются гуманисты? На эти деньги можно нормально прожить? Разве я сказала что-то смешное? Генрих, у тебя в голове опять лают собаки? Бедняга... Какой милый старичок, наш гость... верно? *(Обращаясь к Эразму)* Вы впервые на британских островах?

ЭРАЗМ. Нет, ваше величество, не впервые.

МАРГАРЕТ. Приходилось ли вам бывать во Франции?

ЭРАЗМ. О, да!

МАРГАРЕТ. И при дворе?

ЭРАЗМ. При дворе.

МАРГАРЕТ. А верно ли, что при французском дворе скверно кормят? Из-за стола еще не встали, а уже снова есть хочется. Это так?

ЭРАЗМ. *(затинаясь)* Да... там изысканно, но очень скромно подают.

МАРГАРЕТ. И гости не жалуются? Молчат?

ЭРАЗМ. Молчат, ваше величество.

МАРГАРЕТ. В отличие от них у нас вы можете поесть досыта. Генрих любит хорошо покушать. И выпить. Верно, Генрих? Он вас обязательно осыплет своими милостями. На днях он подарил герцогу Бургундскому новую карету, с откидным верхом. В ответ герцог прислал нам четырех дойных коров. И теперь у нас есть свое парное молоко. Вы пьете парное молоко?

ЭРАЗМ. *(пожал плечами, пытается настроить себя на диалог с королевой)* Не знаю.

МАРГАРЕТ. Генрих, ты слышишь? Наш гость такой смешной. Он не знает, пьет ли он парное молоко. *(к Эразму)* Неужели это так трудно вспомнить? Отчего у вас подергивается веко? Волнуетесь?

ЭРАЗМ. Сударыня... Простите, ваше величество, я не... не...

МАРГАРЕТ. Как же вы не волнуетесь. Если вы уже оторвали пуговицу от своего камзола?

ЭРАЗМ. Я? Где?

МАРГАРЕТ. Да вот же она, у вас в руках.

ЭРАЗМ. Пуговица?

МАРГАРЕТ. Пуговица. Дайте ее мне. Ее надо пришить. В королевском доме, и с оторванной пуговицей? Это же анекдотический случай. Ай, ай, ай, неприлично. Посидите здесь, я схожу за ниткой и иголкой. Генрих, разреши мне покинуть вас на одну минуту. *(уходит)*

Генрих чему-то загадочно улыбается.

ГЕНРИХ. Лорд-канцлер, я хочу поменять эту женщину на другую.

ТОМАС. В седьмой раз? Это невозможно, ваше величество.

ГЕНРИХ. *(полушутливо)* Не тьякайте! Все равно я ее поменяю.

(Слышен стук. Генрих прислушался.)

Томас, в этот час меня не должны беспокоить. Кто там?

ТОМАС. *(он идет к дверям)* Его величество заняты. Что нужно?

ГОЛОС. *(из-за двери)* Казначей его величества просит аудиенции у короля.

ГЕНРИХ. *(мгновенно вспыхнул гневом)* Ублюдок! *(бросился к дверям)* Не убегай! Я же знаю, ты запустил лапу в королевский сундук. Тебя должны схватить! *(кричит)* Догоните эту шкуру! Вор! Казнокрад! Казначей, называется... Эшафот от тебя не уйдет, если не сбежишь во Францию. Всему

свое время и свой час. Чтoб вы все передoхли, чиновники мои золотые!..

МАРГАРЕТ. Генрих, ты кричал. Чтo случилось?

ГЕНРИХ. Собаки!

МАРГАРЕТ. Опять?

ГЕНРИХ. Дай чтo-нибудь выпить. *(пьет)* Уже легче. *(передохнул)*
Эразм из Роттердама!..

ЭРАЗМ. Я весь внимание, ваше величество. *(он снял камзол, передал его Маргарет)*

ГЕНРИХ. Напомните. Каков ваш девиз? Я где-тo его лицезрел, и, помню, он меня поразил своей установкой.

ЭРАЗМ. «Не уступаю никому».

ГЕНРИХ. Ваш девиз?

ЭРАЗМ. Да.

ГЕНРИХ. Великолeпно! Не уступаю никому! Это больше, чем может позволить себе властелин. Не уступаю никому!.. Тем более, этой гадине, облаченной в римскую тогу! Римскому первосвященнику! Вот ему я, - поверьте - не уступлю никогда! Среди собак его голос самый сильный, заливиcтый и злой. Голос из стаи! Это постоянное тьякanye и звериный рык из Рима! Он вмешивается в дела нашей церкви, в мои семейные дела... Кто ему дал эти права? Индульгенции святого престола! Собаки!.. Вы хорошо улыбаeтесь, Эразм! Подарите мне свою улыбку. И возьмите меня в свои ученики. Я буду прилежно учиться. Не хотите? Считаете, поздно?..

ЭРАЗМ. *(снисходительно улыбаясь)* Читайте мои книги, ваше величество. Там все сказано. Я слышал, вы собираeтесь провести школьную реформу?

ГЕНРИХ. Непременно!

ЭРАЗМ. Возьмите мою книгу «Разговoры запросто». Я писал ее для детей. Она могла бы стать настольной... Ваше величество, вы меня слушаете?..

Но король Генрих уже не слушал Эразма. Сейчас он стоит далеко от него и, широко расставив ноги, смотрит издали на Томаса Мора и Эразма.

ГЕНРИХ. Да, да... мы издадим ваши книги... Да, да, да! Томас Мор и Эразм. Два рыцаря... сподвижники рассудка и справедливости... *(мягко улыбаясь)* Не знаю, может быть, я сумею со временем поссорить вас... и сделать вас со временем врагами. О, это было бы в традициях английских королей!..

ЭРАЗМ. А зачем?

ГЕНРИХ. Лорд-канцлер! Вы не хуже меня знаете, в чьих это будет интересах. В интересах короны Генриха Тюдора! Иных интересов у меня нет, и быть не может. Кстати, и у вас тоже.

Слышны трубы королевских стражей.

Труби, дружок, сильнее! Звонче! Вы слышите сигнал: к столу нас приглашают.

МАРГАРЕТ. Я пришла пуговицу.

ГЕНРИХ. Поздравляю вас, королева. Вы оказались способной пришить пуговицу. Вы пришли пуговицу! Это почти блаженство!..

Снова звучат трубы

Он прав! И тот, и этот!.. Сэр Томас Мор, и вы, Эразм из Роттердама! Вас пригласят к столу через минуту. А пока... побудьте здесь наедине. Обговорите, обмусольте бороду и личность короля, поскольку он во всем неправ. Я знаю: Генрих негоден вам... Он, Генрих, слишком властелин!.. Надеюсь, вы поняли теперь мой стиль. Я всех вас слушаю, но делаю всегда по-своему!.. *(и он уходит, вместе с королевой)*

Пауза. Томас Мор и Эразм остались одни.

ТОМАС. *(с невеселой улыбкой)* Где нам найти такой прибор, чтобы очистить воздух в государстве?

ЭРАЗМ. В Европе такой прибор еще не изготовлен. *(секунду помолчал)* Конечно, он попырует вас подкупить.

ТОМАС. Нет, не попырует. Он все отлично знает наперед. И знает о том, что я отлично знаю о том, что будет впереди. А если попырует.. то в дураках останется. А короли не любят оставаться в дураках. Им гонор этого не позволяет. *(он достает из своего саквояжа шкатулку)* На дне шкатулки этой будет мой подарок для Эразма. Гусиное перо. Коль вы его получите, то знайте: наш королевский Робин Гуд, палач... одним ударом топора срубил кочан капусты - голову мою. Кочан теперь валяется в корзине для белья, и залит кровью. На дне шкатулки вы сможете прочесть четыре слова: «Сэр Томас Мор. Аминь.» И сразу вам станет ясно: игра закончена.

ЭРАЗМ. *(секунду помолчал)* Сэр Томас Мор... великий гражданин. Надеюсь, - я не получу твою шкатулку...

ТОМАС. И я хочу надеяться, но шансов мало. Очень мало шансов у нас...

Слышны снова королевские трубы.

Появился Генрих.

ГЕНРИХ. Мне надоело ждать вас, господя! *(он делает широкий жест рукой)* Философы шестнадцатого века, красавцы дорогие, аскеты, мудрецы, любимцы наши,.. пожалуйста к столу. Но это только завтрак. Обедать будем позже.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Дом Вильгельмины. По поручению Эразма и Томаса Мора здесь построена комната-келья. (Такие строились в Европе со времен

св.Иеронима). Она рассчитана на одного человека. На втором этаже, прямо над кельей, комната Лукреции. Сверху, по блочной системе, спускается небольшая корзинка из ивовых прутьев. Через эту корзинку записками Эразм и Лукреция «переговариваются» между собой.

Начало дня. Эразм, одетый в мантию (она хорошо держит тепло), сидя в кресле, что-то пишет. Сверху спускается корзинка, какое-то время Эразм не спешит брать содержимое корзинки, затем он достает из нее записку, читает и пишет свою, кладет в корзинку, дергает за веревочку - наверху слышен негромкий звонок. Лукреция подымает корзинку, берет из нее записку, читает и пишет свою, кладет в корзинку, но отправлять ее не торопится... спускается вниз на первый этаж, идет на кухню и через минуту, предварительно постучав, входит в келью Эразма, ставит стакан с чаем на столик Эразма, молча, не отвлекая его, уходит. Через минуту откуда-то несет деревянное ведро с водой. Ее окликает Антонио. Он вошел с улицы, с плеткой в руках.

АНТОНИО. Привет тебе, Лукреция!.. Лукреции привет!..

ЛУКРЕЦИЯ. Что делал, дон Антонио?

АНТОНИО. Прогулку совершал на вороном коне. Великолепно чувствую себя, грудь распирает. Готов от счастья прыгать до небес.

ЛУКРЕЦИЯ. А это по какой такой причине?

АНТОНИО. Тебя увидел... и хочется мне прыгать.

ЛУКРЕЦИЯ. Н-да... причина уважительная... Вот и помоги мне, дуралей. У нас сегодня праздник. Три месяца прошло, как муж ученый Эразм из Роттердама поселился под этой крышей...

АНТОНИО. Что делать, говори.

ЛУКРЕЦИЯ. Перелей воду из деревянного ведра в железное. Поставь ведро на стол. Мы ждем гостей, почтенных зрителей с соседних улиц. У нас театр сегодня. Я снова буду Глупостью для них. Раскрашу мордочку свою, рот до ушей... и буду славить автора творенья. «Похвальное слово глупости». О, глупость! Мы процветаем с вами с каждым днем, от века к веку, бессмертны, как жизнь сама!.. *(смеется)* А помнишь, как стучал ты в дверь, три месяца назад?

АНТОНИО. *(имитируя давний стук)* Бум, бум, бум!..

ЛУКРЕЦИЯ. *(голосом Вильгельмины)* Эй, брюхо, не ломай двери!

АНТОНИО. *(имитируя)* Хочу спросить...

ЛУКРЕЦИЯ. Спросить - не обязательно ломать. Эй, морда, как тебя зовут?

АНТОНИО. Сэр Томас Мор!..

ЛУКРЕЦИЯ. *(смеется)* Притворщик! Я сразу угадала: ты, Антонио, притворщик. Лисица и козел одновременно. Помоги прибраться площадке для зрителей...

АНТОНИО. *(он расставляет стулья и скамейки)* Лукреция, без шуток... ты мне подходишь.

ЛУКРЕЦИЯ. Давно решил?

АНТОНИО. А сразу, как увидел тебя глухонемую. Тогда мне показалось, что ты чуть-чуть кивнула мне головой. Я сразу раскусил: колдовская сила в этой девке...

ЛУКРЕЦИЯ. Загвоздка в том, что ты не мой мужчина.

АНТОНИО. Ишь, как легко ты рассчитала...

ЛУКРЕЦИЯ. А я умею считать до двух, до трех... *(хочет уйти)*

АНТОНИО. Лукреция, глоток воды... из рук твоих.

ЛУКРЕЦИЯ. Пей, если хочешь... вода у нас хорошая...

АНТОНИО. *(ньет)* С каким-то привкусом...

ЛУКРЕЦИЯ. А это привкус меда и целебных трав. Наш город славится в Европе своей водой.

АНТОНИО. Выходит, я не распробовал?

ЛУКРЕЦИЯ. Так распробуй.

АНТОНИО. *(обнимая ее)* Не возражаешь, если мы вместе распробуем. Вдвоем на сеновале?

ЛУКРЕЦИЯ. *(резко)* Не ем лягушек! Брезгаю!

АНТОНИО. *(обидчиво)* Под соусом сойдет!

ЛУКРЕЦИЯ. Есть пословица: не все, не везде, не кому попало. Уйди! Я не хочу! Не трогай меня! Будешь жалеть, Антонио! *(идет)*

Эразм услышал шум, отвлекся, встал, подошел ближе к говорящим. Слушает.

Я тороплюсь, Антонио. Театр надо прибрать. К нам будут гости. А вдруг их будет очень много...

АНТОНИО. Вот это было бы прекрасно. Не уходи, фламanka! Нам надо объясниться. Кто он, тот счастливчик?

ЛУКРЕЦИЯ. Твое какое дело. Ты тут при чем?

АНТОНИО. *(смеется)* Любовь через корзинку. Роман в стихах про Дафниса и Хлою?

ЛУКРЕЦИЯ. Роман в стихах про Дафниса и Хлою.

АНТОНИО. Со стариком?

ЛУКРЕЦИЯ. А ты не выглядишь моложе!

АНТОНИО. Что это, фарс или идиллия? Церковная кантата? Или просто насмешка над солидным человеком, отцом, учителем? Ведь я могу и не позволить это.

ЛУКРЕЦИЯ. Кто, ты? Мне весело. Ты что сказал?

АНТОНИО. Могу обидеться. Ведь я такой. Бываю хладнокровным, а бываю...

ЛУКРЕЦИЯ. Осел ты! Пустозвон!

АНТОНИО. Лукреция, не обижайся! Я лучше знаю старика. Он скуп, он сух, бывает неприступен. Неделями молчит, тогда он сам не свой. Он все чего-то ищет, мыслит, ждет. Особенно теперь, когда он озабочен, после поездки в Лондон. Что там случилось, я не знаю... Какой резон тебе, красивой, юной... рожденной для земной любви. Живая женщина и требует живого. Ей труп не нужен. Хоть раз взгляни ты на себя со стороны. А хочешь я скажу, но это будет язвительно и просто.

ЛУКРЕЦИЯ. Скажи.

АНТОНИО. Ты Хромоножка паршивая! Однажды ты получишь поток ругательств в спину. От этих вот людей, что в твой театр придут. От обывателей, которых в жизни хоть пруд пруди...

ЛУКРЕЦИЯ. Конец. Мне очень хочется тебя послушать, осел по имени Антонио, но... *(идет)* Не имею времени...

АНТОНИО. Настанет час, и узенькой твоя дорожка станет.

ЛУКРЕЦИЯ. Там поживем-увидим!

АНТОНИО. Убедишься, я не осел. Клянусь, я не осел!

ЛУКРЕЦИЯ. Ну, если уж клянешься... значит, похуже осла... Запомни это, раб! Мой мед не для тебя. Я - дочь издателя священных книг. И то, что связано с душою- свяленно и красиво для меня. Мне жаль, ты ничего не понял в этой жизни. А топчешь ты ее не первый год, - второй десяток, даже третий... *(идет)*

АНТОНИО. Лукреция, хочу поближе...

ЛУКРЕЦИЯ. Чего ты хочешь, дон Антонио?

АНТОНИО. Пойдем на сеновал. Пойдем, пойдем... Я подарю тебе колечко из золота!

ЛУКРЕЦИЯ. Кольцо? А ну-ка покажи.

АНТОНИО. Вот. Дарю, бери. *(протягивает кольцо)*

ЛУКРЕЦИЯ. Наконец-то... раскрылся мой цветок. Дурак... какой же ты... Ну, чистый, вылитый, законченный, махровый персонаж... из нашего спектакля! Из «Похвального слова глупости»! *(и коротким движением бьет его деревянным ведром по лицу)*

Антонио падает. Лукреция уходит.

АНТОНИО. Зачем же бить до крови? Могла бы на словах!..

Эразм возвращается к своему столику. Переставляет фигуру на шахматной доске. Заглядывает в корзинку - находит там записку, прочитывает ее. Вильгельмина идет с подносом. На подносе завтрак для Эразма.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Огурчик! Ты что такой свирепый?

АНТОНИО. Беда случилась.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Какая же беда и в чем она?

АНТОНИО. Хозяин мой ни ест, ни пьет. За сутки крошки не было во

рту. Я тоже голодаю, и вот из носа кровь хлынула... от малокровья. Сегодня ехал на коне - упал с коня. От малокровья. Слабею с каждым днем. Питаюсь плохо и нерегулярно...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Огурчик, я поняла. Нерегулярность зависит от тебя. Ты должен регулярно приходить ко мне. На кухню чуть почаще, а в спальню - чуть пореже. И улаживать, и ручки целовать мне регулярно. *(идет к Эразму)*

АНТОНИО. Запрещено! Ведь это келья, не что-нибудь иное.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Кому запрещено? Мне, Вильгельмине?

АНТОНИО. Да хоть епископу! Что на подносе тут у вас?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. У нас тут завтрак для их превосходительства. Салат картофельный с морковью. И крылышко от птички.

АНТОНИО. Есть много птичек. Гуси, куропатки, индюки...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. На индюка ты сам сейчас похож!

АНТОНИО. А же не сказал, что вы похожи на сороку. Чье крылышко?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. От курицы...

АНТОНИО. Фиксируем: тут курица на блюде...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. А я о чем толкую. Еще бобы. И рюмка крепкого напитка.

АНТОНИО. Вы что, с ума сошли? Додумались! Хотите погубить мыслителя? Звезду Европы?! Гения планеты?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. А что же надо?

АНТОНИО. Ему? Кусочек ржаного хлеба, вот такой малюсенький. И чашку молока.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Большую чашку?

АНТОНИО. Среднюю. Он в келье. А что такое келья. Это голод, абстракция, режим и тишина. И мысли, мысли, мысли. Я мыслю - я живу. Он думает за нас.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. А что же мы?..

АНТОНИО. Не трудно догадаться. Мы помогаем, мы вокруг, мы на орбите. Все, что он напишет - подлежит печати. Как там у нас дела?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить - его труды расходятся успешно. Одна беда: не знаю, как за ним ухаживать. Вчера я предложила ему рыбу.

АНТОНИО. Он отказался?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Нет, но он сказал. Вы приготовьте мне рыбу, которая на самом деле не рыба.

АНТОНИО. Так это же философский ответ. Он правильно и мудро вам сказал, а я скажу еще покрепче. Кстати, рыбу я тоже обожаю. *(он отводит ее в сторону)* Келейный разговор у нас, но келья там и нас не слышит... Сударыня, я рыбу обожаю, особенно под винным соусом...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. А фигу с маслом ты не хочешь?

АНТОНИО. Хочу. И фигу, и хозяйку с маслом. А все, что на подносе здесь - немедленно на столик!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Но... это же...

АНТОНИО. Сударыня, я дважды не повторяю просьбу...

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Хорошо, но уговор дороже денег...

АНТОНИО. Сегодня обещаю к вам зайти. *(пьет и закусывает)*

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Взгляни сюда, огурчик. На меня взгляни. Вот если чашка поставлена вверх дном, вот так, у входа в спальню, то смело заходи.

Слышен истошный женский вопль.

АНТОНИО. Это, видимо, Лукреция тренируется... репетирует роль Глупости... *(пьет и закусывает)*

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Да, кажется, она в ударе! *(быстро уходит)*

АНТОНИО. *(трапезничает)* Да, уговор, конечно... но не дороже денег. Две женщины, и обе герцогини, и обе тянутся ко мне. Одна настолько сильно, что бьет меня до крови ведром по морде, а другая... ну, другая с пеною у рта мне объясняется в любви и просит быть мужчиною. Слуга покорный, так кто же я сегодня? Плебей? Аристократ? Иль человек, готовый поглумиться над учителем своим? Иль просто человек эпохи новой, где все догматы церкви идут по низким ценам с молотка? Вот так, наверно, размышлял когда-то великий еретик Николло Макиавелли. Он говорил: за все надо платить!..

ЭРАЗМ. *(голос из кельи)* Антонио, слуга?

АНТОНИО. *(насытившись по горло)* Слуга?! Слуга сегодня, а завтра мы увидим, кто для кого окажется слугой... *(идет в сторону кельи)* Я весь внимание, учитель!

ЭРАЗМ. Меня волнует мысль, Антонио...

АНТОНИО. Мысль? Вы что-то новое увидели?

ЭРАЗМ. Да. Меня волнует мысль. Ты сможешь или не сможешь сжечь меня?

АНТОНИО. Сжечь? Как это сжечь? Конечно, это ваша метафора, учитель?

ЭРАЗМ. У ратуши, по приговору инквизиции, сжигают книги Эразма Роттердамского. А заодно, и человека в мантии... самого меня, Эразма. Но вот что интересно, они придумали и требуют, чтоб ты, мой ученик, честь судьям оказал... чтоб ты черкнул бы первым спичкой. Сможешь? Дело-то ведь в сущности простое...

АНТОНИО. Вас сжечь? О, господи! Такое и во сне мне самом страшном не приснится. Да это было бы позором и кошунством. Нет, не смогу! Да это было бы морально тяжело! Клянусь отцом и матерью...

ЭРАЗМ. Тебе расскажут о том, что мир после сожжения Эразма станет

чище... наступит рай земной после сожжения Эразма... Лукреция, дай парню спички... (*вдруг заговорил гневно и возвысив голос*) Он лжет о том, что книги Эразма он прочитал! Он их не читал! Он не умеет читать и разучился думать. По сути ему ведь все равно, кому служить. Вот в чем трагедия. Ты научи его взорвать вот этот дом, где мы живем, и город, саму Европу, - и он взорвет их!.. Даст повод Сатане сверкнуть глазами от восторга. Европы больше нет! Кельнского собора нет больше! Нет Рима! И нет священной могилы Алигьери Данте! Там сейчас лагуна с грязной, черною, прокисшею водой...

Пауза.

Быстро входит Вильгельмина. И она снова с подносом.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Что случилось?..

ЭРАЗМ. Да, что случилось? Обезьяна еще не стала человеком. Вот что случилось... Прости, Лукреция. Прости за то, что этот пасквиль на человека был моим учеником (*идет в келью*)

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Позвольте мне войти к вам?

ЭРАЗМ. Пожалуйста. Вы что-то принесли?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Да, я принесла вам чашку молока и маленький кусок ржаного хлеба, как вы того хотели, монсиньор.

ЭРАЗМ. Я разве этого хотел?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Да, монсиньор...

ЭРАЗМ. Спасибо, благодарствую покорно... Стефания-Камилла-Вильгельмина, скажите... как идут у нас дела?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Начали потихонечку, а теперь... от заказчиков нет отбоя. Особенно на книги Эразма Роттердамского. Но и католики, и лютеране ждут от вас решающего выступления в защиту Реформации.

ЭРАЗМ. (*резко*) Его не будет! И католики, и лютеране жаждут крови и войны. Для кого-то война, точно приглашение на званый обед. Я против войн!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Упаси бог! Не сердитесь, я не хочу с вами вступать в дискуссию. Все, что выходит из-под вашего пера, немедленно передается тиснению.

ЭРАЗМ. Отлично. Значит, у нас есть деньги на дорогу до Лондона.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Кто-то собирается в Лондон?

ЭРАЗМ. Ваша дочь Лукреция.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Лукреция, это верно?

ЛУКРЕЦИЯ. Да. Над головой Томаса Мора сгущаются тучи. Вот уже две недели от него нет вестей...

ЭРАЗМ. А отсутствие вестей - тоже вести. Она выполнит несколько моих поручений и вернется назад.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. Я думаю, для этого есть Антонио. Мужчина.

ЭРАЗМ. Антонио через час покидает меня навсегда.

АНТОНИО. (*он ошарашен*) Впервые слышу об этом...

ЭРАЗМ. *(говорит мягко, сухо)* Я всегда считал: европейцу свойственны великая застенчивость и скромность. Но в последнее время он почему-то стал задницей проламывать стулья. Стул существует для того, чтобы на нем по-человечески сидеть. Конечно, Антонио, у вас есть и некоторые достижения. Одно из них: говорить об этих достижениях.

АНТОНИО. *(со слезой в голосе)* Это все, что вы нашли во мне, апостол истины?..

ЭРАЗМ. Не играйте, Антонио! Исцелился сам, мой друг... тебе не нужен учитель. Ту уже его перерос... *(смеется)* Тут есть один секрет, Лукреция. Я за систему защиты от дураков, но секрет состоит в том, что от дураков защититься нельзя. Дураки, они... по-своему, очень умные и расторопные люди. Это почти мы сами. Как же мы сами от себя можем защититься, коль скоро мы рождены людьми и дураками. Нет, от дураков решительно нет никакой защиты. *(продолжает смеяться, идет к Вильгельмине)* Камилла, у вас в руках печатный станок - почти божественный инструмент. Вы печатаете книги. Вам так повезло! Вы оказались в нужное время и в нужном месте. Так давайте говорить о духовной пище - о книгах.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. О книгах говорить не надо - их надо печатать. И выгодно продавать.

ЭРАЗМ. Мысль, достойная Сенеки!

АНТОНИО. *(Эразму, хлюпая носом)* Вы всегда мне так верили, учитель.

ЭРАЗМ. Врать не надо - будет доверие!

АНТОНИО. Когда-то я впервые услышал слова Эразма. Если мне причинили зло, которое мы не в силах поправить, надо его переносить терпеливо, без мести, не отвечая злом на зло. Низко кланяюсь вам, учитель. *(быстро уходит)*

ВИЛЬГЕЛЬМИНА. *(с нотой восхищения)* Как он вспыхнул, наш огурчик! У парня гальский темперамент. А я все-таки, с вашего разрешения, пойду и покормлю его... хотя бы овсянкой. *(уходит)*

Лукреция и Эразм остались одни. Лукреция идет к камину - ворошит огонь. Огонь в камине разгорается. Затем она идет к Эразму и игриво, с каким-то затаенным смыслом, ходит вокруг него, почти танцует.

ЛУКРЕЦИЯ. Эразмус и Лукрециус!.. Виват!

ЭРАЗМ. *(не отрываясь от письменных принадлежностей)* Вы можете подойти ко мне поближе?

Лукреция подходит.

Дайте мне ваши уши.

ЛУКРЕЦИЯ. *(опускается на колени)* Вы хотите их снова подергать? Зачем?

ЭРАЗМ. Дайте!

ЛУКРЕЦИЯ. Возьмите!

(Он потрогал ее уши)

ЛУКРЕЦИЯ. Дело о моих ушах уже закрыто?

ЭРАЗМ. Да, разумеется. *(и вдруг как-то неожиданно и весьма звучно прочел стих)* «И горячие слезы падали ей на ланиты..!»

ЛУКРЕЦИЯ. *(прислушалась)* Что это?

ЭРАЗМ. Строка из средневековой легенды. «И горячие слезы падали ей на ланиты». Это звучит весьма музыкально на латыни. Обо мне скажут: он хорошо знал латынь... как никто другой в Европе.

ЛУКРЕЦИЯ. Дези! Ты чем-то сильно расстроен... Чем?

ЭРАЗМ. Да. Похоже, что скоро... скоро мы расстанемся друг с другом, прекрасная Лукреция... навсегда.

ЛУКРЕЦИЯ. Почему?

ЭРАЗМ. *(перебирает листы бумаги)* Наш сюжет заканчивается. Такова природа человека. Он не может выскочить из своего сюжета. Из своего века, из своей эпохи. Жил, творил, смотрел на звезды, был молодым и красивым...

ЛУКРЕЦИЯ. И никаких отступлений от сюжетной линии? Не верю! Надо что-то придумать...

ЭРАЗМ. *(довольно весело)* Так отчего же ты медлишь?

ЛУКРЕЦИЯ. *(тут она уткнулась лицом в его колени, плачет)*

ЭРАЗМ. Вот этого не надо. Рыданий не надо!..

ЛУКРЕЦИЯ. Надо!.. Ой, как надо... *(плачет в голос)* Ведь я люблю тебя, Эразмик! Дези!.. Отчаянно люблю, ты это знаешь. И я не знаю, что мне теперь делать?!

ЭРАЗМ. Вставай... у нас есть дело. Там зрители пришли. Увидят нас обоих в этих классических позах. Бог знает, что подумают. Пожалуй, смеяться будут.

Лукреция встала и убежала в дальнюю комнату. Эразм идет к буфету, наливает в бокал вина, сбрасывает с себя мантию, и, оставаясь в белой кружевной рубашке, идет к рампе. Смотрит в зал.

Милостивые и уважаемые! Мы начинаем наш спектакль в доме Вильгельмины Флориано, вдовы издателя книг...

Появилась Вильгельмина, она кланяется зрителям и садится на стул у рампы.

Я поднимаю тост за актрису, которая живьем нам даст художественный образ. Прошу вас, приготовьтесь хлопать. Вначале будет крик...

И действительно, мы слышим истошный женский вопль. Из глубины появляется Лукреция. На ней все тот же бело-красный колпак с бубенчиками и мантия госпожи Глупости.

ЛУКРЕЦИЯ. Кого я вижу? О, мужи! Каким эпитетом мне вас почтить? Ах да, мужи глупейшие! Отец мой был Плутос! Он и сегодня остается таким

же Плутосом. От его приговоров зависят войны, мир, государственная власть, советы, суды, глобальные сообщества людей, народные собрания, браки, союзы, законы, искусства, игрища, ученые труды... Вот уже и дыхания мне не хватает! Одним словом...

Из глубины идет Антонио. Он в новом колете и дорожном плаще. В руках он держит какой-то предмет, завернутый в мешковину.

АНТОНИО. (почти торжественно) Из Лондона пришла депеша... и посылка на имя Эразма Роттердамского. Прошу принять их.

Эразм молчит, какое-то время смотрит на Антонио.

ЭРАЗМ. Лукреция, взгляни на парня. Вчера он был слугой у нас, сегодня он... вельможа... Одет с иголки, и, кажется, застегнутым на все крючки колета. Он, кажется, похож на самого... на Генриха Восьмого... на короля.

АНТОНИО. Кто, я похож? Да этого не может быть!..

ЭРАЗМ. Лукреция, взгляни на парня... ведь так он может лопнуть от величья...

Затем, Эразм берет посылку, освобождает ее от мешковины, достает шкатулку, вынимает из нее гусиное перо.

Вот этот знак - известие о смерти Томаса Мора. Как явствует... (*читает на дне шкатулки*) «Сэр Томас Мор. Аминь. » (*снова молчит*) Ну что же, Генрих - ты сделал выбор. Вошел в историю, как человек - убийца... (*снова молчит*) Три дня на королевском дворе короля Генриха VIII. Обезглавлен челнок справедливости. Чем комедия дальше про

Лондоне, по приказу этой друг Томас Мор. и вносил в жизнь молчал) А посему...

Март 2004 г.

СКОВОРОДА

**Драма из жизни философа,
в двух частях**

Действующие лица:

СКОВОРОДА Григорий Саввич,

ГОРКА Михаил,
НИМФОДОРА,
КАВРАЙ Ксаверий Юрьевич, ему за 60,
ИЗАБЕЛЛА Полевицкая – Каврай (ИЗАБЕЛЬ), ей 26 лет,
ВАСИЛИЙ, сын Каврая от второго брака, 16 лет,
МАРИАННА, племянница Каврая, ей 24 года,
МАТИЛЬДА СМЕРДИС, ключница, ей за 40.

Украина. XVIII в.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Украинская степь. Пространство. Твердь. Курганы и рытвины. Реки и колодцы. Земля, похожая на всякую другую землю, и не похожая. Земля, родившая своих пророков.

Григорий Скворода шел налегке, с торбой за плечами и с посохом в руках, а Михаил Горка мчался в бричке, - с колокольчиками и с посвистом, размахивая плетью. Увидев пешехонца, он стал звать его к себе, и они разговорились.

ГОРКА. Эгей!...Муж славный, или шут Балакирев?!

СКВОРОДА. *(идет)* Не то, и не другое...

ГОРКА. Мне все равно, какого ты прозванья... Иди сюда! Не бойся, жеребцы мои ученые... А ну, барсучьи души...стоять! Кому сказал хозяин!

СКВОРОДА. Мне надо в усадьбу Кавраи.

ГОРКА. В шести верстах. Охапку клевера под ноги, и поплывем как боги...Каноник? На клиросе стоял?..

СКВОРОДА. Да было дело под Полтавой...

ГОРКА. То-то голос у тебя... певческий... льется...

СКВОРОДА. А это по другой причине... латынь певучая.

ГОРКА. Тебя, наверно, скворцы и жаворонки любят слушать?

СКВОРОДА. А люди тоже скворцы и жаворонки. Я в твои годы уже служил в капелле ее величества государыни Елизавет.

ГОРКА. Во как! Небось, хорохорился там в Петербурге? Шапку набекрень держал?

СКВОРОДА. А я шапку на ногах носил, а сапоги на голове.

ГОРКА. Так не бывает!...

СКВОРОДА. У нас все бывает. У меня и мундир был. Галуны золотые, серебряные. Барышни в обморока падали от моей неотразимой мужской красоты...

ГОРКА. Гордец! И что же ты с ними вытворял... когда падали?

СКВОРОДА. А ничего...мне стыдно было... На мне была холщовая рубаха под мундиром...та, что пошила сыну на вырост в дорогу Пелагея Сквородиха из села Чернухи что под Лубнами. Вертеп кружил, а я руками

трогал холщовую рубаху и нательный крест – тем и спасался... И вот я здесь на Украине милой... на родине, в степи... тебя встречаю...

ГОРКА. А что же... барышни?

СКОВОРОДА. Визжали... на то они и барышни... Шуты, мини-стры, казначеи. Мужы с гербами и без оных, в звездах... И каждый фанаберией горазд, играет свою ролю... Ты не тужи, отрок, и тебе достанутся вертепа. Это дело наживное.. жестокое и глупое, одним словом... А люди – лицемеры по своему основанью.

ГОРКА. И кто же из нас двоих больше лицемер? К примеру, вот ты и я...

СКОВОРОДА. Оба! Оба и лицемеры! Вот ты сейчас увидел мое тулово впервые... и уже орешь «Муж славный!». А славен ли я? А если славен, то чем?

И тут они оба услышали истошный женский крик.

Кто-то плачет в жнивьях...

ГОРКА. Навзрыд!

СКОВОРОДА. Вот так же плачет нынче Украина... навзрыд... словами – кровью обливаясь...

ГОРКА. *(резко, по-мужски)* А ты защитник, что ли, Украины? Сам то кто? Пророк, ты, что ли? Кто выдал индульгенцию тебе так говорить?

СКОВОРОДА. Да как тебе... сам – то я... сын Пелагеи Сквородихи из села Чернухи что под Лубнами... Рожает баба?

ГОРКА. Тогда поможем, пешехонец?...

СКОВОРОДА. Тогда поможем. Ты подожди, не уезжай. Держи коней на поготове. *(быстро уходит)*

Тем временем, на дороге появилась молодая красивая госпожа, одетая по-европейски, и даже с изыском, в шляпке и перчатках. Не долго думая, она молча направляется к бричке, осматривает ее, и садится в нее.

ГОРКА. Вы шлепнулись в мою карету, сударыня. Не вредно было бы спросить хозяина.

ИЗАБЕЛЬ. *(надменно)* О чем?..

ГОРКА. Как это о чем?..

ИЗАБЕЛЬ. Хозяин вы? *(Михаил не отвечает)* Так это вы хозяин? Меня зовут Изабель. Изабель Полевицкая. Я родом из Кракова, из имения князя Браницкого – Полевицкого. Мой муж – полковник, сподвижник графа Шереметьева... Остальное: тайна за семью печатями. *(Минуту сидит молча)* А вы русский дворянин, иль польский шляхтич?

ГОРКА. Ни то, ни другое.

ИЗАБЕЛЬ. Монах?

ГОРКА. Если угодно... монах...

ИЗАБЕЛЬ. (*насмешливо*) А мне еще не приходилось соблазнять монаха. Не довелось... но мы поправим это дело... Из какого монастыря? Я все монастыри в округе знаю. (*Смеется*) Надеюсь, вы почтете за счастье, за манну небесную – побыть наедине с прекрасной дамой? Монах, вы почему молчите?

ГОРКА. Слух плохой...

ИЗАБЕЛЬ. Ах, понимаю, вас бьет уже озноб? Вы не уверены в себе, монах?...

Сковорода несет на руках плачущую девушку.

СКОВОРОДА. Поранилась серпом...и потеряла много крови. Нужна знахарка, чтоб кровь заговорить...

НИМФОДОРА. К Евдохе правь!

ГОРКА. Как звать тебя, красавица?

НИМФОДОРА. Нимфодора...я из усадьбы Кавраев...

ИЗАБЕЛЬ. Что я слышу? Евдохи – прорицательницы дочь? Ты почему здесь оказалась, чернявка?

НИМФОДОРА. Ой, барыня! Княгиня!... Траву я собирала лечебную, для матушки. Да вот поранилась серпом. Кровища хлынула, я испугалась и заголосила...ну, думаю, померк мой белый свет...

ГОРКА. (*Изабель*) Руку, сударыня! Освободите место...

ИЗАБЕЛЬ. И не подумаю.

ГОРКА. Сударыня, она же истекает кровью!

ИЗАБЕЛЬ. Истекает, потому что... вы оба два дурня! Два олуха царя небесного! (*Она отрывает оборку от своей кофты, и этот лоскут бросает Сковороде*) перевяжите рану, да как следует... Да живо, живо, живо!

Сковорода перевязывает девушке рану на ноге

ГОРКА. Что делать? Госпожа упрямятся...

СКОВОРОДА. Труслив был твой отец!

ГОРКА. А причем тут мой отец?

СКОВОРОДА. Притом, что сын пошел в отца... Садись в коляску, Нимфодора!...

НИМФОДОРА. Нет! Не с руки мне. Мне легче стало, как только я увидела княгиню... Прощайте, люди добрые! Храни вас Бог! А мне уже не больно. Не больно мне!...(*и, прихрамывая, быстро уходит*).

СКОВОРОДА. Аминь! Архимандрита из тебя не получится...а тряпкою сумеешь быть.

ГОРКА. Что значит «тряпкою сумеешь быть»?

СКОВОРОДА. А то и значит. Будут ноги вытирать об тебя, кому не лень... Вот это значит.

ГОРКА. Ее зовут Изабель!..

СКОВОРОДА. Так что? Влюбился с первого захода? Человек все еще чужд и неясен самому себе...

ГОРКА. Ее зовут Изабель!...

СКОВОРОДА. Бессовестная кошка...ее зовут.

ИЗАБЕЛЬ. *(она услышала)* Вы это обо мне, мой господин?

СКОВОРОДА. Про вас сказал, рожденная от матери моей! Про вас поем мы песнь свою, о дама сердца! Диана и Елена в одном лице! Прощайте, черепаха!...*(и быстро уходит)*

ИЗАБЕЛЬ. *(смеется ему вслед)* Но почему же я черепаха? Я разве ползаю?

ГОРКА. Он пешехонец...а пешехонцы все такие...побитые мешком из-за угла.

ИЗАБЕЛЬ. А вы по-рыцарски вели себя...

ГОРКА. *(берется за вожжи)* Я из духовных. Горка Михаил. Ученик Харьковского коллегіума при церкви монастыря Святой Троицы. Нахожусь на вакансиях у дяди – священника...

ИЗАБЕЛЬ. Хороший наездник, или так себе? Из этих церковных крыс-аскетов?

ГОРКА. Как прикажете... Но, но, но!.. Пошли, залетные! *(и он хлестнул коней кнутом)*

От рывка Изабель откинулась назад – едва не выпала из брички.

ИЗАБЕЛЬ. Нельзя ли чуть потише!

ГОРКА. Разохотились! Бунтуют! Застоялись!

ИЗАБЕЛЬ. Остановите лошадей.

ГОРКА. Пани, что случилось?

ИЗАБЕЛЬ. Но если подпрыгивает ваша коляска...

ГОРКА. Кочки на земле...земля не бывает без кочек...

ИЗАБЕЛЬ. Мыслящий наездник кочки объезжает...

ГОРКА. Мыслящий наездник должен сначала рассмотреть, кого он везет...

ИЗАБЕЛЬ. Совершенно с вами согласна...*(минуту едут молча)* Я больше не пророню ни слова, ни словечка...

ГОРКА. Пани, куда мы едем?

ИЗАБЕЛЬ. В усадьбу мужа...

ГОРКА. А где находится эта злополучная усадьба?

ИЗАБЕЛЬ. Злополучная усадьба находится на берегу речки.

ГОРКА. Назовите место...уезд, губернию, ближайший город...

ИЗАБЕЛЬ. Кавраи. *(Михаил подстегивает лошадей, Изабель вскрикивает)* Ой, что-то впилося в ногу. Мне больно! По спине, я слышу,

ползает огромный жук... Что-то треснуло. Посмотрите!

ГОРКА. *(он посмотрел)* Похоже, все пуговицы вашего платья куда-то отскочили. Вы что, нарочно их не пришили?..

ИЗАБЕЛЬ. Ну, конечно, я пришила их на живую нитку. Я же рассчитывала на встречу с вами. Рыцарь называется. Вы не рыцарь, а совсем наоборот... Придержите их!..

ГОРКА. Сударыня, у меня не четыре руки. Или я правлю разгоряченными лошадьми, или собираю ваши пуговицы. Одно из двух. Кто виноват, если вы так затянулись? Кого вы собирались удивить своей красотой? Сусликов? *(Они едут молча)* Теперь вы крутите головой. Ну что вы крутите?

ИЗАБЕЛЬ. Может быть, этот ваш пешехонец, идя за нами, соберет мои пуговицы?

ГОРКА. Конечно, он бежит за нами...и с восторгом собирает ваши пуговицы!

ИЗАБЕЛЬ. Остановите лошадей! Да остановите же!

ГОРКА. Пани, не топайте на меня ногой... Я этого не люблю!

ИЗАБЕЛЬ. Вот на зло вам буду топать... Хотите, еще раз топну! Сто раз топну, чтоб вас черт побрал!..

ГОРКА. Тпру!... Так. Поздравляю. Своими каблучками вы проломили мне дно брички...

Пауза, во время которой Михаил спрыгнул с сиденья, что-то где-то подтянул, и снова взял в руки вожжи. Теперь он обратился к Изабель подчеркнуто вежливо

Пани, вы готовы – можно трогать?...

ИЗАБЕЛЬ. *(с удивлением)* Вы спрашиваете у меня? Пожалуйста...но если вы не возражаете: пусть лошади идут сами. Тихо, мягко, нежно, поступательно, как могут только лошади. В такт и слегка покачивая бедрами. Затем, пусть у них...не у нас, конечно, а у лошадей...возникнет дружба. И любовь – для начала самую малость. Не у нас, конечно, а у лошадей. *(Какое-то время они едут молча)* Вот, смотрите, как они идут? Ухо в ухо, сердце в сердце...Вы, оказывается, неотесанное полено, бревно. Можете вообще опустить поводья... Забудьте о них. Лошади пойдут сами. И не будем делать из этого трагедию... Разве вы не чувствуете, как мы плывем по безбрежному зеленому океану? Без руля и ветрил. Плывем, плывем и плывем!...

ГОРКА. Сударыня, мы уже подплываем! *(Они целуются)*

Но тут ударил гром, и хлынул дождь. Начался ливень.

ИЗАБЕЛЬ. Скорее под дерево!

ГОРКА. Не найду вожжи... где они?

ИЗАБЕЛЬ. Они под колесами. Я давно их туда спроводила... Стойте!
Замрите!

ГОРКА. *(послушно)* Стою и замер!...

ИЗАБЕЛЬ. А где же твои усы?...

ГОРКА. Носил бы, да не растут...

ИЗАБЕЛЬ. Очи твои смотрят на меня, и видят сад... Сад... Он внутри нас... в тебе и во мне... Сад божественных литий! Вот и войди, монах, в ворота... в радугу... в разум... в меня войди... вкуси... *(нараспев)* Ты в саду живешь, ты в саду плывешь... *(затем, она игриво отталкивает его. Борются. Она визжит и хохочет, вырывается из его рук, бежит)* А если будешь дураком – дураком и помрешь!... Догони, лови! Слышишь, какая в природе литургия начинается! Хоть раз в жизни побудешь с женщиной... хоть час, минуту! *(бежит, дразнит)* Я ведьма, ведьма, ведьма!.. *(подпрыгивает, убегает)*

Он догоняет ее.

Они падают на землю, катаются по земле.

Затемнение

И снова солнце и степь. Бричка лежит на боку, а сам хозяин стоит около нее в глубоком раздумье. Он перепачкан, мокрый, без головного убора.

СКОВОРОДА. *(подошел)* А где же... черепаха?

ГОРКА. Улетела...

СКОВОРОДА. Смерч ее похитил?

ГОРКА. Да нет, смерча здесь совсем не было.

СКОВОРОДА. А что было?

ГОРКА. *(не сразу)* Был танец ведьмы под дождем... *(помолчал)* Я думаю, она Федра...

СКОВОРОДА. Почему?

ГОРКА. Миф о Федре рассказывает, как жена полюбила пасынка своего Ипполита. Молодого человека. Возможно и с нею что-то такое случилось. Или может случиться. Я вот так чувствую. Она для меня очень большая загадка...

СКОВОРОДА. *(смотрит в степь)* А вот и разгадка. Федра идет сюда. К тебе, пасынок Ипполит...

ГОРКА. Где? Покажи.

СКОВОРОДА. Нет!... повернула в сторону. Она увидела меня и повернула в сторону. Она меня боится... *(смотрит на Михаила)* Планета прошла мимо тебя. *(помолчал)* Планета прошла мимо.

ГОРКА. Ты хочешь сказать...

СКОВОРОДА. Да, именно это я хочу сказать. Протагор учит: «Мера всех вещей – человек». Значит, человека можно сравнить и с планетой... Изабель к тому же богатая планета... красивая, рожденная в любви. Это вам не пустышка. И, вместе с тем, она – черепаха.

ГОРКА. Не понимаю. Объясни, отче?

СКОВОРОДА. Значит, еще не настало время нам понимать. Мы еще желторотые птенцы... из гнезда недавно выпали...

Михаил достал из брички небольшую бутылку, встряхнул ее.

ГОРКА. Глотнешь наливки? Настоящая. Попадья готовила.

СКОВОРОДА. Натощак?

ГОРКА. Хлеб есть и шматок сала... *(Они выпивают и закусывают)*
Что там у тебя в торбинке?

СКОВОРОДА. *(испытующе посмотрел на него)* Да золотая чаша... с бриллиантами...

ГОРКА. *(пьет)* Украл?

СКОВОРОДА. *(тоже пьет)* А тож.

ГОРКА. *(пьет)* Зачем?

СКОВОРОДА. Надо...

ГОРКА. *(готов поверить)* Как же это? Или ночью пробрался в покои императрицы?

СКОВОРОДА. Да...вижу ночничок на столе...свеча горит. Елизавета. А рядом граф Разумовский, наш земляк...косая сажень в плечах. Могуч, и в полной зрелости мужчина. Он положил ей руку на белое плечо и молчит...

ГОРКА. Жуткая картина!

СКОВОРОДА. Страх божий!

ГОРКА. А если врешь?

СКОВОРОДА. А если не вру?...

ГОРКА. Тогда подожди...как же ты на корону империи замахнулся?

СКОВОРОДА. Плохо лежало. А если плохо лежит – надо брать. Воруй, сколько влезет. Пока не попадешься.

ГОРКА. А если попадешься?

СКОВОРОДА. Беги, как зверь. В Сибирь, или куда-нибудь подальше. На Аляску можно...

ГОРКА. А как же совесть?

СКОВОРОДА. А что такое совесть? Совесть – хорошая вещь. Для других. Не для тебя... Спасибо за угощение. *(Вытирает губы полотенцем)* Теперь что же ...будешь меня убивать? Сейчас, или ночью, когда усну? Сонного легче убить...

ГОРКА. *(настороженно)* Зачем ?...

СКОВОРОДА. Так ведь здесь ценности. На них можно купить пять коров, лошадь, стадо ягнят. Ну, и хату, гнездо аиста и жену- чернобровку, чтоб детей рожала.

ГОРКА. Сомневаюсь... не верю я, что можно купить гнездо аиста...
Сковорода бросил ему свою котомку

Э, да тут... совсем другое дело... Один медный чайник, и книги... Гусиное перо, бумага, и дудочка... Ты что же сочинитель?

СКОВОРОДА. А золото я видел под стеклом, в кунсткамере. И то близко не подпускали. Нельзя было руками трогать. Запрет был наложен еще царем Петром.

ГОРКА. Вот теперь самое время нам познакомиться. Ты как считаешь?

СКОВОРОДА. Считаю, мы нашли друг друга. Григорий Сковорода, сын Саввы. Студент по шестому году Киево-Могилянской академии.

ГОРКА. А я ученик Харьковского коллегиума. Михаил Горка.

СКОВОРОДА. Не смотри на мое лицо. Студенты академии усов не носят...

ГОРКА. А я и носил бы, да не растут.

СКОВОРОДА. Латынью владеешь?

ГОРКА. Да как сказать...люблю латынь, но не владею шибко.

СКОВОРОДА. Аристотеля штудировал?

ГОРКА. Штудировал. Хороший был философ, и умный человек...

СКОВОРОДА. Блажен, кто научился хорошо читать книгу.

ГОРКА. *(присмотрелся к нему)* А ты сухой? Гляди-ка, ни одной нитки не замочил. Да как же это?

СКОВОРОДА. Да очень просто. Как только первые капли шарахнулись о землю – я все с себя снял, и в торбу положил. Дождь прошел: сам обсох и в сухое оделся...

ГОРКА. Значит, бегал по степи голышом?

СКОВОРОДА. А кого стыдится? Земля простит, она ведь лучше знает, каким я в свет явился. Она меня омоет и пригреет, накормит и напоит, и спать уложит. И басню мудрую расскажет на сон грядущий. И вовремя разбудит утром, если надо человеку быть разбуженным. Ты сам-то как считаешь, Михайло? Надо человеку быть разбуженным или не надо?

ГОРКА. Надо! Очень надо! *(восторженно смотрит на него)* Григорий Саввич, а что, если мы ударим по рукам? Ты – мой учитель, а я тебе как ученик и друг. И твой наследник...

СКОВОРОДА. Боюсь! Одна загвоздка тут есть.

ГОРКА. Какая?

СКОВОРОДА. Ты едешь в бричке, а я иду пешком. Ты пересел в роскошный тарантас, а я пешком...Ты, наконец, распух как бочка, и еле

втиснулся в прекрасный дилижанс, а я пешком... Ты в золотой карете едешь, а я по-прежнему пешком... Что смотришь? Я люблю разговаривать с дорогою, по которой иду... люблю быть одиноким. Тут тебе и деревья, и человек, и трава, и пчела, и муравей, и всякая божья тварь. И все это близко к богу, на его глазах. Тут Бог очень близко к своему творенью. Я внятно говорю?...

Затемнение

Усадьба Кавраи. Гостиная – столовая. Вход в зал по центру, из глубины. Большой обеденный стол, с определенным количеством стульев вокруг. Камин, конторка, книги, аналой. Распятые на стене и казацкая сабля. В зал входит Сковорода, - перед его носом падает, брошенная из-за колонны, мушкетерская перчатка.

СКОВОРОДА. Ого! Перчатка юноши? Значит, кто-то, еще не будучи знаком со мною, бросает вызов мне? Я спрашиваю, кто здесь? Тишина. Ни звука... А, может быть, перчатку ветром занесло в окно? (*Идет. К его ногам падает вторая перчатка*). Двойной вызов? О, это уже сигнал к атаке. Кто-то на вороном коне уж мчится, с копьём наперевес!...

МАРИАННА. (*ее голос из-за колонны*) Он был хвастун!

СКОВОРОДА. Кто, это я хвастун?

МАРИАННА. (*ее голос*) Именем короля Артура – рыцарь – поднимите перчатку...

СКОВОРОДА. Я уже сделал это.

МАРИАННА. И что?...

СКОВОРОДА. Она жжет мне руки.

МАРИАННА. В этом замке вы обязаны защитить свою честь и честь юного принца!

СКОВОРОДА. Дайте мне шпагу, и я докажу, на что способен странствующий рыцарь.

МАРИАННА. Вы в академии учились... это верно?

СКОВОРОДА. Да, верно. В Киево-Могилянской...

МАРИАННА. «Все, что твое – и мне принадлежит». Кто так сказал?

СКОВОРОДА. Историк Геродот.

МАРИАННА. (*ее голос*) Когда вас наказывают розгами на конюшне – вы плачете?

СКОВОРОДА. О, если больно – я смеюсь!...

МАРИАННА. Вас этому учили в академии?

СКОВОРОДА. Да, рыцарь.

МАРИАННА. Вы не фарисей? Хотите жирно кушать – сладко пить?

СКОВОРОДА. Такое мне не снилось и в помине.

МАРИАННА. Умеете ползать на коленях?

СКОВОРОДА. Возможно... чтобы в землю уронить зерно...

МАРИАННА. И лизать руку хозяина?

СКОВОРОДА. Никогда!

МАРИАННА. Как же вы поступаете?

СКОВОРОДА. Ухожу с честью! Убегаю, как заяц. Улетаю, как орел. Ухожу, как человек... спокойно и уверенно.

МАРИАННА. Именем черной жабы и старого оленя, что живут у колодца в лесу – назовите свое имя, рыцарь.

СКОВОРОДА. Грицько...

МАРИАННА. Для рыцаря такое имя ...слишком просто.

СКОВОРОДА. А если полностью... Грицько Скворода.

*Из-за колонны вышла девушка в рыцарском мушкетерском наряде,
с закрытым лицом*

МАРИАННА. Скворода? Мы не ослышались?

СКОВОРОДА. На ней пекут блины. Мука пшеничная хорошего помола – хорошие блины. А если грубого – не лезут в плотку...

МАРИАННА. *(снимает шлем, открывает лицо)* Мне кажется, я – грубого помола.

СКОВОРОДА. О, дама с прелестными чертами? *(поклонившись)* К услугам вашим, девушка-гвоздика.

МАРИАННА. Да, сеньор. Я защищаю род женский за последние пять тысяч лет.

СКОВОРОДА. Признаться, с женщинами в поединок не вступаю. Я дал зарок однажды.

МАРИАННА. Солгали вы! Вне времени, извечно, каждый день – вы с женщинами в поединке. Они вас жалят будто пчелы или змеи. И требуют к себе вниманья. Они ведь часто умнее вас, мужчин. Так было от времен Адама-Евы. *(Зовет)* Василий!...

Появился 16-летний юноша. Он тоже в рыцарском наряде

Знакомся. Твой учитель новый. Он приглашен твоим отцом. Отныне он будет обрубать сучки, наросты... своим топориком словесным. Но вот что странно, очень странно... *(и отбросив шлем, начинает декламировать стихи)*

«Всякому городу нрав и права,

всяка имеет свой ум голова.

Всякому сердцу своя есть любовь...»

СКОВОРОДА. *(Он невольно поднял руку)* Откуда? Благая весть. Откуда? *(растроганно)* Мои стихи, верно. Но они еще не изданы. Откуда

они у вас, барышня?

МАРИАННА. *(продолжая)*

«Петр для чинов углы панские трет,
Федька – купец при аршине все лжет.
Тот строит дом свой на новый манер.
Тот все в процентах, пожалуй, поверь!

СКОВОРОДА. *(вторит ей)* А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не идет с ума.

МАРИАННА. Тот непрестанно стягает грунта,
Сей иностранны заводит скота,
Те формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак...

СКОВОРОДА. А мне одна только в свете дума.
А мне одно только не идет с ума...»

Ну, вот и причастились, сподобились. *(Смотрит на Василия)* Видишь ли, юный спартанец, я собирался все мои вирши собрать под одну крышу. И назвать их «Сад божественных песней». И вот встретились... Неожиданно и очень хорошо...

ВАСИЛИЙ. *(почему-то по-военному щелкнул каблуками)*
Максимилиан!...я сам себе придумал это имя.

СКОВОРОДА. Не дурно, Максимилиан... Хотя по-гречески Василий означает божественный, святой.

МАРИАННА. Он не святой! И он не думает учиться на святого.

СКОВОРОДА. Как знать, как знать...Вы родственница юноши?

МАРИАННА. Да, я тут чья-то тетья. Меня считают в доме странной, помешанной на книгах. Коль вы услышите: «Ах, эта Марианна, что с придурью?» – так это обо мне...Я слышу...шаги слона. Он топает – я убегаю. Иначе я рискую быть раздавленной слоном. *(уходит)*

ВАСИЛИЙ. Давайте спрячемся, он любит шутки. *(утаскивает Сковороду за колонны)*

Входит Ксаверий Каврай

КАВРАЙ. Кто возьмет у меня трость? *(повысив голос)* Есть в доме человек, который возьмет у меня трость?

МАТИЛЬДА. *(идет)* Есть в доме человек, который возьмет у вас трость. *(берет трость)*

КАВРАЙ. Из Переяславля нет новостей?

МАТИЛЬДА. Из Переяславля нет новостей. *(такова манера ключницы: повторять каждое слово хозяина).*

КАВРАЙ. Из гнезда выпал птенец...

МАТИЛЬДА. Из гнезда выпал птенец... Где?

КАВРАЙ. При входе в дом, в траве. Птенец страшно пищит, его надо

разыскать, и... Но что с ним делать дальше – не знаю.

МАТИЛЬДА. *(подсказывает)* Придушить.

КАВРАЙ. Придушить?

МАТИЛЬДА. Придушенный, он не будет пищать.

КАВРАЙ. *(посмотрев на нее)* Сможешь?

МАТИЛЬДА. Для вас - возьму грех на душу...

КАВРАЙ. *(идет, смеется)* Собака...

МАТИЛЬДА. ...по кличке Матильда.

Стук за колоннами.

ВАСИЛИЙ. Папа, к тебе можно? Из Переяславля пришел учитель.

КАВРАЙ. Так давай его сюда... немедля... *(увидел Сквороду, распротер руки для объятий)* Просвещение стучится к нам в дверь на Украину. Виват наукам! Конец средневековью! Как вы прошли так незаметно, ваше превосходительство Григорий Саввич?

СКОВОРОДА. Через калитку.

КАВРАЙ. *(заливается смехом)* Хитрец идет через калитку. Как просто у вас говорится: «через калитку». Это вы по скромности своей «через калитку»... Философы, как дети, и любят лабиринты. А в лабиринтах легко запутаться простому человеку. Василь, что там сказал наш Юлий Цезарь?...

ВАСИЛИЙ. *(латынь)* Вины, види, виси...

МАТИЛЬДА. *(объясняет Сквороде)* Что в переводе означает: пришел, увидел, победил... Кто победил, а главное зачем, для нас неясно.

КАВРАЙ. Письмо митрополита при вас?

СКОВОРОДА. Да, вот оно. *(Передает письмо)*

КАВРАЙ. Контракт подписан вами?

СКОВОРОДА. Да. Пока на год.

КАВРАЙ. Матильда?

МАТИЛЬДА. Матильда...это я. *(Кланяется Сквороде)*

КАВРАЙ. Покажите учителю его личные апартаменты. Апартаменты громко сказано, но все же...

МАТИЛЬДА. Да, громко сказано...

СКОВОРОДА. В доме есть библиотека?

ВАСИЛИЙ. На многих языках. Есть фолианты на латыни, на древнегреческом. У нас Сенека есть, Плутарх, Овидий...

МАТИЛЬДА. Ключи со мною, здесь... *(звякнула ключами)*

КАВРАЙ. Поместье это уже два столетия принадлежит Кавраям *(показал на саблю, что висит на стене)* Реликвию храним. Здесь жил мой дед хорунжий Степан Каврай, запорожец. Надеюсь, сын мой выйдет в деда...

ВАСИЛИЙ. Не сомневайся, папа...я буду офицером.

КАВРАЙ. Теперь иди, гуляй, Василь. Марш, марш!

Василь ушел. Матильда ступевалась.

Про вас говорят: проницательный Сковорода. Оригинальный мыслитель. Бессребренник. Имеет собственную учебную систему... Хочу спросить. Вот человек. Так что же он? Творенье божье или скотина грешная? Он что же, действительно, прекрасен сам по себе?

СКОВОРОДА. Нет. Без Бога, сам по себе, - никчемен человек.

КАВРАЙ. Вот это я хотел услышать. *(вновь заливается смехом)* Матильда, слышишь? Никчемен человек!... Философы, как дети... я это чувствовал... я сам философ... Не принимайте близко к сердцу, Григорий Саввич, мою иронию.

СКОВОРОДА. *(ему в тон)* Ирония – прекрасный инструмент... для тех, кто им владеет.

КАВРАЙ. Сегодня, ровно в шесть, прошу пожаловать к обеду. Дом Кавраи всегда был хлебосольным, патриархальным. Так нам завещали деды. За обедом я вас порадую, и познакомлю... я не хочу предвосхищать... Познакомлю с моей супругой и племянницей... но не хочу предвосхищать... Матильда?

МАТИЛЬДА. Матильда здесь, и к вам идет. *(Сковороде)* Мой господин, карета подана... прошу пожаловать в покои. Вы утром как встаете, рано, поздно?...

СКОВОРОДА. Встаю я по-крестьянски, до рассвета...

Сковорода и Матильда уходят. Каврай бубнит, и довольно громко, военный марш. Из-за колонны вышла Марианна.

МАРИАННА. Дядя, вы хотели меня видеть?

КАВРАЙ. Да, очень кстати ты. Марианночка, сегодня ровно в шесть прошу быть за столом. У нас учитель новый...

МАРИАННА. Да, я знаю. Сковорода Григорий Саввич.

КАВРАЙ. Нам нельзя ударить лицом в грязь. Он бакалавр, и жил в Европе... Ученый человек, мыслитель...

МАРИАННА. *(сухо)* Я буду за столом.

КАВРАЙ. Красавица моя, мне не понятно: твой прибор всегда пустует.

МАРИАННА. Чего ж тут непонятого? Я не хочу обедать с вами. Слишком высоко для меня. Я прошу Матильду оставлять в моей комнате только стакан молока и корку черного хлеба.

КАВРАЙ. *(слегка сконфужен)*. По меньшей мере это странно, племянница. Тебя искали нынче утром...

МАРИАННА. Была в лесу. *(Хочет уйти)*.

КАВРАЙ. Ночью?

МАРИАННА. Вас что тревожит? Бойтесь: волки сожрут меня? Или бойтесь: а вдруг да не сожрут?...

КАВРАЙ. Сударыня, эпоха аллегорий ушла с водой. Весною утекла в Дунай и Днепр. Сегодня на дворе век восемнадцатый – век просвещения. Век быстрых красивых танцев, с подскоком.

МАРИАННА. С подскоком... Это как же?

КАВРАЙ. С подскоком – это так же! (*И он по-молодому резво показал танцевальное движение*). Вот так! Милая племянница, тебе не хватает, как бы это выразиться...

МАРИАННА. Мне всего хватает!

КАВРАЙ. ...изгибов женских, телодвижений вычурных. Декольте, открытой шеи, порханий бабочки в мазурке. Тех движений, от которых кружится голова у офицера. Ты посмотри на Изабель. Она всегда веселая, причесана по моде, всегда в цвету, и нравится мужчинам.

МАРИАННА. Да, она в цвету и нравится мужчинам. А Вам это нравится?

КАВРАЙ. Очень! Не жди иного взгляда. Женщина должна нравиться, и должна знать, чем она может нравиться. Твоя комната закрыта почему-то изнутри...

МАРИАННА. Днем я сплю.

КАВРАЙ. А ночью?

МАРИАННА. Одеваю черное платье и ухожу по тропинке в лес.

КАВРАЙ. (*он содрогнулся*). И что же там?

МАРИАННА. Там я наедине с деревьями. Мы беседуем.

КАВРАЙ. С деревьями? Должно быть, это очень скучно... беседовать с деревьями?

МАРИАННА. Нет, это веселее, чем быть наедине с людьми.

КАВРАЙ. (*нервно ходит*). Тебе не страшно там быть одной?

МАРИАННА. Хочу уведомить. В иезуитской школе нас учили видеть ночью так же, как и днем... и даже лучше, чем днем.

КАВРАЙ. И это все?...

МАРИАННА. Нет. Там я сочиняю стихи. Элегии и басни, монологи и панегирики. И часто в вашу честь, любезный дядюшка Ксаверий.

КАВРАЙ. Интересно! Вот это интересно! (*Внимает ей*).

МАРИАННА. На подобие тех, что написал Державин в честь Екатерины. Он называет ее Фелицей, а я вас – слоном. Слон – такой большой и несуразный, и очень, очень, очень умный. Вы же у нас образец малороссийского дворянства. Вельможа! Еще бы! Три тысячи крепостных душ – ваша собственность. И не сегодня-завтра Екатерина через графа Кирилла пожалует вам орден и графское достоинство. Об этом мы мечтаем? Я угадала милый дядя? А там, глядишь, и Василя пристроим в Петербурге, при дворе. На виду у государыни. А вдруг она заметит в лосинах его ноги, и то, что ниже пояса... Какая будет прелесть! Вы что-то замолчали...

присмирели?...

КАВРАЙ. *(плакливо)* Тебе надо замуж.

МАРИАННА. Я не выйду замуж...

КАВРАЙ. Сейчас у меня нет подходящего жениха...

МАРИАННА. Его и не будет никогда. Потому что вам жаль расстаться с сотней десятин земли в счет моего приданого... Теперь Вы побелели? Что с вами, любезный дядюшка Ксаверий.

КАВРАЙ. *(словно внезапно очнулся)* На правах хозяина усадьбы, хочу спросить: когда все это кончится?...

МАРИАННА. Сразу же... На второй день после моей смерти.

КАВРАЙ. Так не будет!...

МАРИАННА. Чего не будет? Смерти? Смерть будет. Хотите знать число и час? Могу назвать и вашу смерть.

КАВРАЙ. *(испуганно)* Не надо! *(Ошалело смотрит на нее)* Сектантка ты,... не надо! Брысь!... Я попрошу кузину Иоганну... у нее в Карпатах есть великолепный дом. Есть озеро – там лилии растут и черти водятся. Тебе там подойдет. Переезжай в Карпаты.

МАРИАННА. *(смеется)* Кузина Иоганна, как две капли воды, похожа на вас, кузен. Так же скупа и человечески жестока.

КАВРАЙ. *(кричит)* Неправда!...

МАРИАННА. Правда. Еще скажу вам, дядюшка Каврай...

Но тут появилась Матильда. Пауза.

Аудиенция закончена, мой драгоценный дядя? Ваша власть, я могу идти?

КАВРАЙ. Да. *(Со слезою в голосе)* Целую тебя нежно...

Обед в усадьбе Кавраи иногда начинался танцем. Вот и сейчас в зал поло-незом входят пары: полковник Каврай (на нем мундир со звездами) с су-пругой, и юный Василий о Марианной. У стола: Матильда и Нимфодора.

Едва танец закончился, Каврай представил своей супруге Сквороду.

КАВРАЙ. Изабелла Каврай, урожденная Полевицкая. Учитель пиитики и бакалавр Григорий Скворода. Прошу любить друг друга...

СКВОРОДА. Душевно тронут... рад, душевно тронут...

ИЗАБЕЛЬ. Я тоже рада, что наконец-то... Минутку, я забыла свой платок... *(хочет уйти)*

КАВРАЙ. Матильда, платок для государыни!

СКВОРОДА. Вам плохо, сударыня? Вам помочь?

ИЗАБЕЛЬ. Немного закружилась голова...но вот уже прошло... Без церемоний, всех прошу к столу... Какой приятный круг друзей образовался! Венок из полевых цветов. Ромашкой ты, Василь, садись ко мне поближе. Пусть Марианна будет незабудкой, и сядет чуть подальше. Мне остается чайной розой быть. А ваш цветок каков, учитель?

СКОВОРОДА. *(шутливо)* Крапива.

КАВРАЙ. А кто же я тогда?

МАРИАННА. Лопух!

ИЗАБЕЛЬ. Мари, я спрашиваю не тебя. Он не лопух. Он у меня сандаловое дерево. Могучий дуб из рода государственных мужей... Пора бы это чувствовать тебе, племянница. *(Смотрит на Сквороду)* Святая мудрость воцарится в нашем доме...

(Все садятся за стол)

У нас все просто, без чинов. И даже если что-то подгорело, и не очень вкусно, прошу, чтобы отведав, вы сказали: «Ах, вкусно очень, очень, очень». Мы этим избалованы.

ВАСИЛИЙ. А у тебя дрожит мизинец, Изабель.

ИЗАБЕЛЬ. «Изабель»? Я для тебя маман - не Изабель. Веди себя прилично, милый сын...

КАВРАЙ. *(разливает вино)* Токайское из Венгрии. Позвольте ваш бокал, учитель?

СКОВОРОДА. Благодарю. Не пью.

ИЗАБЕЛЬ. Но каплю можно? Я знать должна, что вы меня прощаете за все мои грехи... за этот скромный стол. Ту птичку Изабель, что выпорхнула из садов князей Браницких... Меня всегда тянуло за границу, в сады чужие в Париж и Лондон, в Рим, в Неаполь. Ах, Неаполь мне снится до сих пор. Какие песни я там слышала!..

КАВРАЙ. *(он вытил и закусывает)* Изабель, ты говоришь каким-то Эзоповским, мне непонятным, языком...

МАРИАННА. Эзоп – мой друг. Да здравствует Эзоп! Давайте дружно выпьем за Эзопа!

КАВРАЙ. Не возражаю. Выпьем по второй...

МАРИАННА. Тем более, Эзоп - сегодня среди нас. *(Сквороде)* Вас называют малороссийским Эзопом.

СКОВОРОДА. Вы сами слышали? Так называют?

КАВРАЙ. Не верьте моей племяннице. Она немного...

МАРИАННА. С придурью? Эзоп об этом знает...

КАВРАЙ. Вы что, знакомы были раньше?

МАРИАННА. Эзоп, когда мы встретились впервые? Напомните. В

шестом или четвертом веке до рождества Христова? О, тогда мы были влюблены друг в друга. И бегали по мелководью, как дети, в гавани Пирея. Брызгались водой и досыта, до слез, смеялись. Счастливые денечки были. Потом тонули вместе. Однажды он меня догнал и началась любовь. На палубе какого-то суденышка, на грубых сосновых досках. Кругом песок, медузы плавают, соленая вода мне обжигает губы, нос и грудь...

ИЗАБЕЛЬ. Марианна, осторожней! Подросток за столом!

МАРИАННА. Простите. Но сегодня подростки знают больше о жизни, чем взрослые. Мне почему-то весело сегодня. И хочется мечтать о возрождении...

СКОВОРОДА. О возрождении чего?..

МАРИАННА. О Европейском возрождении! О том, чтобы у нас был свой Вольтер, свой Бомарше... О людях мыслящих, о красоте. О том, что жизнь еще имеет смысл...

СКОВОРОДА. Позвольте рассказать вам басню?

ИЗАБЕЛЬ. Да, да... мы навострили уши...

СКОВОРОДА. Щука, по жадности своей, однажды проглотила утку. Рак видел это, и на утренней заре, увидев щуку, спросил: «Отчего вы, сударыня, не веселы сегодня? Куда девался ваш кураж?» Не знаю, брат, мне что-то грустно стало. Думаю для увеселения поплыть из Кременчуга в Дунай. Днепр мне наскучил. «А я знаю вашей грусти причину, сказал ей Рак... вы проглотили утку. Теперь вам не поможет ни быстрый Дунай, ни плодоносный Нил!» Рак правду ей оказал: без Бога и в Европе худо... не весело.

МАРИАННА. Прекрасно! Браво!

ВАСИЛИЙ. *(добродушно)* Мне Рак понравился...

ИЗАБЕЛЬ. Вот именно... забавно...

Стучат ножи и вилки - люди обедают.

КАВРАЙ. Вы как о человеке судите, Григорий Саввич? По внешности, одежде, или по лицу?

СКОВОРОДА. Нет. По сердцу. Сердце. Оно и есть в человеке человек. А прочее - околица...

ИЗАБЕЛЬ. Прошу салат откусать ...и расскажите, где были вы, что видели, Григорий Саввич... до нас?

СКОВОРОДА. Был в Харькове, служил там... Был в Киево-Печерской лавре много раз. И в Троице-Сергиевой лавре тоже был. Во многих городах, монастырях... где жил подолгу, а где совсем немного. И часто убегал. Я говорил себе: «Нет, это не мое, не для меня». *(и что-то вспомнив, засмеялся)*

ИЗАБЕЛЬ. Что случилось? Что вас так рассмешило?

СКОВОРОДА. Я снова вспомнил басню. Старик и старуха поставили

хату, но забыли прорубить в ней окна. Так вот, и счастье наше. Так бывает. Человек ищет его далеко, а оно рядом ходит..

ИЗАБЕЛЬ. Каврай, как с окнами у нас? Не надо прорубать?

КАВРАЙ. Прорубим, если надо... *(ньет)*

За стеной у Изабель - Матильда, и что-то шепчет.

ИЗАБЕЛЬ. Не слышу. Говори яснее.

МАТИЛЬДА. Мужчина там... с цветами. И спрашивает вас .

ИЗАБЕЛЬ. Вот так бы и сказала. Меня мужчина хочет видеть. Он с цветами. *(встала из-за стола, идет)*

*На пороге Михаил Горка. Он в новом одеянье
и протягивает Изабель цветы*

ИЗАБЕЛЬ. *(стиснув зубы)* Ты что, с ума сошел?.. Супруг, иди ко мне! *(Каврай подходит)* Вот этот господин в меня влюбился. Он где-то видел мой портрет на медальоне. И заочно влюбился. Пожалуйста, в амбарной книге запиши, под номером каким он будет значиться, поклонник новый мой. Там, кажется, их более десятка?

КАВРАЙ. Нет, - более. За сотню перевалило. *(Михаилу)* Что скажешь, друг? Шуры-муры заводить с замужними красотками - это нынче в духе времени, да я не против... я не ревную, друг..

ГОРКА. Благодарю вас... друг..

КАВРАЙ. Пожалуйста к столу. Хотите у меня служить? Работу дам. Мне нужен егерь... новый, молодой... В лесу охотничий есть домик... место для свиданий... Конфуз один - лягушки там квакают, но это ничего... Лягушки заменяют нам антураж. Фон создается музыкальный, целебный. Вы только не смущайтесь! Я сам когда-то в этой шкуре был.

ГОРКА. Благодарю. По службе у меня другие планы...

КАВРАЙ. Не правда ли, она прекрасна, эта женщина, создание природы?.. Ну, что тут скажешь!.. Даная, Афродита!.. *(зовет)* Матильда?..

МАТИЛЬДА. Верная рабыня спешит к вам, мой государь!

КАВРАЙ. *(он явно захмелел)* А почему лицо у рабыни...

МАТИЛЬДА. Какое лицо у рабыни?..

КАВРАЙ. Тусклое!.. как будто ты изжогой мучаешься. А я люблю и мебель веселую, и лица веселые. Княгиня Изабель Каврай! Я счастлив и чувствую кураж! Господин бакалавр, извините ...я счастлив и чувствую кураж!.. Ну, что стоишь, мой виночерпий в юбке? Наливай, Матильда! *(идет к столу, берет кубок)* Достопочтеннейшие гости! Все, кто слышит меня, - прошу поднять бокалы... Сегодня, завтра... За даму сердца! За красоту!..

Занавес

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Все тот же зал в усадебном доме Кавраев. Прошло три месяца. Вторая половина дня. В зал входит Матильда. Она держит на вытянутых руках вышитую подушечку зеленого цвета - для ритуальных подношений. Сейчас на подушечке лежит письмо с сургучной печатью.

МАТИЛЬДА. Григорий Саввич! Вы где? Учитель? Григорий Саввич?..

ВАСИЛИЙ. *(быстро входит)* Письмо? Давайте. От кого?

МАТИЛЬДА. Но это не тебе. Учителю.

ВАСИЛИЙ. *(с подозрением)* Учителю? О чем? Что в нем, в письме?

МАТИЛЬДА. А я откуда знаю...

ВАСИЛИЙ. Жаба?

МАТИЛЬДА. Не думаю...

ВАСИЛИЙ. Сороконожка, ящерица? Что там?

МАТИЛЬДА. О, господи! Не ведаю, и все.

ВАСИЛИЙ. Ах, вот оно. «Не ведаю, и все»! Значит, там змея. И сомневаться нечего. Свернулася в клубок и греется на бархатной подушке княгини Полевицкой Изабель. *(подходит ближе)* Змея... как будто дремлет... и с нею надо осторожным быть... и точно расчетливо схватить ее за шею. Вот так! *(он взял письмо)* И надавить вот так! *(ломает сургуч)* Учтите, мачеха, ведь я могу и взбунтоваться, коль вы покажете свой яд. Не трогайте учителя. Я заклинаю. Он мой учитель. Я внятно говорю, сударыня? *(Он распахивает окно в сад, и говорит, повысив голос)* Я внятно говорю, сударыня?

МАТИЛЬДА. Василь, не делай глупостей. Оно ведь не тебе адресовано.

ВАСИЛИЙ. Не мне? Но почему не мне? А если обо мне... *(читает письмо)* «Григорию Сковороде, бакалавру и философу. Извещаем вас о том, что мы вам благодарны за успехи в воспитании нашего сына Василия». Ах, ах, какой высокий слог! Версаль!...О нет, здесь пахнет древним Римом, инквизицией...*(читает)* «И жалуем вам золотую табакерку в знак любезности и уважения. Вашего благородия почтеннейшие слуги. Ксаверий, Изабелла Кавраи»... Н-да...н-да, н-да...В коврижке этой запечатан и мед и яд... *(Входящему Сковороде протягивает письмо)* Здесь мед и яд. Прочтите, сударь. Вас касается.

СКОВОРОДА. Что это? *(берет письмо, быстро читает)* Черепаха взлетает в небо? Насмешка злая, или ход конем?..

ВАСИЛИЙ. По-видимому, это ход конем. *(смотрит на Матильду)* Неоседланным и совершенно диким!

МАТИЛЬДА. Нет, господа. Все наши кони разнузданы и там в

конюшне на привязи. Здесь только благодать за ваши славные труды, учитель. Прошло три месяца, как вы у нас. Я ключница, не много значу в доме, и все же... благодать по дому... склоняю голову перед наукой. Наш учитель. Как говорит хозяйка, «почтенный кабальеро». Вот только я не знаю точно, что означает слово «кабальеро».

ВАСИЛИЙ. *(шутливо)* Кавалер! Любовник! Вот что оно значит.

МАТИЛЬДА. Ну, значит, вы не кабальеро. Вы оба... *(умильно улыбаясь)* О, нет, вы вовсе не кабальеро! *(уходит)*

ВАСИЛИЙ. Что будем делать? За окнами по саду гуляет мачеха. И, кажется, посматривает на эти окна.

СКОВОРОДА. Да, да... в дорогу! В дорогу, отрок. По городам Европы! Мысленно сегодня мы побываем в Кенигсберге. И, может быть, коль посчастливится, успеем к столу Иммануила Канта. Там за обеденным столом его друзья, философы, великие мужи. И пьют вино. Вот интересно, о чем они там спорят, европейцы?.. А завтра двинемся прямой дорогой к Яну Гусу, в Чехию... к декану.

ВАСИЛИЙ. К Яну Гусу?..

СКОВОРОДА. Его уже сожгли... но мы узнаем, за что сожгли, и почему сожгли. Случайностей в природе быть не может. Всегда причина есть. Кому-то было выгодно сжечь Яна Гуса. *(и они уходят)*

В зал быстро входит Изабель.

ИЗАБЕЛЬ. Матильда, мне нужны весы!..

МАТИЛЬДА. Что будем взвешивать? Аптекарские есть, а есть... Смотря что взвешивать. Крупицу золота, или баранью тушу...

ИЗАБЕЛЬ. На одной чаше весов... Сковорода. Со всей своею мудростью земной. С латынью, Аристотелем, Плутархом, с апостолами Павлом и Петром. А на другой...

МАТИЛЬДА. *(с легким взвизгом)* Я в нетерпении... что будет на другой?

ИЗАБЕЛЬ. Любовница и мачеха. Жена - где рядом муж. Ему под шестьдесят, а ей под тридцать. Он почивающий на лаврах старый хрыч, вельможа и бездельник, а она... мастерица любовных игр, красавица, и вся огонь и порох, *(смеется)* Она Марина Мнишек, а он... супруг ее... он даже на Лжедмитрия не тянет...

(Две женщины смеются)

МАТИЛЬДА. Даю на отсечение руку: любовница всех перетянет, на всех немислимых и мыслимых весах. Она держава жизни, королева.

ИЗАБЕЛЬ. Я целый месяц жду, когда он дрогнет. Наш Григорий Саввич. Но нет. Он верен себе, своим канонам диким...

МАТИЛЬДА. Он слепой!

ИЗАБЕЛЬ Слепой? - купи очки, учитель.

МАТИЛЬДА. А что он с сыном вашим вытворает!

ИЗАБЕЛЬ. Не с сыном – пасынком. Василь - сын Ольги, второй жены Каврая... а я всего лишь третья у него.

МАТИЛЬДА. Мальчишка околдован, он весь в учителе, души не чаёт. Они друг другу пишут письма любовные на латинском языке...

ИЗАБЕЛЬ. Какие письма?

МАТИЛЬДА. На латыни...

ИЗАБЕЛЬ. Но ты же не читаешь на латыни, Матильдочка?

МАТИЛЬДА. По почерку догадываюсь. По наклону букв, по бисеру, по строчкам. У них особый бисер...

ИЗАБЕЛЬ. Ну, это пустяки... они стараются учить язык. Поэтому и письма на латыни.

МАТИЛЬДА. Поют славянские молитвы, гимны. Уходят на дорогу, и на развилке радостно поют. И что это за обучение - на дороге петь гимны?..

ИЗАБЕЛЬ. Он говорит, что так учились греки... в движении, на ходу.

МАТИЛЬДА. Им весело, а мне их какво подслушивать? Лисицей ползаю за ними. Вся изодралась. Однажды битый час в колодце - в срубе – прохлаждалась. Там было сыро, крысы бегали...

Из внутренних комнат появился Каврай, и тут же включился в разговор.

КАВРАЙ. Подробности не интересны нам. Докладывай, Матильда, по делу. Но прежде, дай трубку мне...

МАТИЛЬДА. Вот ваша трубка...

КАВРАЙ. Огня!

МАТИЛЬДА. Вот ваш огонь...

КАВРАЙ. Теперь по делу

МАТИЛЬДА. Боюсь и говорить. Услышала такое, что волосы мои поднялись дыбом. Они поспорили о чем-то. Весь день ходили - спорили, как два приятеля. Вдруг учитель Василя назвал свиньей. Даже не так... свинячим хвостиком. Затем сказал: «Не хрюкай, Вася!»

КАВРАЙ. (удивлен, смеется) Он так сказал?..

ИЗАБЕЛЬ. Ты не ослышалась? «Не хрюкай, Вася»?

МАТИЛЬДА. (встала на колени) Вот с места мне не встать. Клянусь Марией Магдалиной!

КАВРАЙ. (хрипло смеется) Отчаянно сказал. «Не хрюкай, Вася». Я выгону учителя. Сегодня же... Матильда, шкатулку мне подай.

МАТИЛЬДА. Шкатулку? Там, где деньги ваши хранятся?

КАВРАЙ. Да...там, где деньги... откуда ты их иногда воруешь. Я

выгоню учителя!

ИЗАБЕЛЬ. Не остроумно это, Ксаверий! Ты подожди, не мельтешишься. Матильда?..

МАТИЛЬДА. Матильда здесь.

ИЗАБЕЛЬ. Позови учителя... да так, чтобы Василь не видел и не слышал.

Матильда уходит. Каврай отсчитывает деньги. Входит Сковорода.

ИЗАБЕЛЬ. (*весьма вежливо*) Мы рады видеть вас, Григорий Саввич.

СКОВОРОДА. Как чувствует себя хозяйка сада?..

ИЗАБЕЛЬ. В усадебных заботах пребываю, Григорий Саввич. А вы?

СКОВОРОДА. Пребываю в роли повивальной бабки. Об этом как-то пошутил Сократ...

КАВРАЙ. Сократ, конечно, был большой шутник. Хочу понять ваш стиль и метод. Мне интересна экспозиция сраженья за душу молодого офицера.

СКОВОРОДА. Диалог. Мой метод обучения – диалог.

ИЗАБЕЛЬ. Тогда позвольте вас спросить. Вы почему-то вечно в движении. Летаете как юный Прометей. Вчера вас видели на дереве, на дубе. Я понимаю, дубу двести лет...но почему Василь и вы на дереве? Тут что-то птичье есть, или звериное. Вы что там, гнезда вьете?

СКОВОРОДА. (*кратко*) Нам так удобно мыслить.

КАВРАЙ. (*тупо смотрит перед собой*) Что делать?

СКОВОРОДА. Мыслить...

Пауза.

ИЗАБЕЛЬ. Могу спросить? Чему вы обучаете наследника?

СКОВОРОДА. Во-первых, он должен знать свою обязанность перед самим собой. Знать цену слову. Уметь заставить слово работать на мысль, а мысль на слово...

КАВРАЙ. Разумно! Граф Шереметьев как-то мне сказал: «Ксаверий, ты у нас единственный мыслитель на всю империю». Кавалерийский полк три дня смеялся - грохотал над его остротой. Граф Шереметьев был большой шутник, и я его любил. (*он курит трубку*)

Пауза. В зал вошла Марианна.

Она в черном костюме послушницы, с книгой в руках.

ИЗАБЕЛЬ. И каковы успехи? Как наш Василь? Он будет офицером?

СКОВОРОДА. Нет! Спешу уведомить. Он никогда не будет офицером

КАВРАЙ. *(он встал, побледнел)* Повторите, сударь. Вы что изволили сейчас произнести?

СКОВОРОДА. Он никогда не будет офицером!

ИЗАБЕЛЬ. *(с нарастающей тревогой)* Но это невозможно! Мы все надеялись - он будет офицером и никем иным. И дед его, и прадед, генерал-аншеф, и сам отец... семья военных!..

КАВРАЙ. *(повысив голос)* Вам потому и поручили алмаз, чтоб вы его чеканили, как следует! Учитель... иного нам не надобно учителя! *(И он демонстративно вышел из зала, попыхивая трубкой)*

Пауза.

СКОВОРОДА. Сударыня! Василий... он не рожден командовать. Я должен огорчить весь род Кавраев! Он - скорее может стать жемчужиной в науке просвещения, в искусствах. Во мне закралось подозренье, что музы наделили его пронизательным умом и справедливым сердцем. Скорее, он может стать чиновником великим иль дипломатом государства.

КАВРАЙ. *(слышен его голос)* Что за бред! Чиновником?!

СКОВОРОДА. Он умен!

ИЗАБЕЛЬ. Что значит «он умен»?

МАРИАННА. Да, он умен... а это много значит. Мне кажется, что нам, славянам, этого продукта часто не хватает. Мозгов хороших не хватает...

Пауза.

Он умен. Вы правильно сказали. Умеет молчать и слушать. К языкам прилежен. Задатки образованности в нем. И он способен к росту, к совершенству...

СКОВОРОДА. А это главное в карьере дипломата.

КАВРАЙ. *(его голос)* Бред! Я слышу только какой-то дикий бред!

ИЗАБЕЛЬ. Василь, и дипломат? Я не могу себе представить!

СКОВОРОДА. Бывает так. Сей человек - мясник... его же прочат быть политиком, трибуном, а то и пастырем народным. Губернатором или министром...

МАРИАННА. Да, совершенно так.

КАВРАЙ. *(идет)* Племянница, любовь моя... ты помолчи сегодня. Ты можешь помолчать? Твое присутствие здесь - пас. Не обязательно.

МАРИАННА. Так мне уйти?

КАВРАЙ. Да. Дверь там.

МАРИАННА. *(с кажим-то восхищением)* А если я присяду здесь, в уголке, и буду как мышь молчать... и любоваться вами. Такое разрешается?

Пауза.

СКОВОРОДА. Я исповедую в своих уроках простую заповедь: человек, возвратился в дом свой.

КАВРАЙ. *(резко)* Зачем ему куда-то возвращаться? Он и так в отцовском доме!..

СКОВОРОДА. Я задаю ему вопрос: в чем выбор твой? Кем хочешь стать, и для чего рожден? Человек, познавший свое сердце, свою природную стать, поистине достоин любования.

ИЗАБЕЛЬ. *(зовет)* Матильда!

МАТИЛЬДА. Я здесь...

ИЗАБЕЛЬ. Квасу - для учителя. И рюмку хереса для госпожи и Марианны. Вы не масон, случайно, Григорий Саввич? Не из секты?..

СКОВОРОДА. Сударыня, любовь к ближнему не имеет никакой секты. Подлость начинается там, где человек в ущерб собственной природе ломится в несвойственную ему стать. Но бывает и...

Матильда несет поднос с бутылками.

Вот, например, наша прекрасная Матильда. Подслушивает так великолепно. Так наловчилась...

МАТИЛЬДА. *(ставит бутылки)* Приятного вам сновиденья в эту ночь, Григорий Саввич! *(и уходит)*

МАРИАННА. Так кем же, все-таки... кем будет молодой Каврай?

СКОВОРОДА. Скорей всего, чиновником, но с чистыми руками.

МАРИАННА. Я в умилении, и, вместе с тем, не понимаю. Из-за чего возник сыр-бор?

СКОВОРОДА. Простая вещь. Мне приходится учить не только сына, но и его родителей прелестных.

Пауза. Сковорода хочет уйти

КАВРАЙ. Возьмите ваши деньги, бакалавр!

СКОВОРОДА. Мне деньги не нужны. *(идет)*

МАРИАННА. *(пьет вино)* Григорий Саввич! Вы нарушаете все правила игры. Оставаясь философом, вы забываете, что вы в господском доме. В доме патриция и феодала, почти сатрапа, где честь и гонор господина превыше всех иных красот. Мой милый дядя, я не ошибаюсь? Вы тоже так считаете?

КАВРАЙ. Без лишней скромности скажу: здесь я хозяин. Хозяин я!..

ИЗАБЕЛЬ. *(вдруг улынулась)* Вы как-то рассказали басню, Григорий Саввич...

СКОВОРОДА. Какую? Напомните сюжет...

ИЗАБЕЛЬ. Старик и старуха поставили хату, но забыли прорубить в ней окна, Старик это Ксаверий... ну а старуха... так и быть. Когда-нибудь мне быть старухой...

СКОВОРОДА. Вы никогда не будете старухой!

ИЗАБЕЛЬ. Спасибо на добром слове. Так вот, мы дом построили, роскошную усадьбу, с колоннами, с ротондой... И даже взгромоздили на верхушку дома статую философа Платона. О чем он думает на крыше там, не знаю... но что-то с философией у нас не ладится... Интриги настоящей нет. Любви и тайны... Ночью по аллеям сада не бродят привидения...

СКОВОРОДА. А вам так хочется, чтоб были привидения?

ИЗАБЕЛЬ. Ужасно хочется! Ужасно! Послушайте, мой кабальеро... давайте вместе окна прорубать?..

СКОВОРОДА. Где?..

ИЗАБЕЛЬ. Что «где»?

СКОВОРОДА. Где будем окна прорубать? В каком простенке?

ИЗАБЕЛЬ. (*весело*) Ну, скажем, в спальне у меня. Там два окна - мы сделаем четыре...

СКОВОРОДА. И в тот момент, когда ваш муж уйдет на сеновал - смогу я крадучись, как вор... явиться в вашу спальню? Тогда не лучше ли не прорубать нам окна, а эти два заделать... законопатить, и жить вообще без света в темноте?...

МАРИАННА. Bravo, Григорий Саввич! Вы набираете очки.

КАВРАЙ. (*он расколося смехом*) Отлично сказано! Картина Рубенса и дорогого стоит!.. (*смеется*)

СКОВОРОДА. Сударыня, вы ждете развлечений, а я, действительно, учитель. Не знаю, как сказать... Вы лодка прочная, красивая, на ней бы плыть и плыть... но что-то недосуг мне. Мораль учителя не позволяет заплывать так далеко.

ИЗАБЕЛЬ. Простите. Вы нас не поняли. Мы думали...

СКОВОРОДА. Я думаю, мы знаем, о чем вы думали. Низко кланяюсь и ухожу.

ИЗАБЕЛЬ. Как далеко?

СКОВОРОДА. На пасеку. Мне надо повидаться с одним хорошим человеком. (*уходит*)

КАВРАЙ. (*Весело потирает себе руки*) Это называется проигранным сражением, сударыня. Битвой под Полтавой, где шведы проиграли битву. А что, не так?

ИЗАБЕЛЬ. (*не без вызова смотрит на Каврая*) Нет, не так! Мы будем окна прорубать, ваше величество! Сражение только начинается. Из Кракова, из Киева, из Львова... летят к нам вести. Слышишь? Там уже кто-то скачет на лихой подводе, рысью, по кружной дороге. На тройке, да? Или шестериком?

Ты знаешь, кто там скачет во всю прыть? В усадьбу нашу, в наше захоlustье, в болото сонное. Или не знаешь?

КАВРАЙ. *(он идет к окну)* Не знаю. Кто?

ИЗАБЕЛЬ. *(с загадочным блеском в глазах)* И я не знаю ...но знаю твердо: среди тех, кто скачет, есть ученик Сквороды. И он мне будет другом! *И действительно, вдруг послышался топот лошадиной упряжки и храп лошадиный. И он все ближе - ближе, явственной. От сильного порывисто-го ветра вдруг распахнулись все окна - двери в доме. И где-то далеко-далеко отсюда, подает свой голос набатный колокол.*

МАТИЛЬДА. В усадьбу въехала коляска ... Офицер! Он хочет видеть вас!...

КАВРАЙ. Ага! Его-то я и ждал... Приехал, голубь! Прискакал, сволота!

ИЗАБЕЛЬ. Ксаверий, что с тобой?

МАТИЛЬДА. Он хочет видеть вас.

КАВРАЙ. *(пытливо смотрит на Матильду)* Но я не расположен видеть его. Полковник заболел. Их благородие Ксаверий Юрьевич Каврай в постели почивают!..

МАТИЛЬДА. *(испугана и плачет)* Так и сказать?..

КАВРАЙ. Так и сказать... сволота!.. *(Он буквально впился глазами в Матильду)* Ты ведьма, воровка... дрянь, курица, кликуша... *(Разглядывает на шее Матильды ожерелье)* Я думал, в доме одна ведьма... теперь я вижу... их две! Две ведьмы в доме! Не много ли для одного мужчины?! *(И, всхлиывая, уходит в спальню)*

Тем временем, послышались волшебные звоны колокольчиков, и в глубине зала появилась Нимфодора. Она еще не опытная колдунья, но какие-то приемы она унаследовала от своей матери. Одета она просто, по-деревенски, и только на рукавах ее белой украинской сорочки-вышиванки нанизаны колокольчики. Она танцует и припевает.

НИМФОДОРА. Уж я косы свои гребешком расчешу,
А потом разберу, а потом уложу.
На чужой стороне много счастья-добра.
Да дорога туда черной гарью страшна!..
Не ходи босиком, не целуйся с барчуком.
А целуйся с кузнецом.
Лучше в ноги упади перед матерью-отцом!..

(В зал вбежал Василий Каврай)

А вот сердце, чистое, молодое! Послушайте, как оно звенит!.. А вот

сердце женщины влюбленной... страдает, плачет... или поёт?... Что такое - молчит? Молчит?.. Нет, все-таки поет.. негромко, но зато всласть... А вот сердце скряги - давно молчит,.. скрипит чуть слышно, еле-еле душа в теле...А вот сердце одинокое и страстное.

Оно как будто в тюремной клетке. Ждет своего часа, и звенит! Звенит!

А вот сердечко, оно еще не проклюнулось, как почка на дереве в весеннюю погоду. Ждет солнца. Примите, люди добрые, сердечко новое. Что, своих забот много? Тогда возьмите мое сердце. Сердце молодой колдуньи. Горячее и веселое... Я буду колдовать, лепить, вещать, пугать! Я буду собирать земные травы и делать укус свой, отвар, напиток, которым буду вас соблазнять.. Эх вы, приятели мои! Я постараюсь это делать хорошо! *(Она танцует, припевает)*

ИЗАБЕЛЬ. Нимфодора! Возьмите деньги на столе. Вас ожидают.

НИМФОДОРА. А что, и возьму... тем более, если меня ожидают. С миру по нитке - нищему кафтан... *(И она смахивает деньги, что лежали на столе, в свой кошель)* Желая праздновать святую пятницу! Хороший конец - делу венец! *(И, подтанцовывая, идет к выходу)*

Мечется Василий по комнатам.

ВАСИЛИЙ. Матильда! Где учитель?

МАТИЛЬДА. Не знаю.

ВАСИЛИЙ. Княгиня-матушка, скажите... где наш уважаемый Григорий Саввич?

ИЗАБЕЛЬ. Спросите у отца.

МАТИЛЬДА. Туда нельзя! Хозяин почивает. Ему сегодня не здоровится.

ВАСИЛИЙ. *(стоит не двигаясь)* Понятно ...

КАВРАЙ. *(идет)* Что тебе понятно? Я его уволил. Конечно, жаль. Прекрасный человек и бакалавр. Но в вопросах тактики и муштры, в вопросах заготовки фуража, в вопросах воинства и офицерской чести - он пас, и я его уволил.

ВАСИЛИЙ. Тогда увольте и меня. Я уйду из дома. «Мой возраст пусть поёт любовь!»

КАВРАЙ. Кто так сказал?

ВАСИЛИЙ. Цицерон Марк Туллий! *(и отвернулся к окну)*

КАВРАЙ. В полк, в казарму... путь для тебя открыт. Иди!

ВАСИЛИЙ. Вот это мы еще увидим, я уйду и буду жить на дереве, на дубе.

КАВРАЙ. Молодец! Ах, какой ты умница! Граф Шереметьев говорил в подобных случаях ...»Орел ты у меня, капрал!»

ВАСИЛИЙ. Отцовского порога отныне не переступлю... пока вы не вернете моего духовного отца, философа и мученика правды. *(идет)*
Здравствуй, Марианна!

МАРИАННА. Здравствуй!

ВАСИЛИЙ. Ты почему оделась в черное?

МАРИАННА. Так захотелось. Настроенье выпало такое черное.

ВАСИЛИЙ. Уходишь в монастырь? Давно пора!

МАРИАННА. Не знаю, может быть. Живу на положении приживалки в доме, а потому готова на любую дерзость...

ВАСИЛИЙ. Тебя обидели?

МАРИАННА. О нет! Просто меня ужалила пчела в такое место, что неприлично и сказать.

ВАСИЛИЙ. Пчела? *(смеется)* Когда я маленьким ребенком был - великое я видел не в жизни, в книгах,.. Григорий Саввич все перевернул во мне. Спустил меня с небес на землю...

МАРИАННА. Я это знаю. Взгляды Сквороды попали на удобренную почву. Тебе тут повезло. Любезный дядюшка, вас пчелы не кусали?

КАВРАЙ. Нет, до сих пор бог миловал. Ты что-то хочешь еще сказать, племянница?

МАРИАННА. Да! Человеку не хватает величия, и величественных поступков. Вот что я хотела вам сказать, милорды! А впрочем, вы не милорды... вы мажордомы, денщики, лакеи... и крестоносцы, к тому же. Вот что я хотела вам сказать, мой сударь. *(встала, идет)*

ВАСИЛИЙ. Марианна, позволь поцеловать тебе руку?

МАРИАННА. *(смеется)* Целуй... если не можешь укусить.

Василий целует ей руку и убегает. Ушла и Марианна. Идет Матильда.

МАТИЛЬДА. Так что же будем делать с офицером?

КАВРАЙ. Пусть подождет... *(он ходит, озабочен)*

МАТИЛЬДА. Пусть подождет. А если ждать не будет и повернет оглобли?

КАВРАЙ. Запретить обратный выезд. Пусть подождет... Дай трубку мне, Матильда.

МАТИЛЬДА. Вот ваша трубка.

КАВРАЙ. Огня!

МАТИЛЬДА. Вот ваш огонь...

КАВРАЙ. Что, Скворода Григорий Саввич - не появился?

МАТИЛЬДА. Нет.

КАВРАЙ. А где мой сын Василий?

МАТИЛЬДА. На дереве, я думаю. На дубе. Забрался на верхушку, и

оттуда бомбит нас... желудями. Такое было уж не в первый раз. Там у него гнездо. Там есть и одеяло, и подушка... и даже крыша от дождя.

КАВРАЙ. Какая глупость! Изабель, ты сердилась?..

ИЗАБЕЛЬ. Ничуть!.. Ничуть, ничуть? (*Уходит*)

КАВРАЙ. Матильда! Предупреди конюшенных и сторожей. И всю дворню. Пусть последят за сыном. Он не должен сбежать. Он должен оставаться здесь в усадьбе.

МАТИЛЬДА. Он должен оставаться здесь в усадьбе. Я так и сделаю.

КАВРАЙ. Давайте офицера. Пусть войдет.

Матильда уходит, и сразу же в глубине появился Михаил Горка - он в форме поручика, при сабле. Каврай идет к нему навстречу.

ГОРКА. Сковорода, по-прежнему, у вас?

КАВРАЙ. А как же может быть иначе! Он наш святитель. Мы без него, как человек без рук. На пасеке он, облюбовал местечко и пишет... Строчит и сочиняет, по сути, день и ночь. Философ!..

ГОРКА. В каком же жанре?..

КАВРАЙ. Во многих жанрах. Да вот идет сюда племянница моя, Марианночка. Она расскажет вам про жанры...

Марианна идет с подносом, на котором бутылка с вином и сладости.

Как ты догадлива! Какая умница!.. Племянница вас хочет чем-то угостить...

МАРИАННА. С приездом вас! День добрый, сударь!

ГОРКА. Сударыня! (*кланяется*)

МАРИАННА. Прошлый раз, насколько мы заметили, вам нравилось токайское вино. Попробуйте теперь бургундское... Букет французских виноделов...

КАВРАЙ. Последняя бутылка! Случайно уцелела!..

МАРИАННА. Горчит немного, с привкусом, но, в общем, имеет аромат особый. Я слышала легенду, будто рыцари его особенно любили.

КАВРАЙ. Я на минуту вас оставлю, молодые люди.. И дам распоряжение, чтоб приготовили для вас ночлег... как и положено для офицера чести... (*уходит*)

Михаил Горка с обожанием смотрит на Марианну.

ГОРКА. Мне кажется, сударыня, я приглянулся вам?..

МАРИАННА. Мне тоже кажется... Не надо только засылать сватов.

ГОРКА. А что же надо?

МАРИАННА. Украдите меня. Я разрешаю. (*пытливо и довольно весело смотрит на офицера*) По-цыгански. Ночью. Под новый год, под снег и вьюгу. Чем веселее, тем лучше. Каврай, конечно, бросится в погоню. Будут стрелять из ружей, но холостыми... из пушек, но без ядер. Каврай все сделает, чтоб не догнать меня и вас. Не правда ли, заманчивое предложение?

ГОРКА. Есть от чего сойти с ума!

МАРИАННА. Вы только не сходите с ума от того, что за мною нет приданого...

ГОРКА. Не страшно. В Петербурге у меня есть дом отцовский.

МАРИАННА. А если завтра вы скажете иначе?..

ГОРКА. Не скажу ...

МАРИАННА. А вдруг? (*улыбаясь*) Я ко всему готова.

ГОРКА. Вдруг не бывает вдруг... как говорит учитель мой Григорий Саввич: у каждого деянья есть причина.

МАРИАННА. Теперь Сковорода и мой учитель... Вы к человеку как вообще относитесь?

ГОРКА. Суммарно? Философски?

МАРИАННА. Да, суммарно философски...

ГОРКА. Ну, человек...высок, велик!

МАРИАННА. Нет! По-моему, в человеке много всякой дряни намешано. Где истина, и как тут поступать - известно только богу. Учтите: если от вас известий не поступит - я в монастырь уйду. (*улыбаясь*) Я говорю серьезно.

ГОРКА. Вот этого не надо, прошу вас... монастырь пусть сам по себе...

МАРИАННА. Я слышу шаги слона!... Ужасно не хочу, чтоб он сейчас увидел мои глаза. (*быстро уходит*)

КАВРАЙ. (*Идет*) А где же Марианна? Что с нею? Сбежала?

ГОРКА. Я думаю, она сейчас вернется.

КАВРАЙ. Не вернется. Все делает наперекор. С характером девица. Вся в матушку свою...

ГОРКА. Я тут привез две книги для Сковороды. Из Дрездена. И обе на латыни.

КАВРАЙ. Какой вы молодец! Ну, молодец... С характером девица...

Появилась Изабель. Она в белой ночной рубашке, с распущенными волосами. Перед собою несет небольшую плоскую чашу с каким-то напитком и свечой. Смотрит прямо перед собой, сосредоточенная на какой-то неясной для нас мысли.

ИЗАБЕЛЬ. (*говорит ровным голосом*) Не удивляйтесь, не подходите ко мне. Я в образе святой Сусанны. Нельзя мне расплескать напиток. Иду к

нему!.. Иду! Иду! (*Идет к выходу, в сторону сада и деревьев!*)

КАВРАЙ. (*в каком-то испуге, шепчет*) К кому она идет?..

ГОРКА. (*отвечает тоже шепотом*) Спросите у всевышнего.
(*Изабель скрылась из наших глаз.*)

КАВРАЙ. Матильда!

МАТИЛЬДА. Матильда здесь...

КАВРАЙ. Матильда, иди за нею следом... Возможно, она пойдет к реке...не дай ей утонуть.

МАТИЛЬДА. Пусть тонет! Я не пойду за нею следом.

КАВРАЙ. Почему?

МАТИЛЬДА. Потому. Не сдвинусь с места... По простой причине: она не любит вас, хозяин. Вас любит женщина другая... Безумно любит, не досыпая ночи... и бредит вашим именем почти пятнадцать лет. Ее зовут Матильда...

КАВРАЙ. Матильда, вы! Ну, как же это вы... зачем?

МАТИЛЬДА. Да, я ключница, и я ворую... это верно...но понемногу. Собираю деньги на черный день, чтоб вам помочь... когда вам трудно будет. А то, что трудно вам будет - я вижу как ясным днем. Она ворует крупно и иначе... и предает вас каждый день, шутя, с веселой миной на лице, с ужимками красивой девы ...Святой Сусанной вырядилась! Я знаю куда она пошла, Сусанна эта... К ребенку вашему, на дерево, к Василию, чтоб совратить его... чтобы унижить жестоким образом весь род Кавраев. Теперь вы можете собаку верную убить. Или пинком ее отбросить, чтобы не тявкала... чтоб не мешала Сусанне красоваться перед кавалерами. Вот этот кавалер - один из сотни... О, господи, прости меня! Я оглашенная! Прости, прости, прости!
(*упала на колени*)

Большая пауза.

Теперь мы видим, как из глубины возвращается Изабель. Она как будто мало изменилась - а если изменилась, то в лучшую сторону... Увидев людей, она останавливается .

ИЗАБЕЛЬ. Не знаю, как вам это любопытство объяснить! Любопытство или упрямство?.. но упрямство женщины.

ГОРКА. (*довольно высокомерно*) Только упрямство, сударыня?

ИЗАБЕЛЬ. А что еще? В начале...да, пожалуй...но когда я вскарабкалась в гнездо этого птенца - я почувствовала что-то иное с первой же минуты... Ответственность, но не перед ним, желторотым птенцом, а перед своей не женской совестью... перед началом и зарождением жизни. Там на ветках я услышала, как дрожит мой птенец... и как важно быть обыкновенной заботливой матерью... матерью его... Вдруг мне стало стыдно, очень стыдно...

я поняла, что сгораю от стыда... и через минуту от меня останется только пепел... Горсточка пепла и больше ничего (*Замолчала*)

ГОРКА. Сударыня, что было потом?..

ИЗАБЕЛЬ. Ничего... Мы молча смотрели на небо и думали каждый о своем... оставаясь гордыми людьми. Ведь мы не совершили ничего предосудительного... Представьте, мы были не животными, а людьми. И это было самое главное мое открытие... самое радостное... Сама радость...

КАВРАЙ. И-м... и-и что же?...Теперь что же?..

ИЗАБЕЛЬ. Ну, и что ты мычишь, мямлишь, икаешь?.. Заикой будешь, Каврай. Успокойся, ничего не случилось... (*идет*) Прошу покорно освободите меня от дальнейших вопросов. За нами нет никаких грехов. Конечно, вы вправе думать все, что вам угодно... в силу вашей личной испорченности. Можете даже хихикать, как хихикал, вероятно, Иуда, когда обрадовался своим всяческим расчетам и соображениям... Нет, Изабель никогда не была и не будет Иудой. Иудой может стать другая женщина...

Матильда встает и быстро уходит. Пауза.

Я счастлива... Вы верите? Вы видите счастливую... Я на седьмом или десятом небе. (*Смотрит на мужчин*) А теперь... теперь вы можете целовать меня до потери сознания!..

Затемнение

Прошло свыше тридцати лет.

И снова степь, как и в начале действия. В степи, на камне сидит старуха Нимфодора. Она только что собирала лечебные травы - они у нее в руках. Из глубины идет Сковорода. Он увидел знакомую спину местной колдуньи, и, радуясь разговору с нею, постучал палкой о камень

СКОВОРОДА. Позволь, красавица, взойти мне на твое подворье?

НИМФОДОРА. Мы шутим, старичок?..

СКОВОРОДА. А все же позволь, красавица? Высокое крыльцо твое ласкает душу...

НИМФОДОРА. Входи. Тут дверь открыта настежь, гуляет ветер. Ты можешь обувь не снимать. Входи, входи... Я плохо вижу. Проплаканы глаза. Ты кто? Как звать тебя?..

СКОВОРОДА Сковорода... Зерно хорошего помола - хорошие блины. Плохого - не лезут в глотку...

НИМФОДОРА. Ах, вот оно... Сковорода Григорий... Просила кланяться тебе Авдотья Филимоновна из Ново-Каменки.

СКОВОРОДА. Спасибо.

НИМФОДОРА. И многодетная семья Баклаев, из Петровки - просила

кланяться.

СКОВОРОДА. Спасибо.

НИМФОДОРА. И отец игумен Галактион из Киево-Печерской лавры. Я там была на Пасху... Он очень видеть тебя хочет.

СКОВОРОДА. К Галактиону я пойду!

НИМФОДОРА. *(вдруг повеселела)* Входи... Я в горнице тебе накрою... там красный угол и две иконы. Спаситель и Мария. Садись за стол.

СКОВОРОДА. Сел...

*Они разговаривают, почти не двигаясь,
но слушают внимательно друг друга.*

Режь хлеб!.. Пей молоко... бери вареники... Заступник рода... Откушай... Борщ завтра будет!..

СКОВОРОДА. *(смеется)* Коль доживем до завтра... Скажи, как урожай сегодня?..

НИМФОДОРА. Сегодня, как вчера... а завтра как сегодня. Что посеешь, то и пожнешь. Глаза страшатся – руки делают. Так говорят у нас на Слобожанщине.

СКОВОРОДА. Прекрасно говорят... и ты прекрасно говоришь.

НИМФОДОРА. Ты Нимфодору не узнал?

СКОВОРОДА. А отчего же не узнать тебя? Мы тридцать лет, как две слезы... по Украине катимся... Колдунья и философ!

НИМФОДОРА. *(смеется)* Колдунья и философ... Эх-ма! *(встает)* Прощай! Люблю тебя! Авось, да встретимся!... *(уходит)*

Сковорода смотрит ей вслед... но тут услышал окрик.

Это уже кричал Михаил Горка, подъехавший на тарантасе.

ГОРКА. Эгей! Григорий Саввич! А я тебя ищу... Прошу, иди ко мне, учитель....

СКОВОРОДА. *(подходит)* Тебя не сразу и узнаешь. Потучнел, Михайло! В мундире в золотым шитьем... Ну, здравствуй, здравствуй, здравствуй,.. сочувственник мой дорогой!..

ГОРКА. Тут для тебя гостинец. Трактат твой «Алфавит мира» удалось размножить типографским способом...

СКОВОРОДА. Великий праздник!..

ГОРКА. А этот вот гостинец шлет моя супруга Марианна Климентьевна, урожденная Каврай... и дочь Анфиса... Варенье из брусницы и морошки. От северных лесов тебе подарок.

СКОВОРОДА. Спасибо, друг, спасибо... Ну, как там в Санкт-Петербурге, холодно?

ГОРКА. Сквозняк! Не буду и докладывать... Послушай, я лучше расскажу тебе про Василия Каврая. Он вверх пошел и служит дипломатом.

СКОВОРОДА. Приятно это слышать. Где?

ГОРКА. Сейчас в Неаполе. У русского посла.. Такой вот случай был. Пришел к нему французский офицер, майор, по имени Буанапарте Наполеон. И говорит: - Хочу служить короне русской, но при одном условии... чтоб дали мне чин подполковника. Василий, твой ученик, подумал и сказал – Мусью, мы рады вас принять... но только в том же чине майора. Не выше и не ниже.

СКОВОРОДА. *(смеется)* Не глупо поступил Василий. Мозги поставить это как поставить голос... тут глупостям не место!

ГОРКА. Хочу похвастать. Моя супруга Марианна собрала все твои записки, и трактаты, стихи и басни, и собирается издать их отдельной книгой...

СКОВОРОДА. Дай-то Бог! И я хочу похвастать. Приглашали меня в монастырь Михайловский, что на Десне... сватали, чтоб стал игуменом. Не согласился я - ушел! Советником у харьковского губернатора Василия Черткова хотели сделать. Не согласился я - ушел! ...И вот, так получается... ушел я отовсюду! Как колобок в той сказке... Свободу, степь, родное поле - не променяю ни на какие блага. Ушел Сковорода! Оставил людям книги, земную мудрость, опыт жизни. Читайте, люди добрые, не сетуйте... читайте, думайте. Вам жить!.. (Затем, он немного помолчал) Мир ловил меня, но, к счастью, не поймал.

И тронул лош

своим делам.

Январь, 2004 г.

Т.Г. Шевченко. Нищий на кладбище. 1859

С.О. Макаров и В.В. Верещагин на броненосце «Петропавловск»

МАКАРОВ И ВЕРЕЩАГИН

Сцены, – в одном действии

*Надо сегодня сказать лишь то,
что уместно сегодня,
Прочее все отложить и сказать
в подходящее время.*

Гораций, I в. до н.э.

Действующие лица:

МАКАРОВ С.О., вице-адмирал, 55 лет

МАКАРОВА К.Н. (в девичестве Якимовская), его жена, 40 лет

ДАРЬЯ (ДИНА), их дочь, 16 лет

ВАДИМ, их сын, 12 лет

ВЕРЕЩАГИН В.В., знаменитый художник, 62 года
ОБРАЗЦОВ Ф.Н., лейтенант флота, 24 года
ИГРИВЫЙ Р.Т., штабс-капитан, среднего возраста
ШАХОВСКАЯ О.С., княгиня, 40 лет
ЛЕПЕШКИН П.Т., мичман, служил на «Петропавловске», 26 лет
ХРЕНОВ Е.К., денщик адмирала, 42 года

Место действия: гостиная в доме губернатора г. Кронштадт, в вагоне поезда, в кают-компании броненосца «Петропавловск»

1-я СЦЕНА

г. Кронштадт февраль 1904 года. Зимний дом губернатора города – здесь проживает семья С.О. Макарова.

Гостиная. Двойные двери, двойные портьеры. Круглый большой стол. Венские стулья. Отдельно на столике: телефон тогдашней конструкции. Канделябры. Гобелен и литографии на стенах.

Квартира обставлена с претензией на роскошь - это святое святых жены адмирала, выросшей в аристократической среде. Середина дня.

При открытии занавеса 16-летняя ДИНА зашнуровывает на ногах ботинки с коньками. Затем, она пробирается к телефону и набирает номер.

ДИНА. *(по телефону)* Мсье Д'эртаньян?... Меня интересует один вопрос. Готовы ли вы сопровождать принцессу Арагонскую в ее прогулке на коньках по финскому заливу? Да, да, в сторону Швеции и Норвегии. Пять градусов северной широты по Гринвичу. Надеюсь, мы там встретим нашего друга и всеобщего любимца Кнута Гамсуна. Готовы? Благодарю вас... Вешаю трубку, и выхожу через полчаса. Адью, милорд!

С улицы идет Егор Хренов, денщик адмирала.

В руках у него букет живых цветов - он ставит их в вазу.

От кого?...

ЕГОР. *(не сразу)* Империял... капитул...

ДИНА. *(резковато)* От кого, Егор?

ЕГОР. Не ведаю. Ни сном, ни духом. Приказано принять и молчать. *(идет, напевает)* «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...»

ДИНА. *(находит в цветах записку)* «Целую ваши ручки». И все? И никакого больше намека? Ах, как трогательно! Три заветных слова. И это уже в шестой раз... Трогательно! Очень, очень трогательно!..

ЕГОР. *(напевает)* «То как зверь она завоет, то заплачет как дитя»

ДИНА. Видимо, он больше ничего не умеет, как только целовать женские ручки... мужчина!..

ЕГОР. *(бормочет)* Хлыщ!

ДИНА. *(ему в тон)* Шаркун!

ЕГОР. Отставной козы барабанщик!.. *(переставляет мебель)*
Кронштадт! Раньше были Варна, Одесса, Константинополь. Всюду плавали,
а теперь болтанка и стужа в «Маркизовой луже». Крутимся и свистим...
«Кронштадт»

ДИНА. А мне нравится Кронштадт, ваше превосходительство.

ЕГОР. Вам... это понятно, барышня. Питер рядом... балы, женихи,
аксельбанты... трень-брень, трень-брень... А нам с адмиралом какво? Ветер
из-за угла бьет тебя по морде, а как ответить? Руки чешутся развернуться и
дать кому-то сдачи со всего маху... а кому? Не понятно... По воздуху бить? А
смысл? Глупо...

*Идет адмиральша Макарова. Она роскошно выглядит, гладко причесана,
прибрана, стройная, элегантная. Привычно направляется к цветам
и обнюхивает каждый бутон и листик.*

МАКАРОВА. Егор, чем мы не довольны?

ЕГОР. *(подтянулся)* Я всем доволен, ваше превосходительство.

МАКАРОВА. А если доволен, то улыбайся... если доволен...

ЕГОР. Да вот Пушкина опять вспомнил. «То по кровле обветшало
вдруг соломой зашумит, то, как путник запоздалый, к нам в окошко постучит...»
(Макарова нюхает цветы)

Убили его вот в такую же погоду... на Черной речке...француз первым
стрелял...*(уходит)*

ДИНА. Кто он?

МАКАРОВА. Даже не догадываюсь...

ДИНА. Не верю, маман...

МАКАРОВА. Поверь...

ДИНА. Генерал?

МАКАРОВА. Не думаю.

ДИНА. Адмирал?

МАКАРОВА. Бог весть...

ДИНА. Или флигель-адъютант? А может, из дома Романовых кто-то,
из великих князей? Нацелился на супругу адмирала Макарова?

МАКАРОВА. Поздно, душенька. У великих князей великий выбор.
«Фрейлины двора ее величества... актрисы балета Мариинского театра. Там
есть Матильда Кшесинская, магнит сильнее Капитолины Макаровой...

ДИНА. Ведь это уже в шестой раз, а мы даже не пытаемся узнать, от
кого цветы?

МАКАРОВА. Милая дочь моя! Сейчас, когда тебе только шестнадцать, ты будешь видеть и знать только то, что я не захочу скрыть. Заруби себе эту скрижаль на своем очаровательном носике.

ДИНА. Уже зарубила!

МАКАРОВА. Ты думаешь, я не страдаю? Я же не виновата, что нравлюсь мужчинам. Всю жизнь они падали у моих ног.

ДИНА. И много их было? Легион?

МАКАРОВА. Легион с четвертью...

ДИНА. Страдалица нуждается в утешении?

МАКАРОВА. Одно могу сказать: герои романа Чернышевского «Что делать?» - это не мои герои...

ДИНА. А причем тут Чернышевский?

МАКАРОВА. Вчера я нашла эту книгу у тебя под подушкой. Ты что, в восторге от сеньора Чернышевского?

ДИНА. Нет! И еще раз нет! Могу абсолютно точно сказать: герои его романа - это не мои герои...

МАКАРОВА. *(целует дочь)* Кажется, здесь наши линии совпадают. Кстати. Твой папа, тогда капитан первого ранга Макаров, впервые увидел меня на пароходе «Великий князь Константин», которым он командовал... Увидел в девять утра, а уже в конце дня сделал мне предложение. Через сутки мы высадились в Николаеве уже как жених и невеста...

ДИНА. Но это же было безрассудно... с его стороны!

МАКАРОВА. А с моей стороны? Со стороны девицы Якимовской? Не безрассудно? Все, чему меня учили в Европе, в иезуитской школе при католическом монастыре - было выброшено за борт. Таков был Макаров в те годы. Собственно, почему был? Таким он оставался всегда... А эта его идея, та, что понравилась химику Менделееву? «Напролом к Северному полюсу?» Кому это надо? И почему обязательно напролом? Чтобы показать русскую удаль? Эти его восклицания: «Помни войну!» А эти публичные заявления о том, что море для него - дом родной. *(Помолчала)* Если море для тебя - дом родной, то зачем высаживаешься на берег и заводишь семью? Зачем женишься? И плодишь детей, которые годами не видят своего отца? *(подошла к окну, задумчиво смотрит на изморозь, на снежные узоры на стекле)* Мерзкая погода! Мороз, ветер... а тут еще всякие слухи, сплетни... Еще эта война на Дальнем Востоке приключилась...*(кутается в шаль)* Мерзкая погода!...

Быстро входит Макаров. Снимает шинель .

МАКАРОВ. Вадим дома?

МАКАРОВА. Нет еще.

МАКАРОВ. (Дине, весело) Там гардемарин ждет - не дождется. Не заставляй парня мерзнуть на морозе. *(Идет к жене, целует ее - взгляд его падает на цветы, подходит к цветам, читает записку, и тут же втыкает ее обратно, идет к телефону)*

Дина уходит. Макаров звонит по телефону

Филат Николаич? Были на Путиловском заводе? Ну, что там? Они справляются с заказом? В график уложатся? Хорошо...*(слушает)* Молодцы - путиловцы! Так, слушаю... А вы постарайтесь жить, согласно законам природы, не мудрствуя лукаво ... Да, и пожалуйста ко мне. Срочно. *(вешает трубку)*

МАКАРОВА. Стива, у тебя есть новости? Или вопросы ко мне? Я тебе чем-то не угодила?

МАКАРОВ. Нет, нет, совершенно никаких вопросов. *(зовет)* Господин штабс-капитан, что вы там застряли? Прячетесь в портьерах? Вот так же прятался в портьерах император Павел. Первый в Михайловском замке. И все равно его разыскали и задушили. Выплывайте на чистую воду...

Из глубины появился офицер.

Он производит впечатление неказистого и мешковатого человека-канцеляриста. Однако, появившись, он молодежато щелкнул каблуками.

ОФИЦЕР. Штабс-капитан Игривый!

МАКАРОВ. Супруга моя. Капитолина Николаевна... прошу любить и жаловать.

МАКАРОВА. *(с легким недоумением)* А почему Игривый ? Это не псевдоним? Вы не печтаетесь в журналах у Суворина?

ИГРИВЫЙ. Никак нет! Отец у меня Игнатий Игривый...и тоже был Игривый... *(смущается, замолкает)*

МАКАРОВА. Прошу садиться. *(сама тут же уходит)*

МАКАРОВ. У меня нет времени заниматься вашим делом, господин Игривый. Этим займется мой адъютант Образцов Филат Николаич. А вот и он...

(Входит Образцов)

Штабс-капитан вручил мне это письмо в подъезде. Судя по его действиям, письму важное. Разберитесь.

ОБРАЗЦОВ. Слушаюсь!

МАКАРОВ. Егорий! Перенеси телефон ко мне в кабинет. Я буду работать. Филат Николаич, после того, как здесь закончите - подберите мне английские газеты за последние три месяца...

ОБРАЗЦОВ. Только английские?

МАКАРОВ. Да, прежде всего, английские. Всё, что касается Португала. (*уходит*)

Образцов аккуратно ножницами отрезает край конверта, достает послание, читает. Читая, поглядывает на штабс-капитана

ОБРАЗЦОВ. (*бросает конверт на стол*) Негодяй! Подлец!

ИГРИВЫЙ. (*встал*) Кто?

ОБРАЗЦОВ. Позвольте узнать, кто же такую песню сочинил?

ИГРИВЫЙ. (*мало смущаясь*) Имел честь я...

ОБРАЗЦОВ. Да вы что - спятили? Вы пишете на имя адмирала Макарова о том, что его супруга ему не верна. (*оглянулся в сторону кабинета Макарова*) Как же вы смели, офицер русского флота. Где воспитывались, господин штабс-капитан?

ИГРИВЫЙ. Вероятно, там же, где и вы. В кадетском корпусе, в бывшем Шляхетском...

ОБРАЗЦОВ. В Кадетском корпусе за такие «шалости»... за кляузы - пороли розгами немилосердно... на конюшне. Вас не пороли?

ИГРИВЫЙ. Не часто...

ОБРАЗЦОВ. Очень жаль, что не часто!

ИГРИВЫЙ. Факты говорят сами за себя, господин Образцов. Я слишком уважаю личность адмирала и его место в истории России, чтобы молчать о том, что я видел своими глазами...

Пауза.

ОБРАЗЦОВ. Где вы служите?

ИГРИВЫЙ. В штабе адмиралтейства.

ОБРАЗЦОВ. Под чьим началом?

ИГРИВЫЙ. Адмирала Тыртова...

ОБРАЗЦОВ. (*вновь взял в руки письмо*) Полагаю, вы не в ладах с рассудком... Эту мерзость... иначе я не могу это назвать. Эту пакотню не мужскую, следует немедленно уничтожить, сжечь... (*Достает откуда-то тарелку, ставит ее на стол*) Предупреждаю иначе...

ИГРИВЫЙ. Да... что иначе? Вызовете меня на дуэль?

ОБРАЗЦОВ. (*подумал*) Нет.

ИГРИВЫЙ. Что так?

ОБРАЗЦОВ. Вы не достойны дуэли. Я пристрелю вас в темном переулке, как злую бешеную собаку. В подворотне... Пусть господь меня простит - я это сделаю...

ИГРИВЫЙ. Но это же не согласуется с офицерской честью?

ОБРАЗЦОВ. *(показал на письмо)* Вот это не согласуется... Завтра адмирал Макаров отправляется на войну, в Порт-Артур, а вы ему гостиницу на дорожку. От имени офицерской когорты, - так сказать.

Вот вам подарочек, ваше высокопревосходительство. Защищайте отечество наше, командуйте там, на Дальнем Востоке, бейте япошек, а мы тут... сами с усами... почистим наши конюшни. Так? Вы семейный человек?

ИГРИВЫЙ. Нет, не случилось *(ответ глаза)*

ОБРАЗЦОВ. Оно и видно. *(помолчал)* А Макаров любит свою жену. И всегда любил... Понимаете, он цельный человек, он настоящий. Любит так, как вам и не снилось. И уже не приснится никогда... Их роман, особенно в молодые годы, был блистателен. Свадьба состоялась в Исакиевском соборе. В присутствии августейшей четы. У них было у обоих святое... Так что, лучше вам посторониться и...

ИГРИВЫЙ. *(потупясь)* Что?..

ОБРАЗЦОВ. Благоговейно промолчать. Вы никогда ничего плохого не видели...

Пауза.

ИГРИВЫЙ. Дайте спички. *(Он сжигает свое письмо над тарелкой)*
А если спросит адмирал?

ОБРАЗЦОВ. Я найду что сказать.

ИГРИВЫЙ. *(сухо)* Благодарю вас, господин адъютант.

ОБРАЗЦОВ. Желаю здравствовать!

Игривый быстро уходит.

Идет Егор... бормочет: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...» Переставляет мебель, смотрит на Образцова.

ЕГОР. Француз первым стрелял ...

ОБРАЗЦОВ. О чем вы, Егорушка?

ЕГОР. Да я Пушкина опять вспомнил. Не вылезает у меня из головы. Ведь вот так рассуждать. Нужный был для России человек. Ведь не случись такая оказия - сколько бы он еще сделал.

Ухлопали, уколошили. И ведь на глазах у царя... Нет в мире справедливости - вот что я хочу сказать...

ОБРАЗЦОВ. Совершенно с вами согласен, господин Егор. Эту тарелку вымойте как следует, с мылом. *(передает ему тарелку, на которой сжигалось письмо)*

ЕГОР. *(взял тарелку, идет остановился, вернулся)* извините, ваше благородие. Есть у меня вопрос к вам, и, как бы сказать, к вашему офицерскому

рассудку .

ОБРАЗЦОВ. Давай!

ЕГОР. Я ведь из многолетней крестьянской семьи. Тверской губернии, ...но грамотен. Бойко читаю и пишу... Нас у отца было четырнадцать душ. Орава. Из этой оравы семь человек одной фамилии - Хреновы - служат в солдатах и матросах. Семь! Считай, это два орудийных расчета. Служат честью и правдой, и готовы жизнь положить на алтарь... (*смеется, со слезой в голосе*) Вот такие мы, значит, Хреновы. Коренные русские люди, у каждого своя судьба...и свои невзгоды...это у каждого... Так уж устроен человек, раб божий... А тут был такой случай. Приятель был у меня один на корабле. От любви к бабе прыгать стал. Идет, бывало, по палубе, а сам прыг-скок, прыг-скок, как воробей... Женился на берегу - и перестал прыгать...

ОБРАЗЦОВ. Допрыгался, значит?

ЕГОР. Допрыгался. Вот и хочу я строить вас, ваш благородие. А что, японец сегодня около Порт-Артура... тоже ведь на внешнем рейде... прыг-скок, прыг-скок. Маневры всякие проводит. Адмирал Того, как тот воробей...

ОБРАЗЦОВ. Да нет, Егор. Тут ты дал маху. Ошибся. Японец не воробей.

ЕГОР. Не воробей... так кто же?

ОБРАЗЦОВ. Это хищник... и давно хищник, зверь хитрый и изворотливый. Кроме всего прочего, его подкармливают исподтишка великие державы - Англия и Франция. И мировая закулиса...

ЕГОР. А кто же мы тогда в глазах японцев? Россия - кто?

ОБРАЗЦОВ. Медведь неповоротливый, медведь занес свою лапу на Дальнем Востоке, и сосет ее безмятежно...

ЕГОР. А что, если японцы по той лапе да самурайским мечом? И отрубят лапу? А, ваше благородие? Проиграем войну?..

Пауза.

Понимаю, трудный орешек - мой вопрос...

ОБРАЗЦОВ. Хороший вопрос, Егор. И я на него тебе отвечу... но не здесь, в Кронштадте, а там, в Порт-Артуре, когда мы туда прибудем.

ЕГОР. А что, есть оказия... адмирала Макарова отправить туда?

ОБРАЗЦОВ. Да, Егор, есть такой высочайший рескрипт.

ЕГОР. (*искренне обрадовался*) А я подозревал, и думал об этом... Значит, будем драться... засучив рукава, по-макаровски! Так как дрались на Черном море с турками. Тогда еще генерал Скобелев был жив. Ох, он любил Макарова за его отвагу. Первого-то Георгия Макаров из рук Скобелева получил. А сам Скобелев, говорят, у Суворова учился...

Звонок у входной двери.

Кажись, Вадим пришел... отец его ждет...

Слышны восклицанья у дверей. Затем, Егор громко докладывает.

Княгиня Шаховская из Петербурга... с визитом!

Идет Макарова, встречает Шаховскую.

МАКАРОВА. Оленька! Родная моя... я счастлива... как добрались?

ШАХОВСКАЯ. Не спрашивай, - на нашей улице праздник! Ваш Стива, адмирал Макаров, назначен главнокомандующим на театре военных действий.

МАКАРОВА. Где?

ШАХОВСКАЯ. Как где? Конечно же, у черта на куличках, на Дальнем Востоке, в войне с японцами.

МАКАРОВА. Какое счастье!

ШАХОВСКАЯ. Крейсер «Варяг» потоплен японцами в Желтом море... в неравном бою. Адмирал Алексеев сообщает об этом со всеми подробностями... **МАКАРОВА.** *(крестится)* Какое несчастье!..

ШАХОВСКАЯ. Я только что из Зимнего! Виноваты во всем масоны... это их козни. Они вожделеют и ждут поражения русского флота... Министр Куропаткин в крайнем волнении. У него непрерывно дрожит челюсть, и он от волнения не выговаривает отдельных слов. Причина уважительная: Куропаткин ненавидит Макарова, и он был против его назначения ...

МАКАРОВА. Егор... самовар на стол!

ШАХОВСКАЯ. Государь - император стоит на коленях в Казанском соборе и молится за победу русского оружия, за здоровье защитников Порт-Артура...

МАКАРОВА. Какое счастье!

ШАХОВСКАЯ. Но там, на Дальнем Востоке, восседает тот толстяк Алексеев, наместник... И они, как два быка, столкнутся.

МАКАРОВА. Кто столкнется?

ШАХОВСКАЯ. Ваш супруг... об этом все знают... Сын унтер-офицера из захолустья, решительный и смелый Степан Осипыч, и этот...незаконный сын императора Александра Второго. Он же ни в одном бою не участвовал, и никаких талантов не проявил...

МАКАРОВА. И об этом тоже все знают?

ШАХОВСКАЯ. Разумеется. Ах, милочка! Боюсь, у Макарова в Петербурге больше врагов, чем на Дальнем Востоке. Говорю уверенно, потому что знаю, о чем говорю...

МАКАРОВА. (*Образцову*) Она знает об чем говорит... То-то мне снилась русская свадьба, где было много женихов и мало невест, а это всегда не к добру...

ШАХОВСКАЯ. Но где же он, наш герой? Наш Цезарь? Где он? Дайте его обнять!

МАКАРОВА. Стива работает в кабинете. Я позову его?

ШАХОВСКАЯ. Не надо... пусть работает... Когда мой муж работает - я его не отвлекаю. Завтра мы встретимся на Московском вокзале, и там я пощечочу его бороду... Завтра, завтра...

МАКАРОВА. Как? Уже завтра? Он уезжает завтра, а я об этом не знаю?

ШАХОВСКАЯ. Об этом сообщалось в утренних газетах...

МАКАРОВА. Филат Николаич, вы знали об этом?

ОБРАЗЦОВ. Знал

МАКАРОВА. И молчали?

ОБРАЗЦОВ. Степан Осипыч сказал: «Семье ничего не говорите, я сам их уведомяю».

МАКАРОВА. Прекрасно! Лавры адмирала Нельсона ему не дают покоя. Вот в таком духе протекает моя жизнь. Он оберегает меня от излишних волнений...

ШАХОВСКАЯ. Потому что безумно любит вас... у вас прекрасный муж.

МАКАРОВА. Божественный муж! Гордость России! (*в гневе, но говорит об этом не громко, почти шепотом*) Да провались она эта сермяжная Русь в тартарары!

ШАХОВСКАЯ. Что я слышу? Что с вами, Капитолина Николаевна? Разве вы масонка? Эго было бы так некстати... Ах, понимаю, вы взволнованы... от счастья.

МАКАРОВА. Прошу к столу... Кажется, я готова выпить шампанского за успехи моего мужа.

ШАХОВСКАЯ. Но я не могу... я спешу... В Кронштадте у меня еще много дел.

МАКАРОВА. Не казните меня, дорогая... присядьте к столу, хоть на минутку.

ШАХОВСКАЯ. Не могу... (*идет к ней, вытянув губы для поцелуя*) Я обожаю вас, Капитоша... (*они целуются*)

МАКАРОВА. Тогда простите, что я не готова вас принять со всеми почестями, как вы того заслуживаете...

ШАХОВСКАЯ. Капитоша, вы прекрасно выглядите. А эти изумрудные серьги вам так к лицу. Скажу вам по большому секрету. Многие мужчины до сих пор интересуются вами...

Звонок. Появляются Дина и Вадим.

МАКАРОВА. А вот и наши дети...

ШАХОВСКАЯ. Ну, здравствуйте, здравствуйте... всех вас обнимаю и прощаюсь. Встретимся завтра вечером на Московском вокзале... *(берет Образцова под руку)* Какая красивая чета Макаровы, - верно? Всем на удивленье... *(взглянула на Дину)* А младшая Макарова уже замечена при дворе. *(И быстро уходит. Макарова ее провожает)*

Образцов перебирает газеты у столика.

Дина передевается за ширмами. Слышен ее голос.

ДИНА. На улице такая прелесть! А сосны на берегу, будто череда церквей и соборов... И даже слышится колокольный звон. Дзинь, дзинь, дзинь... оттуда... кажется, с материка... Вы не слышали, Филат Николаич?

ОБРАЗЦОВ. Колокольный звон? Я и сейчас его слышу. Надо только прислушаться

ДИНА. *(подходит к нему)* Я вам не помешаю?

ОБРАЗЦОВ. Конечно, нет...

ДИНА. Папа собирается на войну... вы тоже?

ОБРАЗЦОВ. Да, я тоже.

ДИНА. Послушайте, сеньор. А вам не хотелось бы остаться в Петербурге, дослужиться до чина флигель-адъютанта, а потом с места в карьер - жениться на какой-нибудь хорошенькой и совершенно глупой, но богатой девице? С приданым в четырнадцать миллионов, и в четырнадцать комнат где-нибудь на Васильевском острове?

ОБРАЗЦОВ. *(смеется)* С одной оговоркой. Я сам не настолько умен, чтобы жениться на глупой.

ДИНА. Не глупо сказано!

ОБРАЗЦОВ. У вас есть маленький личный альбом? Секретный?

ДИНА. Конечно. Как у всякой девицы моего возраста. Хотите оставить свой автограф?

ОБРАЗЦОВ. Хотел бы. Все-таки, мы едем не к другу на именины, а на войну. Там иногда убивают...

ДИНА. Вас интересует шанс быть убитым? Зачем? Не делайте этого, прошу вас. Поберегите себя и папу. Вы же его адъютант... *(Уходит и тут же возвращается с альбомом в руках)* Только не пишите глупых слов и печальных строчек. Не люблю. Мне дали имя Дарья, потому что я Дарья... а Дарья означает по-гречески «сильная побеждающая». Я и писем печальных не люблю. И лиц печальных. Я даже вальс не люблю, потому что он печален. *(весело)* А вы танцуете вальс?

ОБРАЗЦОВ. *(несколько растерян)* Как будто... как всякий офицер, я обязан не уронить себя в глазах дамы...

ДИНА. Тогда постарайтесь, милый друг, не уронить себя. Я обязываю вас... станцевать со мною вальс... прощальный, офицерский... *(делает глубокий реверанс)*

ОБРАЗЦОВ. *(кланяется)* Почтительно внимаю вам, сударыня...

Они танцуют несколько мгновений. Молча и торжественно.

МАКАРОВА. Браво, браво! Не дурно выглядите, господа!..

Идет Макаров. Образцов присел к столику, пишет в альбом.

Макарова, увидев мужа, идет к нему.

Наконец-то! Наконец-то ты получаешь свободу рук... но в какой трудный час?

Макаров молча идет к самовару, и готовит себе стакан крепкого чая.

Приезжала эта петербургская львица...

МАКАРОВ. Кто?

МАКАРОВА. Княгиня Шаховская. Завтра она прибудет на вокзал проводить тебя...

МАКАРОВ. Пусть провожает.. *(пьет чай)* Филат Николаич, завтра полный день вы свободны для личных дел. Встретимся вечером у меня в вагоне.

ОБРАЗЦОВ. Разрешите быть свободным, ваше превосходительство?

МАКАРОВ. Да. С Богом, с Богом!... *(издали взглянул на жену)* Неужели дверь в совесть столь таинственна? Уж чего проще, кажется...

МАКАРОВА. *(она услышала, идет к нему)* Ты мне сказал, Стива?

МАКАРОВ. *(улыбнулся)* Нет. Это я сам себе сказал...

Образцов уходит. Идут к столу Вадим и Дина. Вадим целует отца. Пауза. Меняется свет. У стола остаются Макаров и Вадим. На диване сидят Макарова и Дина – они стоически молчат, положив руки на свои колени.

Сын мой Вадимушка... мой дорогой младший Макаров. Ты уже подросток, почти юноша... кадет... будущий просоленный моряк русского флота... *(смотрит на сына)*

ВАДИМ. А я уже плавал на паруснике... и немного просолился...

МАКАРОВ. Немного просолился... *(улыбнулся)* Это очень даже хорошо. *(пауза)*

Все, что я скажу тебе с глазу на глаз - постарайся запомнить. Говорю только тебе... мужчине... *(пауза)* Я еду в Порт-Артур. Там сейчас война, смерть, кровь... Противник имеет временный перевес в фактических силах, и в тактике. Но русский бывалый моряк умел побеждать и в худших обстоятельствах... И все же, на душе у меня смутно, как будто слышу: кто-то сзади подкрадывается с ножом в руках... Кто? Кто нам мешает в этой войне выиграть войну? Я пытаюсь в этом разобраться, и думаю, разберусь еще до прибытия в Порт-Артур, поскольку дорога будет дальняя... через всю Сибирь... Хорошо, что нас не слышат ни наша любимая мама, ни твоя сестра. Я объясню почему. Запомни на всю жизнь, сынок: на женские хрупкие плечи никогда нельзя перекладывать тяготы мужских забот. А война это труд тяжкий... *(вновь немного помолчал)*

Мужчина должен явиться домой бодрым и веселым. Дорогая жена: собирай меня в дорогу - иду защищать родину. Вот и весь сказ. Она поплачет, соберет тебя и успокоится, положившись на волю Божию... Так, Вадим? Как мы понимаем?

ВАДИМ. Да, папа... так!

МАКАРОВ. Ну, вот и хорошо... Деньги из казначейства, положенные мне по службе, будут у матери. Между тем, и мама, и Дина должны поменьше франтить на балах. Быть скромнее. И жить, и развлекаться по средствам. Расходы не должны превышать доходы. Чтобы что-то оставалось на черный день... *(с любовью смотрит на сына)* Как там твои дружки-кадеты?

ВАДИМ. Хорошо. Наши все обожают адмирала Макарова... и берут с него пример....

МАКАРОВ. Молодцы-братцы! *(идет к сыну)* Учись старательно, наверстывай упущенное... помогай маме и сестре... Бойся Бога, служи Царю! Вот и весь мой отцовский сказ. Простимся. *(и он крепко обнял сына)*

Меняется свет.

Идет Дина. Ее окликает Макарова.

МАКАРОВА. Дина, подожди! Ты взволнована? Не отрицай, я это вижу. Дай сюда альбом.

ДИНА. Мама, но это адресовано Дине Макаровой...

МАКАРОВА. *(нетерпеливо и властно)* Дай сюда альбом!

ДИНА. Мама, мы поссоримся! Я тебе не дам альбома. Повторяю, я тебе не дам альбома... *(стремится уйти)*

МАКАРОВА. Что он там пишет?

ДИНА. Только одно слово.

МАКАРОВА. Какое?

ДИНА. Люблю.

МАКАРОВА. Вот этого он не мог написать. Он слишком воспитан для этого... Девочка, я приготовилась слушать.

ДИНА. Хорошо! Тогда слушай и не удивляйся. (*читает*) «Принцессе города Кронштадта Дарье - Дине Макаровой. Посвящение... Далее, в скобках: «чувства мои, слова Александра Пушкина»

«Подъезжая под Ижоры
Я взглянул на небеса,
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор...».

Далее, идет большое многоточие...

МАКАРОВА. Читай, минуя многоточие...

ДИНА. (*читает*) «Если ж нет... по прежнему следу
В наши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября».

МАКАРОВА. Все?

ДИНА. Да.

МАКАРОВА. Естественно... А что ты чувствуешь в сердце своем?

ДИНА. Не знаю... он меня смутил.

МАКАРОВА. Смутил, и только? Он страстно объяснился тебе в любви. На уровне пажа - своей императрице. Но учти, Даша. Я тебя никому не отдам. Никому и никогда. Заруби себе это на своем очаровательном носике.

ДИНА. (*с легким вызовом*) Уже зарубила. А что дальше?

2-я СЦЕНА

И сразу же врывается звук идущего поезда. Атмосфера уютной гостиной сменяется ритмами войны. Тревожные гудки паровоза. Стук колес о стыки рельс. Внутренность вагона, в котором едет Макаров. Он за столиком и работает с военными картами. Входит Образцов.

ОБРАЗЦОВ. Хорошая новость!

МАКАРОВ. Давно ее жду. (*работает не поднимая головы*)

ОБРАЗЦОВ. На станции Байкал, куда мы прибыли, подвизался знаменитый художник Верещагин ...

МАКАРОВ. Такого не может быть! Он только что пребывал в Японии.

ВЕРЕЩАГИН. (*входя в вагон*) А наш пострел везде поспел. Здравия желаю, ваше превосходительство Степан Осипыч!

МАКАРОВ. О, господи! Мать пресвятая Богородица. Вереща-гин!? Это же свечку надо поставить Николаю-угоднику. Откуда вы, мой милый?..
(Они обнимаются, целуются)

Проходите, снимайте с плеч свою хламиду... будьте, как дома. Желая во здравии всегда видеть вас, Василий Васильич!..

ВЕРЕЩАГИН. *(потирает руки)* Вот мы и встретились. И где? Около Байкала. У самого глубокого озера в мире... *(вдруг пропел куплет знаменитой песни)*

«Славное море, священный Байкал,
Славный корабль - омулевая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал, -
Молодцу плыть недалечко...»

Это я вам назначил здесь свидание, у Байкала. И погоду заказал... прямо по Пушкину... «мороз и солнце». Не верите?

МАКАРОВ. Не спроста, ой не спроста, Василий Васильич!.. При таком волшебстве мы встречаемся... так встречаются только раз в жизни. Быть нам вместе на белом коне...

ВЕРЕЩАГИН. Или под конем?

МАКАРОВ. Не будем каркать на судьбу... Все в руках Божьих... и в наших руках...

Они оба растроганы до слез, но стараются не показать друг другу эту растроганность. Верещагин отошел к окну.

ВЕРЕЩАГИН. Сегодня вы наша надежда... адмирал русского флота!

МАКАРОВ. Вы тоже... надежда всей человеческой цивилизации... адмирал-флагман русской живописи!

ВЕГЕЩАГИН. Прошу извинения, но я имею чин фельдфебеля. Это было в начале моей карьеры... – Фельдфебель Верещагин, встаньте головным в строй! И фельдфебель Верещагин чеканил шаг и вставал, как и положено, головным в строй. Но был всегда скромен фельдфебель Верещагин... так надо полагать. Иначе, почему он отказался от всяких наград и профессорских званий? И принял только один: солдатский георгиевский крест.

Короткая пауза.

МАКАРОВ. Самое интересное в биографии фельдфебеля Верещагина: он создал сагу-эпопею трагическую... о простых тружениках войны... о тех, про кого висят таблички по городам и весям: «собакам и низшим чинам вход воспрещен!»

ВЕРЕЩАГИН. Да, это так... *(нервно прошелся по вагону)* Так, так, так. Но вот только что я видел на перроне на погрузке наших солдат и мастеровых с Путиловского завода... Хлопочут! Жизнь здоровая кипит...

полнокровная, радостная... И невольно вспоминаю клич на Балканах в семьдесят седьмом году... Слава двуглавному орлу! Слава генералу Скобелеву! Слава герою Черного моря капитану Макарову! Было такое или не было, ваше превосходительство? Как говорится, из песни слов не выбросишь? Или найдутся умники, что выбросят из песни слова?!

Пауза.

ЕГОР. (*входит, отдает честь*) Солдат Егор Хренов перед вашими очами, ваши благородия! Чем прикажете уважить гостя?

МАКАРОВ. (*прищурил глаз*) Записывай.

ЕГОР. Бумаги нет.

МАКАРОВ. Все равно записывай... (*жест в сторону головы*) здесь!

ЕГОР. Пишу...

МАКАРОВ. Суп из крабов...

ЕГОР. Суп из крабов...

МАКАРОВ. Апельсины из Африки...

ЕГОР. Апельсины из Африки. (*подозрительно посмотрел на адмирала*)

МАКАРОВ. Огурчики из Нежина...

ЕГОР. Огурчики из Нежина...

МАКАРОВ. Под водочку, настоящую на женьшене...

ЕГОР. Под водочку, на женьшене...

МАКАРОВ. (*строго*) Можем такое?

ЕГОР. (*решительно*) Никак нет, не можем, ваше превосходительство!

МАКАРОВ. Что так?..

ЕГОР. Так. (*и смотрит не мигая в глаза адмиралу*)

МАКАРОВ. А гость заслуживает именно таких блюд. Он требует этих блюд. Он мне сказал: «Огурчика из Нежина хочу». Я не ошибся, Василий Васильич?

ВЕРЕЩАГИН. Хотелось бы еще. Лягушек по-китайски, и макарон по-итальянски...

ЕГОР. (*бледнеет, краснеет*) Не имеем в наличии такого продукта, ваши превосходительства.

ВЕРЕЩАГИН. (*смеется*) А гречневой каши котелок с телятиной? Яичницу из жареного гвоздя? Можно?

ЕГОР. Вдоволь!

ВЕРЕЩАГИН. То-то!..

МАКАРОВ. Давай, Егор! Да зеленого чая с башкирским медом приготовь.

ЕГОР. Слушаюсь! (*уходит*)

ВЕРЕЩАГИН. (*кричит ему вслед*) Рыбки бы байкальской! Там на перроне, я видел, старухи в платках продают рыбу... Ваш денщик?

МАКАРОВ. Понравился? Вот и нарисуйте его. Персонаж того заслуживает. Вы же любите писать... «не знаменитых русских людей».

ВЕРЕЩАГИН. Прослышаны? Да, есть такой злополучный изъян во мне. Адмиралов и генералов принципиально не пишу. На высокие чины нет времени.

Пауза.

МАКАРОВ. Рвусь в Порт-Артур!

ВЕРЕЩАГИН. Это понятно...

МАКАРОВ. Но поезд ползет, как черепаха. Сижу над картами, мозгую. Дела наши на Тихом океане должны измениться к лучшему... И скоро!

ВЕРЕЩАГИН. Дай-то Бог!..

МАКАРОВ. Со мной едет бывший капитан ледокола «Ермак» Васильев Михаил Васильич. Мой друг и прекрасный офицер...

ВЕРЕЩАГИН. Слышал о нем. Разумный офицер, говорят... инициативный.

Пауза.

МАКАРОВ. Да, да... инициатива должна перейти в наши руки... должна, должна, должна... (*уткнул голову в карты*).

Верещагин вновь идет к окну, заглядывает наружу

Бескрайние леса проезжаем, могучие реки... Сибирь за окном... красота и мощь... а еще недра. А в недрах вся таблица Менделеева... Как вам это нравится?..

ВЕРЕЩАГИН. Очень нравится... но не та тема для разговора. Как говорится, побочный продукт. На сердце заноза, помогите ее вытащить?..

МАКАРОВ. По старой дружбе – постараюсь.

ВЕРЕЩАГИН. Как же так, Степан Осипыч? Почему случился этот позор в Порт-Артуре? Кто это допустил?

Егор что-то вносит из посуды, ставит на столик, вновь уходит. Пауза.

МАКАРОВ. В Морском штабе думали: ну, куда нам спешить? Добро бы на свадьбу. Ну, что такое для нас Япония? Не посмеют на нас напасть.

ВЕРЕЩАГИН. Посмели!..

МАКАРОВ. Да еще как посмели! В ночь на 27 января напали на сонный Порт-Артур, и сделали из наших лучших кораблей фирменную окрошку... Стыдно в глаза людям смотреть. А ведь я предупреждал еще четыре года назад. Писал из Кронштадта на имя министра. Почему мы не имеем четкого стратегического плана на Дальнем Востоке? Почему мы не готовимся

к войне? Книгу об этом написал... «Тактику морского боя». Отказались печатать. «Не признано возможным». Такую резолюцию начертал некий чин в генеральном штабе

ВЕРЕЩАГИН. Дурак какой-то... обалдуй?

МАКАРОВ. Вот из-за этих обалдуев, как вы справедливо изволили выразиться, и проигрываем японцам... А японцы, тем временем, наладили шпионов, ахнули от удивления, узнав про беспечность наших прекрасных командиров... подкупили кого надо в Питере... и показали всему миру, на что способна «Страна восходящего солнца».

ВЕРЕЩАГИН. Кстати, в Японии уже пять столетий нет ни одного неграмотного. О таком народе нельзя сказать, что он не просвещен. Его шапками не закидаешь!

Пауза.

МАКАРОВ. Я знаю, что от Макарова ждут чуда, но чуда не будет.

ВЕРЕЩАГИН. Полагаю, от вас ждут, по крайней мере, осмысленных шагов.

МАКАРОВ. Рыба, извините за выражение... с головы воняет. Когда офицер, в эполетах и аксельбантах, крупный военный чиновник, запускает руку в казенный сундук, - он уже перестает быть офицером. Он вор и казнокрад. И душа у него черная, как смоль.

ОБРАЗЦОВ. *(входит)* Разрешите? *(докладывает)* На перроне собрались жены офицеров, расквартированных в Порт-Артуре. Из встречного поезда. Возвращаются в Питер. Хотят видеть адмирала Макарова

МАКАРОВ. Мне тоже интересно их видеть. Идем! *(набросив шинель на плечи, уходит вместе с Образцовым)*

Егор обставляет стол

ВЕРЕЩАГИН. *(достает из своей сумки карты и карандаши, рисовальные принадлежности, напевает)* «Чижик-пыжик, где ж ты был?

На Фонтанке водку пил.

Выпил рюмку, выпил две,-

Закружилось...

ЕГОР. *(посматривает на действия ВереЩагина)* Не положено... ни Чижика, ни Пыжика, и никому другому. Водки в этом доме не подают. Сухой закон.

ВЕРЕЩАГИН. Не из Вологды родом, кавалер?

ЕГОР. Чуток промахнулись. Тверской... Нас у отца было четырнадцать душ... семь из них под ружьем ходят...

ВЕРЕЩАГИН. Фамилия у тебя громкая... *(начинает рисовать Егора)*

ЕГОР. Хренов! Веселая фамилия... слышная... Эх, нам бы только японца теперь побить. Если бы в кулачном бою, то я бы не сомневался...

ВЕРЕЩАГИН. *(рисует)* Бывал?..

ЕГОР. А то как же! Стенка на стенку...Из носа кровь брызжет, а еще силы много. А силы только прибавляются - в азарт вхожу. Мы ведь не из тех, которые после драки кулаками машут... Тверские, и за себя можем постоять

...

ВЕРЕЩАГИН. *(рисует)* А я новгородский... тоже не лыком шит...

ЕГОР. Сосед мой... Новгород, древний город...

ВЕРЕЩАГИН. Из Череповца... *(быстро рисует)*

ЕГОР. Рукой подать до Череповца... А там и Валдай рядом...и Китежград. и знаменитые наши озера... в которых, по преданию, купался Андрей Первозванный. Это когда он шел из Киева в Новгород, да заблудился... Шел по звездам, а тут как раз непогода. Темень была, и дождь, и ни одной звезды не видать...

МАКАРОВ. *(входит)* Егор, готов мой зеленый чай?

ЕГОР. Ждет вас, и самовар кипит. Душистый, как поцелуй красавицы под венцом...

МАКАРОВ. Цветисто говоришь... *(он чем-то озабочен)*

ЕГОР. Да вот земляка встретил, не даром радуюсь. Теперь буду хвастаться. Меня сам Верещагин рисовал!

Входит Образцов. Все садятся за стол, закусывают, пьют чай.

Егор деловито обслуживает

ВЕРЕЩАГИН. Так что там жены офицеров? Бунтуют?

МАКАРОВ. Нет! Жены как жены... бояться остаться вдовами. Их можно понять ...

Пауза.

ВЕРЕЩАГИН. Суворов или Румянцев...не помню, кто из них...как-то сказал на досуге »Русские берут крепости, но не сдают их» *(пьет чай)*

МАКАРОВ. Приедем в Порт-Артур - вы это напомните генералу Стесселю, коменданту крепости.

ВЕРЕЩАГИН. Не извольте беспокоиться - не постесняюсь напомнить.

Пауза. Все пьют чай.

Что вы так пытливо рассматриваете мою лысину, Степан Осипыч? Как будто впервые видите?

МАКАРОВ. Не перестаю удивляться

ВЕРЕЩАГИН. Чему?

МАКАРОВ. Характеру Верещагина.

ВЕРЕЩАГИН. *(весело)* Да неужели? Четвертую чашку пью вашего разлюбезного зеленого чаю. И не могу насладиться. Это вас удивляет?

МАКАРОВ. *(не сразу)* Удивляет не это. Как быстро вы бегаете по планете - вот что меня удивляет .Вчера в Японии , позавчера на Кубе, в Америке...и везде выставки, встречи. Газеты постоянно пестрят заголовками о вас... Простите, сколько же вам от роду, Василий Васильич? Я что-то

запомнювал.

ВЕРЕЩАГИН. Шестидесят два протрубило.

МАКАРОВ. Юноша! А мне пятьдесят пять...

ВЕРЕЩАГИН. Старик! А по-моему, мы оба молодые люди...

МАКАРОВ. (*задумчиво*) Нет, мы оба старые люди... И должны поступать так, как и должны поступать старые люди...

ВЕРЕЩАГИН. То есть?.. (*Макаров не ответил*)

...И темпераменты наши близки... А, может быть, и взгляды на войну?..

МАКАРОВ. Не уверен. Не уверен, Василий Васильич! Говорю откровенно. Ведь что такое война? Трагедия неизбежная... и трагедия победы над этой неизбежностью.

ВЕРЕЩАГИН. Я что-то недопонял.

МАКАРОВ. Вы отлично все допоняли... (*помолчал*) Для меня ваша жизнь, как на ладони. Но самое интересное вот в чем. Едва началась туркестанская кампания - вы уже были там. И сразу же серия ваших картин. «Смертельно раненый солдат», «Апофеоз войны»... Мир вздрогнул от ваших художественных речений... от ваших жестоких ударов по зачинщикам бойни. Война на Балканах! Снова там Верещагин... Гнев Верещагина! Сарказм Верещагина! Протест Верещагина!..

ВЕРЕЩАГИН. В частности... где?

МАКАРОВ. В частности, в картине «На Шипке все спокойно».

ВЕРЕЩАГИН. Егор, еще чашу чая!

ЕГОР. Мне что, второй самовар ставить?

МАКАРОВ. Не мешкай, ставь!

ВЕРЕЩАГИН. «На Шипке все спокойно»! Если бы вы знали... Из-за этого, скромного по виду триптиха, меня были готовы растерзать. Грозилось предать военному суду за клевету на русскую армию... Генерал Радецкий, сидя в тылу в пяти верстах от Шипки, играя в карты в винт, - традиционно докладывал в генеральный штаб, императору...И, действительно, на Шипке было все спокойно: сотнями замерзали наши солдатики в пикетах, в горах...умирали и по болезни, от голода...От того, что их бросили в бой на Шипку и забыли о них навсегда. Убиты, и концы в воду...

Короткая пауза.

МАКАРОВ. Филат Николаич, вам еще служить как медному котелку. Чувствуете урок Верещагина на будущие времена?

ОБРАЗЦОВ. Так точно!

МАКАРОВ. Вы знакомы со всею палитрой Верещагина?

ОБРАЗЦОВ. Отчасти. (*обращаясь к Верещагину*) Я видел серию ваших картин «1812 год». В Москве.

МАКАРОВ. И, конечно, были потрясены?

ВЕРЕЩАГИН. Уточните. Чем именно были потрясены, молодой

человек?

ОБРАЗЦОВ. Вот этой картиной... где голодные злые французы бредут по смоленской дороге из России обратно во Францию, не солоно хлебавши... В центре их возжак Наполеон, переодетый в русскую шубу с чужого плеча...бредет, озираясь, как затравленный волк...

ВЕРЕЩАГИН. *(смеется)* Почти по Крылову. У Крылова есть на этот счет отличная басня «Волк в овчарне». Вы мне польстили, Филат Николаич. Желаю вам хорошей военной карьеры.

ОБРАЗЦОВ. Благодарю вас, Василий Васильич!..

Пауза.

МАКАРОВ. Видел я и «вашего» умирающего американского солдата. Благородный строгий сюжет... в четырех картинах «Письмо осталось незаконченным» - так, кажется, называется?

ВЕРЕЩАГИН. И каково впечатление?

МАКАРОВ. *(не сразу)* Верещагин остается верен себе. И Верещагин, в конечном счете, прав... абсолютно... Смерть человека на войне... Это знают матери и в Калуге, и в Оклахоме, и в Токио, в Лондоне и в Париже... Но бывают обстоятельства, когда надо... *(Он не договорил, встал из-за стола)* И тогда я говорю своим офицерам - морякам, верным присяге и андреевскому флагу... На войне как на войне! Встретите слабое судно противника - нападайте! Если равное себе - нападайте! И если сильнее себя - тоже нападайте!.. *(Он отошел к окну, молчит)*

Верещагин и Образцов переглянулись.

ВЕРЕЩАГИН. Где прикажете разместиться мне, Степан Осипыч?

МАКАРОВ. *(сухо, думая о чем-то своем)* В соседнем вагоне. Там вам будет удобно... Филат Николаич, проводите художника...

Пауза. Верещагин уходит. Слышен грохот идущего поезда.

Гудки паровоза. Поезд входит в туннель.

Затемнение.

3-я СЦЕНА

Флотский горн. Сигнал: «Слушай!» Команда: - На флаг командующего флотом становись! Смирно! Флаг поднять! Кают-компания броненосца «Петропавловск». Сюда входят Макаров, Образцов и Верещагин. Их сопровождает вахтенный офицер мичман Лепешкин

МАКАРОВ. *(снимает шинель)* Японцы осторожничают... эскадренного боя избегают. В чем тут дело? *(Образцову)* Ваш взгляд на вещи?

ОБРАЗЦОВ. Полагаю... *(молчит)*

МАКАРОВ. Я слушаю!

ОБРАЗЦОВ. Японцы хотят подловить нас на какой-либо нашей оплошности.

МАКАРОВ. Говорите яснее...

ОБРАЗЦОВ. У матросов в ходу есть выражение «Суп с клецками». Речь идет о возможностях минной войны. Клецки – мины. Желтое море нашпиговано минами... И мы не знаем сколько их. Сотни или тысячи?

ВЕРЕЩАГИН. Адмирал Того - хитрый лис... и, конечно, готовит каверзу вновь прибывшему адмиралу Макарову.

МАКАРОВ. Не получится. Мы сами с усами! Господин вахтенный?

ЛЕПЕШКИН. Имею честь быть, Мичман Лепешкин.

МАКАРОВ. Давно на «Петропавловске» мичман Лепешкин?

ЛЕПЕШКИН. С неделю.

МАКАРОВ. До этого где служили?

ЛЕПЕШКИН. Крейсер «Быстрый». Японцы потопили его на внешнем рейде в первый же день войны...

МАКАРОВ. Где воспитывались? Надеюсь, не в Пажеском корпусе?

ЛЕПЕШКИН. Вначале - в Витебской гимназии. Затем, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В девятьсот первом поступил юнкером на флот. Плавал на «Герцоге Эдинбургском». В прошлом году выдержал офицерский экзамен и произведен в мичманы.

МАКАРОВ. Почему пошли на флот?

ЛЕПЕШКИН. Мужская работа... понравилось.

МАКАРОВ. *(помолчал)* Вы были в деле и чудом спаслись. Что вас поразило в первом бою?

ЛЕПЕШКИН. *(не сразу)* Гул врывающейся в трюмы воды... самый, пожалуй, страшный звук в открытом море.

МАКАРОВ. Еще?

ЛЕПЕШКИН. На моих глазах три матроса, выбежав на палубу с перекошенными от ужаса лицами, бросились за борт...

МАКАРОВ. Еще?

ЛЕПЕШКИН. Я заметил, расстояние до главных сил адмирала Того было 60-50 кабельтовых. Снаряды же нашей крепостной артиллерии ложились при очень большом недолете...

МАКАРОВ. В сорока кабельтовых?

ЛЕПЕШКИН. Примерно так. Это меня сильно огорчило. Кроме всего прочего, мне ясно одно. Я еще из мирного обывателя «чеховского героя» не стал офицером войны. Я еще не готов в любую минуту убивать или быть убитым ...

МАКАРОВ. *(смотрит на Лепешкина)* Егорий?

ЕГОР. Я здесь!

МАКАРОВ. Достань коробку с наградными швейцарскими часами.
«Подарок от Макарова»

Егор достает коробку и держит ее открытой.

Макаров берет в руки карманные часы с цепочкой.

Господин мичман! За то, что вышли живым из боя, и снова идете в бой. За проявленные мужество и отвагу. Носите с Богом!..

ЛЕПЕШКИН. *(берет часы, отдает честь)* Служу его императорскому величеству и величеству государства российского!

МАКАРОВ. Молодец! Филат Николаич, возьмите двух матросов из наших «балтийцев», и на катере плывите к генералу Кондратенко, на батарее. Будете корректировать стрельбу крепостной артиллерии. Сможете?

ОБРАЗЦОВ. Так точно, смогу!

МАКАРОВ. Снаряды должны ложится точно. Два-три удачных выстрела, и кораблю неприятеля капут. Только так!.. Хочу особо отметить, господа офицеры. На судах не должны забывать: свои потери чрезвычайно видны... Поэтому: для ободрения людей, для усиления их энергии - следует посылать на батарее известия о потерях противника... видимых и предполагаемых... Известия эти должны встречаться на батареях громкими криками «Ура» .Вы поняли, чего я от вас жду, Филат Николаич ?

ОБРАЗЦОВ. Так точно!

МАКАРОВ. Есть вопросы? Тогда с Богом, и за дело. Жизнь наша принадлежит Отечеству, но дешево мы ее не отдадим. Через двое суток я жду вас на флагмане.

ОБРАЗЦОВ. Разрешите действовать?

МАКАРОВ. И без промедлений! *(Образцов уходит)* Господин мичман! Капитан Васильев сейчас на мостике. Передайте ему мой приказ: Флагману, полный вперед! На выход из горловины... Легкие минные заряды не страшны броненосцу. Он непотопляем... Идем на сближение с противником.

Лепешкин уходит.

ВЕРЕЩАГИН. *(В руках у него рисовальные принадлежности)* Итак, битва Макаров - Того началась. Вы не боитесь за жизнь свою, Степан Осипыч?

МАКАРОВ. Волков бояться - в лес не ходить. Так говорили наши предки *(склонился над морской картой)* Надо уметь достойно уйти туда, откуда пришел... в мир сырой глины... на круги своя... *(кричит)* Егорий! Куда он запропастился... Егорий?!

ЕГОР. *(он бежит)* Готовить самовар?...

МАКАРОВ. Готовь, голубчик! В веселые минуты ты всегда был находчивым...

ЕГОР. С брусничным вареньем хорошо пойдет... под японца

МАКАРОВ. Давай с брусничным! А что, если мы с тобой выйдем на

мостик и будем пить чай на глазах у японцев? Сумеешь отхлебывать из блюда ...на глазах у японцев?

ЕГОР. *(смеется)* Как прикажете, так и сделаем!

МАКАРОВ. Не сомневаюсь, сумеешь, Егор! Ты все сумеешь!...

Пауза.

ВЕРЕЩАГИН. Мне понравилась мажорная тональность, ваших первых распоряжений в Порт-Артуре. Ухватистым оказался российский мужичок Макаров...

МАКАРОВ. Терпение! Не все сразу... Надо приучить японца к тому, что он от нас убегает. Не мы от него, а он от нас ...Кто-то в Питере меня обозвал бароном Мюнхаузеном. Хотя, по сути, я всегда был сугубым и черствым практиком... *(Показывает Верещагину по карте)* Вот видите, мы имеем узкое место при выходе из акватории... Нужны широкие ворота! Распах нужен!..

Входит Лепешкин, докладывает.

ЛЕПЕШКИН. Разрешите? Броненосец вышел на внешний рейд. Замечены силуэты эскадры противника...

МАКАРОВ. Хорошо! Сейчас я буду на мостике...

Лепешкин ушел.

ВЕРЕЩАГИН. Этот Лепешкин...

МАКАРОВ. Чем он вам не понравился?

ВЕРЕЩАГИН. Наоборот, понравился!

МАКАРОВ. Человек с университетским образованием пришел на флот. Побольше бы таких!..

ВЕРЕЩАГИН. *(он рисует)* Великолепно...

МАКАРОВ. А если великолепно, то и нарисуйте его в серии «Не знаменитых русских людей...» *(прислушался к движению корабля)* Стоп! Там что-то случилось... Почему он застопорил?..

Слышен довольно сильный взрыв.

Мина по левому борту!... Не страшно... надо завести пластырь... *(набросил шинель на плечи, быстро идет)*

Но здесь произошли два оглушительных взрыва внутри корабля.

«Петропавловск» мгновенно стал тонуть.

ВЕРЕЩАГИН. *(бежит, кричит)* Адмирала спасите!.. Ради бога, адмирала Макарова спасите!..

МАКАРОВ. *(его голос прерывается)* Егорий! ...Художника... Верещагина Егорий!... *(и последний сильный крик)* Егорий ко мне... Егорий!..

Далее, слышен гул от падающей воды в трюмы.

Затемнение.

4-я СЦЕНА

Июль 1913 года. Прошло девять лет со дня трагедии в Жёлтом море. г. Кронштадт. Звуки духового оркестра. Здесь открывается памятник С.О. Макарову. Гостиная, - та самая, которую мы видели в начале действия. В глубине на подставке: букет живых цветов. Дина, празднично одетая в светлое платье, разговаривает по телефону.

ДИНА. Мсье Д'эртаньян? Сообщаю вам... На календаре тысяча девятьсот тринадцатый год. Сегодня 24 июля... Меня интересует один вопрос. Вы будете на торжествах открытия памятника бывшему губернатору Кронштадта адмиралу Макарову?...

С улицы входит Вадим. Он в парадном мундире. Дина, увидев брата, продолжает говорить по телефону.

С вами говорит... принцесса Арагонская и фрейлина двора ее величества императрицы Марии Федоровны... *(слушает)* Да, да, конечно... вы тоже... Вы не должны подходить ко мне во время церемонии... Адью, милорд! *(вешает трубку)* Здравствуй, мой драгоценный братец! Прекрасно выглядишь!..

ВАДИМ. Мы оба прекрасно выглядим. Важно, чтобы мы так же прекрасно молчали на торжествах...

ДИНА. Почему?

ВАДИМ. Потому... Мне нужно видеть адмиральшу Макарову ...

ДИНА. Маман одевается...

ВАДИМ. Сколько часов можно одеваться? Пять, восемь, двенадцать?

ДИНА. Столько, сколько требуется для адмиральши в ее звездный час...

ВАДИМ. Ах, в звездный час? Понятно. Нельзя ли убрать из этого звездного часа риторику и лицемерие? *(Подходит к двери комнаты матери)* Милые дамы, потрудитесь не лицемерить!

ДИНА. Ах, Вадим, Вадим!...

ВАДИМ. Что, «Вадим, Вадим»?

ДИНА. Я безгранично, безумно-безумно... взволнована... Мой брак, и теперь это стало очевидным – неудачен! В сезоне. Одним словом, никакой романтики. Коммерческие дела мужа трещат по всем швам...

ВАДИМ. Вот с этого и надо было начинать. С коммерческих дел мужа. И на кой черт ты вышла замуж за этого недоделанного аристократа?...

ДИНА. Маме он очень понравился...

ВАДИМ. Так и отдай его маме. Пусть доделает и вернет тебе в виде готового продукта...

ДИНА. *(смеется, вздыхает)* А давно ли ... Александр Блок посвящал мне свои стихи. Адъютант Образцов клялся мне в любви стихами Пушкина?..

ВАДИМ. Диночка, это тебе пригрезилось. Миражи. Александр Блок никогда не посвящал тебе стихи. Ты даже не знакома с ним...

ДИНА. Почему?

ВАДИМ. Потому. Именно по этой причине. Раньше ты была знакома с Кнудом Гамсуном, писателем из Норвегии. Но знакома была с ним только по портрету в собрании его сочинений. Сестра моя, успокойся, ты летаешь по воздуху. Не надо. Сегодня не тот день, чтобы летать по воздуху. Россия ставит памятник своему сыну, нашему отцу Степану Макарову. Это очень серьезно и почетно.

ДИНА. Что же мне прикажешь делать? Объясни, братец...

ВАДИМ. Молчать, и быть скромной. Только и всего. Фрейлина должна оставаться фрейлиной, но не торговкой овощами и зеленью.

ДИНА. Вадим, ты меня оскорбил. Разве я похожа на торговку овощами и зеленью?

Из глубины идет Игривый. Он с букетом цветов.

ИГРИВЫЙ. Извините великодушно. По старой доброй памяти. Полковник Игривый! *(он прищелкнул каблучками)* Бывал в вашем доме с самыми добрыми намереньями. Глубокий почитатель таланта, вашего батюшки... великого ученого и флотоводца. Разрешите, я присяду на стульчик в ожидании?

ДИНА. Пожалуйста... Ожидайте сколько угодно...

ВАДИМ. *(звонит по телефону)* Филат Николаич, с вами говорит лейтенант флота Вадим Макаров. Бы будете на открытии памятника отцу? ...*(слушает)* Простите, я не знал. Благодарю вас... *(повесил трубку)* Оказывается, Образцов - председатель комиссии по сбору средств на памятник. Он главный устроитель... Странно, почему он не говорил мне об этом? Почему они держали все это в тайне от семьи?

Бурно входит княгиня Шаховская.

ШАХОВСКАЯ. Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! Карету с цветами и шампанским я оставила у подъезда. *(вытянув губы для поцелуя, идет к Дине)* Дарьюшка, очаровательница моя, ты будешь вечно цветущей женщиной... каплей в каплю ты похожа на свою матушку. Но где же она, благодетельница наша? *(повысив голос)* Капитолина Николаевна, не прячьтесь, я вас все равно разыщу и расцелую!

Входит Образцов. Он в чине капитана первого ранга.

А вот и наш порт-артурский витязь... сподвижник великих людей, Макарова и Верещагина!..

ОБРАЗЦОВ. *(походит к Дине, целует ей руку)* Дарья Степановна, склоняю голову перед вашим образом... всегда с уважением и любовью отношусь к вам. Равно, как и к нашей блистательной Капитолине

Николаевне... Здравствуйте, Вадим! Как дела?

ВАДИМ. Служу. Иду по стопам отца...

ОБРАЗЦОВ. Здесь, на Балтике?

ВАДИМ. Плавал в Англию... Был в кругосветке. Мечтаю о том, чтобы поднять со дна моря «Петропавловск»... с прахом отца.

ОБРАЗЦОВ. (смотрит на Вадима) Молодец!..

ВАДИМ. Почему меня отстранили при сотворении памятника?

ОБРАЗЦОВ. Инициатива шла от матросов... от нижних чинов. Памятник создан на их копейки.

ВАДИМ. С миру по нитке? Так ли это?

ОБРАЗЦОВ. Именно так, дорогой младший Макаров. Не переживай. Памятник воскрешает слово и дело адмирала Макарова.

ВАДИМ. Каким же образом?

ОБРАЗЦОВ. Наилучшим образом... Представь себе памятник. Гранитная северная скала. На ней Макаров во весь рост, с протянутой выперед рукой... И два его заветных слова. «Помни войну!»

Идет Макарова. Она строго одета, монументальна, слегка припудрена... в ее лице, во всех движениях ее – ликование и торжество. В ее безусловном молчании есть некая тайна и эту тайну она не пытается скрывать.

К Макаровой подходит Шаховская, целует ее. Затем, к ней подходит Вадим, целует ее, берет под руку. Образцов берет под руку Дину... Они идут. Вадим берет в руки цветы... Шествие двинулось на выход, на улицу, откуда несутся звуки мощного духового оркестра.

Занавес

Июль, 2003 г.

Николаев. Художественный музей им. В.В. Верещагина и памятник адмиралу С.О. Макарову на Флотском бульваре

Сва. Белоцерковский

директору Николаевскому Учительскому институту

Учительский институт

ТРИУМФ СТАРОГО ДОМА

Пьеса в одном действии

*Посвящается 90-летию
со дня учреждения в г. Николаеве
Учительского института, ныне –
Николаевского государственного университета*

Действующие лица:

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ, директор института.

ТАТЬЯНА БЕРГ, хозяйка старого дома.

СОСИПАТРОВ, граф, чиновник из Петербурга.

ЖАБОЕДОВ, помощник Сосипатрова.

ЕГОРИЙ, «вечный студент».

МАТРЕНА, кухарка в доме.

ИВАН ДРОЗД, студент.

ИРИНА МЕЦ, выпускница Мариинской гимназии.

ТУТАНХАМОНОВ, редактор городской газеты.

Действие происходит в гостиной Татьяны Берг – в здании института – и на одной из улиц города – осенью 1913 года. Хорошо обставленная гостиная. Круглый стол посредине, кресла, венские стулья, диван. Полки с книгами, портреты античных героев, изящные литографии. Здесь все говорит о изощренном вкусе хозяйки в духе и в традиции начала XX века.

Из глубины в гостиную входит, с фонарем в руках, Егорий – в плаще и в длинном сюртуке – напоминает тип студента европейского университета.

Из боковой комнаты появляется Татьяна Берг.

БЕРГ. Гражданин, позвольте! Вы как сюда попали ?..

Егорий, подняв фонарь, откровенно и с легким недоумением рассматривает даму.

Вы кто такой?

ЕГОРИЙ. *(высокомерно)* Диоген! Рожденный в четвертом веке до рождества Христова. Вернее, он был рожден в четвертом веке, а я... я по его стопам иду – в двадцатом веке... В девятьсот тринадцатом... по осени. По осени, когда цыплят считают... *(с легким поклоном)* Философ Диоген... мыслитель... *(поднял фонарь)* Вот, днем с огнем ишу я человека в империи российской.

БЕРГ. *(с живым интересом)* Нашли?

ЕГОРИЙ. Нет! Но думаю найти, – я все еще надеюсь... Человек, тебя ишу! Ишу я человека! Покажите, где он, человек?..

(Появилась Матрена)

МАТРЕНА. Эй, парень, ты почему вошел без спроса? А ну, катись отсюда... Живо! Кому сказала? Убирайся, парень!...

ЕГОРИЙ. *(не реагирует. Только презрительно поднял голову)* Во-первых, я не парень, а мужчина средних лет. А во-вторых, красotka,.. прощу вас на латыни со мною изъясняться. Я кириллицу не разумею. Factum est factum (что сделано, то сделано). И что означает это мерзкое словечко «катись»? Куда катись? Зачем? Тем более, на бочку, что катится, я не похож.

МАТРЕНА. *(берет в руки скалку, орудие для глаженья белья)* Сейчас я объясню... сейчас ты все увидишь...

БЕРГ. Матреша, не трогайте его.

МАТРЕНА. Да это же Егорий... городской сумасшедший. Его повсюду, отовсюду гонят, а он, как тот репей, повсюду лезет... ветрогон!...

БЕРГ. *(светски)* Мой господин, я не хотела вас обидеть.

ЕГОРИЙ. Сударыня, меня нельзя обидеть, – я выше всяческой обиды. In Homo sapiens (я человек мыслящий).

БЕРГ. Вы значит, наш... свой городской... *(запнулась)*

ЕГОРИЙ. Да, я свой... николаевский... С Соборной улицы... вернее, с переулка, с закутка, оттуда, где собаки лизут своих щенят... Свой сумасшедший!... Домотканный, так сказать... Ура тебе, кулик, за то, что хвалишь свое болото!

(Он сумрачен, и говорит с презрением)

Но я уйду... уйду не медля... хоть знаю – вы будете жалеть. Покажите, где выход из вашего особняка?

БЕРГ. *(показала рукой)* Там, сударь, выход.

МАТРЕНА. Здесь, где я стою. Иди ко мне. Я провожу тебя.

(Она со скалкой в руках)

БЕРГ. Сударь, прошу быть осторожным, там на выходе ступенька одна гнильва...

ЕГОРИЙ. *(вдруг с восхищением посмотрел на женщину)* Философски сказано! «Ступенька одна гнилая...» У вас глаза блестят, сударыня... мне нравится, - в вас что-то есть. О, если бы только одна ступенька была гнилой!... Не страшно было бы! Их тысячи ступенек – гнилых, трухлявых, безобразных... А впрочем, хочу задать простой вопрос, сударыня. По городу, в газетах, распространился слух, что вы студентов набираете на первый курс. Здесь в этом здании вы открываете учительский... впервые в Таврии...

БЕРГ. Да, совершенно верно... институт учительский. Но набираю, сударь, не я, а попечительство. Здесь есть свой штат сотрудников и господин директор. А я всего лишь хозяйка дома. К тому же бывшая. Дом продан... Усадьба, сад, оранжерея – красивый вид – все отдано на усмотренье господ студентов. Сама хозяйка уезжает в Баден-Баден, на лечение... Но вы ворвались в мой уголок, в интимный мир Татьяны Берг... Меня зовут Татьяна Берг...

ЕГОРИЙ. Простите за то, что я ворвался, – невежество преследует меня... Про вас я где-то слышал выражение: «Дама с запросами». У вас, действительно, – запросы?...

БЕРГ. Не знаю. Может быть. Со стороны виднее. Во всяком случае, люблю людей открытых и образованных. Порядочных, к тому же. А если вдруг при всем при этом у человека есть еще и чувство юмора – тогда совсем прекрасно.

ЕГОРИЙ. Виват Татьяне Берг! *(грозно посмотрел на Матрену)* ... но не этой старой ведьме. Так вот, сударыня, я прихватил для верности фонарь.

БЕРГ. Зачем?

ЕГОРИЙ. *(находчиво)* Чтоб рассмотреть ваше лицо. По сути я – потомственный студент.

(он улыбается – он доволен собой)

Я – студент. Учился в Киеве, один семестр – в Сорбонне... Вы мне не верите?

БЕРГ. О нет, я верю, верю... Да вам нельзя не верить. Вы так

располагаете к себе, что стыдно вам не верить.

ЕГОРИЙ. Два – в Риме. Полтора семестра в Мадриде. И целый год учился в Санкт-Петербурге.

БЕРГ. (*учтиво*) Там плохо учат?

ЕГОРИЙ. Сказать по совести: неважно. Европа в философии поиздержалась. Нет нового Шекспира, нет Спинозы. Старушка милая Европа – не плодоносит больше.

БЕРГ. Я чувствую – у вас конфликт с Европой?

ЕГОРИЙ. Да, есть немного. Последние три века я с нею в ссоре.

БЕРГ. Но вы закончили университет? У вас диплом?...

ЕГОРИЙ. (*почти с восторгом*) Нет! О, нет! К счастью, я... не вышел носом. Но я не сетую. Секрет в другом.

БЕРГ. В чем именно?

ЕГОРИЙ. Мне повсюду говорят: «учитесь дальше». «У вас задатки быть всегда студентом». «Учитесь вечно!»... так мне сказали профессора Сорбонны. Я им поверил. Вам нравится фонарь?

БЕРГ. Какой фонарь?

ЕГОРИЙ. Вот этот, диковинный, не правда ли? Мой друг. Он – мой друг. Мы ищем вместе человека... днем с огнем! Мы ищем тех, кто мыслит, кто страдает, кто любит вверх смотреть, на звезды... Ах, эти звезды! Я готов был прослезиться, увидев вас, сударыня. Вы женщина и значит, вы звезда... но вы унижены... давно унижены, к прискорбью моему. Я не прощаюсь, я только кланяюсь вам. У вас лицо богини... глаза горят... Вот так же горели они у Антигоны, когда она вела по краю бездны Эдипа, своего ослепшего отца... Желаю вам добра, а мне... (*увидел портрет*) Портрет Сократа?

БЕРГ. Да.

ЕГОРИЙ. Я так и думал. Я его узнал. Привет тебе, Сократ! Привет через века от Диогена! (*Идет, но вдруг останавливается, смотрит на Матрону*) А кстати, Матрена Филимоновна! Когда я снова приду к вам в гости – не откажите угостить меня борщом украинским. Наваристым, и с черным хлебом. Я черный хлеб до ужаса люблю. Вы борщ умеете варить?

МАТРЕНА. Умею, сударь.

ЕГОРИЙ. Ну вот, и сговорились, и улыбнулись, и помирились... А я вам розу алую в подарок принесу.

(*быстро уходит*)

МАТРЕНА. (*смеется, вздыхает*) Ну, что тут скажешь... он чудак... Действительно, он этот Диоген... который ненормальный.

БЕРГ. С блаженного нет спроса.

МАТРЕНА. (*смеется*) Дурак законченный, а выглядит мужчиной. Он что же, в студенты просится?

БЕРГ. Как будто...

МАТРЕНА. Я думаю: его придется взять. А потому, что он веселый... надо взять. *(скрывается)*

(Стук в дверь)

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Сударыня, к вам можно?

БЕРГ. Пожалуйста, открыто... входите.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Татьяна Алексеевна? Спасите, ради бога.

БЕРГ. Что с вами, господин директор?

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. зуб на зуб не попадает... Меня трясет, как в лихорадке...

БЕРГ. Да что случилось? Говорите же.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Вчера со стороны Одессы въехала карета в город. И подкатила прямо к дому губернатора.

БЕРГ. И в той карете... кто же это был?

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Граф Сосипатров! Крупный чиновник из Петербурга. Имеет дом на Миллионной... Гроза всех мыслящих людей в России. Такая бестия, какой не видел свет. Известный светский лев и интриган... Ну, в общем, я молчу. Он многих закатал в Сибирь... я это точно знаю. Говорит, что он отдыхал в Крыму, и вот, заехал в Николаев по пути.

БЕРГ. Но вам-то что из этого?

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Как что?! Как что, Татьяна Алексеевна! Он в кабинете у меня, и пьет чай... закусывает пряниками.

БЕРГ. И пряники, конечно, черствые?

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Наверно, как всегда... Хотите, встану на колени ?

БЕРГ. Не надо!

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Покажите графу город. Отвлеките его от института, хотя бы на часок-другой... Попотчуйте его своей улыбкой и нежностью... хотя бы издалека. Введите его в соблазн, Татьяна Алексеевна!

БЕРГ. *(смеется)* Ну, знаете, Владимир Николаич – чему вы учите? Теперь уж я не знаю – чему вы учите студентов.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Учю добру, сударыня! Ведь если он захочет – прихлопнет институт, как муху. И тогда все наши благие начинанья, разговоры о гуманизме и прочее – коту под хвост. Не мною сказано, в империи российской две напасти: внизу – власть тьмы, а наверху – тьма власти.

БЕРГ. Он что же?

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Гений злодейства – вот что. И это абсолютно точно. Тут разночтений быть не может. *(Слышен голос Жабоедова «Владимир Николаич, вы где ?»)* Вот, меня уж требуют к ответу. Иду, как на Голгофу! *(быстро уходит)*

Пауза.

Татьяна Берг уходит в боковую комнату. Из глубины в гостиную входит

граф Сосипатров, и его помощник Жабоедов.

СОСИПАТРОВ. Жабоедов!

ЖАБОЕДОВ. Я здесь. *(В руках у него походный саквояж с письменными принадлежностями)*

СОСИПАТРОВ. Записывай. *(Далее диктует)* «В одиннадцать утра мы посетили институт учительский. Нас встретили: директор господин Белоцерковский – умеренный как будто... адвокат, ученый, монархист... и трезвенник... но...» Это в скобках. Прошу, пометь там в скобках... «...но либеральных устремлений». И священник отец Маврикий... тоже фрукт умеренный...

ЖАБОЕДОВ. Про фрукт записывать?

СОСИПАТРОВ. Не надо... *(диктует)* «Студенты преподнесли мне хлеб-соль. Был гимн исполнен в зале. «Боже, царя храни». Все было чинно, строго, по ранжиру. Брожений не заметил, хотя заметил огонь под пеплом. Возможно, это отголоски девятьсот пятого». Записал?

ЖАБОЕДОВ. Так точно, ваше сиятельство.

СОСИПАТРОВ. Каллиграфически?

ЖАБОЕДОВ. Так точно, как всегда.

СОСИПАТРОВ. Спрячь книгу, и... проверь: как держатся рессоры у коляски. Мы дня через четыре направимся в Херсон. Проверь подковки у кобылиц и сбрую.

ЖАБОЕДОВ. Так точно, ваше сиятельство! Подковки у кобылиц я обязательно проверю.

Сосипатров увидел Татьяну Берг, и мгновенно направился к ней.

Жабоедов исчез.

СОСИПАТРОВ. В Бахчисарае мне сказали: «Николаев – город невест, красивых женщин». Увидев вас, я понял: в Бахчисарае мне не все сказали. Здесь – очаровательные женщины.

БЕРГ. Ваше сиятельство, в Бахчисарае вам сказали правду. У женщин Николаева в крови – вино и солнце. Но это для мужей, для офицеров флота. Так было в прошлом, во времена Чесмы и Севастополя. Таков негласный знак у города, – он сохранился до сих пор.

СОСИПАТРОВ. Прекрасно! Отличный знак. Готов вам аплодировать.

БЕРГ. А я готова вас сопровождать в экскурсии по городу.

СОСИПАТРОВ. Мадам, я счастлив. С чего начнем?

БЕРГ. Я думаю, с Яхт-клуба... с Летнего дворца.

СОСИПАТРОВ. Что, дух Потемкина еще не истребился?

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. *(идет)* Градоначальник шеф-адмирал Киссель-Загоранский вам прислал коляску, ваше сиятельство. И просит посетить Яхт-клуб, французский эллинг, бульвар, и памятник войны двенадцатого года.

СОСИПАТРОВ. Ну, памятник нас подождет... не к спеху, а вот Яхт-клуб... извольте, я готов.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Значит, так надо полагать: вас похищают, ваше сиятельство?

СОСИПАТРОВ. Да, кажется нас похищают.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. И вы согласны быть похищенным?

СОСИПАТРОВ. Увы, удел чиновника... все осмотреть, и сгладить все углы, шероховатости... Империя, как оказалось, нуждается в чиновниках высокого калибра. Но иногда нас убивают. Здесь, в Киеве, два года назад, убили Петра Аркадьича Столыпина, тоже чиновника... премьера, и гражданина высоких помыслов. *(немного помолчал)* Конечно, с точки зрения науки академической, – визит чиновника – противнейшее дело, помеха в жизни... но... империя стоит на трех китах. А на каких китах – вам лучше знать. О вас я слышал: «превосходнейший директор». Но так ли это на самом деле?...

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Да, да... да, да... конечно... Так точно, ваше сиятельство, и даже остроумно... Мы очень рады вашему приезду, и вашей инспекции. Инспекция для нас – как мать родная... как хлеб насущный... Апофеоз души!...

СОСИПАТРОВ. *(поморщился)* Ну, апофеоз... уж это слишком... *(идет)* Да, чтобы не забыть... в пять вечера соблаговолите мне прислать редактора центральной городской газеты. Как называется газета?

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. «Южанин», ваше сиятельство.

СОСИПАТРОВ. Так вот, «Южанина» – ко мне, в пять вечера.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Не премину так сделать. «Южанин» будет.

СОСИПАТРОВ. Мадам, прошу командовать парадом. Часы идут.

БЕРГ. С великим удовольствием. *(И она подхватила графа под руку)*
Скамейка на улице. На ней – гимназистка Ирина Мец, с книгой в руках.

Мимо проходит студент Иван Дрозд.

ДРОЗД. Мамзель, простите. Это Сенная улица?

ИРИНА. Нет, это не Сенная улица.

ДРОЗД. Наваринская?

ИРИНА. Нет.

ДРОЗД. Да что такое! Фалеевская? Как быстро я запутался в трех соснах. А все потому, что загляделся на ваш профиль. И вот... значит, это Артиллерийская?

ИРИНА. Да, это Артиллерийская. Вон там за первым же углом стоят две пушки. И если через минуту вы не уберетесь отсюда – они начнут палить из всех калибров...

ДРОЗД. Какая прелесть! Вот любопытно было бы... Картечью по моим вихрам!

(Ирина встала, идет)

О нет, не уходите, я прошу вас. И разрешите представиться. Студент Иван Дрозд. А если подробнее: Иван Иванович Дроздовский, сын ветеринара Ивана Ивановича Дроздовского, что держит свой магазин по улице Большая Морская, семнадцать. И дед мой тоже был ветеринаром. А еще он был фотографом – любителем по совокупности.

ИРИНА. *(ей почему-то стало весело)* А что делала ваша бабушка по совокупности?

ДРОЗД. Бабушка ему помогала. Стряпала, доила коров. Выгуливала жеребят на водопое... и мыла негативы в фотографии.

ИРИНА. На углу Соборной и Большой Морской?

ДРОЗД. А вы откуда знаете?

ИРИНА. *(вернулась на скамейку)* Садитесь рядом.

ДРОЗД. Душевно тронут.

(он сел)

ИРИНА. Вы что же, шут гороховый?

ДРОЗД. Не совсем... я студент, а это уже. И поскольку я студент – мне остается выбрать свою позицию между добром и злом.

ИРИНА. Красиво сказано! Вы что же, краснобай?

ДРОЗД. Отчасти грешен, батюшка... Люблю поэзию. Мы что читаем? О, Жорж Санд! «Консуэло». Высоко.

ИРИНА. Да уж не низко...

ДРОЗД. А это что?

ИРИНА. Девичий альбом. Тут есть стихи моих друзей. Можете ознакомиться...

ДРОЗД. Незамедлительно. *(рассматривает, читает)* Как прекрасна ученица, когда выйдет отвечать, опустив свои ресницы, и не знает как начать. Как же ставить единицу, когда видишь пред собой, точно розочку, – девицу с тонкой русою косой?... Н-да... Я не могу сказать, что он гениален.

ИРИНА. Кто?

ДРОЗД. Автор этих строк.

ИРИНА. А он и не нуждается в вашей оценке. К тому же, его нет в живых.

ДРОЗД. Погиб на дуэли, защищая честь женщины?

ИРИНА. Нет, все оказалось проще. Он умер от чахотки... по весне...

ДРОЗД. *(помолчал)* Но он был влюблен в вас? *(Ирина молчит)* я угадал? И он был вашим первым учителем-кумиром. Ну, конечно... Вы не смущайтесь – это не прискорбно. Он заронил в вашем сердечке любовь к прекрасному...

ИРИНА. Да вы ко всему еще и хиромант? Отгадыватель судеб?

ДРОЗД. Да, я такой... живой и одаренный человек. Но славу он стяжал, как дипломат! Это обо мне. Представьте, я мечтаю о дипломатической карьере.

ИРИНА. Вот это я заметила. Само наше знакомство – упражнение по дипломатии, да? Вы спросили... Это не Сенная улица? Ход дипломатический, чтобы познакомиться с девушкой.

ДРОЗД. – Нет, это не Сенная! – ответила мне враждующая сторона... Кстати, я знаю, как вас зовут. Ирина Мец.

ИРИНА. Мне кажется, я вас впервые вижу...

ДРОЗД. Истинный дипломат обязан знать больше, чем то, что лежит на поверхности...

ИРИНА. Но истинный, уж если он дипломат истинный, не говорит об этом вслух.

ДРОЗД. Bravo! Что ж, я открою карты... Вы сестра моего товарища по курсу Кондрата Меца.

ИРИНА. Ах, вот оно... вся ваша дипломатия шита белыми нитками... тогда прощайте. *(хочет уйти)*

ДРОЗД. Позвольте пригласить вас, сударыня, на вечеринку в наш институт. Хозяйка дома Татьяна Берг дает прощальный ужин в своей гостиной. Приходите. Там будет весело и интересно... для ума и сердца. Атмосфера особая... Стихи, и музыка, и песни. Вот пригласительный билет.

ИРИНА. *(берет билет)* Приду. Я обязательно приду. Каждый вечер я смотрю на этот старый дом, на этот сад. Он мне напоминает «Вишневый сад» Антона Павловича Чехова... Спасибо. Я приду... Мне показалось, вы серьезнее и глубже, чем кажетесь на первый взгляд... Прощайте! Да хранит вас Бог!... *(они расходятся)*

Все та же гостиная. Сосипатров и Жабоедов.

ЖАБОЕДОВ. Вас ждет редактор городской газеты, поручик Иннокентий Тутанхамонов.

СОСИПАТРОВ. Пусть войдет.

Жабоедов уходит. Слышен его голос: «Господин Тутанхамонов, пожалуйста к их сиятельству». Входит благообразно одетый господин, с благообразным лицом. Сосипатров пожимает ему руку, и говорит: «Садитесь».

ТУТАНХАМОНОВ. Не обязательно. Я постою. Не велик барин.

СОСИПАТРОВ. Я дважды просьбу не повторяю...

Тутанхамонов сел. Пауза.

Чем занят город? Что интересного бывает в городе?...

ТУТАНХАМОНОВ. В августе, к примеру... пожаловал к нам поэт и академик Иван Алексеич Бунин. В саду дворянского собрания был грандиозный праздник. Были девицы разных возрастов, студенты и обыватели. Сам вечер был в пользу недостаточных студентов и курсисток. Читали нараспев стихи, и пели романсы.

СОСИПАТРОВ. Вот как! Романсы пели – это хорошо... А что было

после романсов? Романсы навевают грусть, чувствительность и негу. И, значит, после что-то было еще?

ТУТАНХАМОНОВ. Гулянье было на бульваре. Народное гулянье. Там были и мастеровые – средний класс...

СОСИПАТРОВ. Гулянье было – это хорошо. Говорят, что Николаев – город невест,

Красивых женщин... Вы как настроены? Тут нет преувеличений?

ТУТАНХАМОНОВ. *(слегка сконфужен)*

О женщинах мы много пишем, судачим. И даже фельетоны помещаем в городской газете.

СОСИПАТРОВ. Фельетоны – это хорошо.

ТУТАНХАМОНОВ. Ведь это с какого бока посмотреть на тему. Если с точки зрения эмансипации, духовной жизни, то... Вот, например, открыли институт учительский. Но там нет ни одной студентки. Одни мужчины.

СОСИПАТРОВ. Так это плохо или хорошо, по-вашему?

ТУТАНХАМОНОВ. Помилуйте, конечно, плохо. Я думаю, что плохо, очень плохо, ваше сиятельство.

СОСИПАТРОВ. *(скупо улыбнувшись)*

А по-моему, так очень хорошо. У немцев существует поговорка: три кэ для женщины. Кюхен, кирхе, киндер. Очень разумная концепция.

ТУТАНХАМОНОВ. Не убежден, ваше сиятельство.

СОСИПАТРОВ. Один вопрос. Сколько в вашем городе домов терпимости? И сколько среди них приличных – гуманитарных, так сказать? Может ли такое заведение посетить... ну, скажем, европейски образованный мужчина, кавалер, похожий на меня?

ТУТАНХАМОНОВ. *(открыл рот и не может его закрыть)* Я... я в тупике, ваше сиятельство...

СОСИПАТРОВ. Почему?

ТУТАНХАМОНОВ. Да потому что... не посещал таких я заведений.

СОСИПАТРОВ. Позвольте, вы же – редактор газеты. Вы формируете общественное мнение.

ТУТАНХАМОНОВ. Возможно, что-то формирую, но не уверен...

СОСИПАТРОВ. Значит, вы сидите не в своем седле, и скачете не в нужном направлении...

ТУТАНХАМОНОВ. Простите. Затронутая вами сфера...

СОСИПАТРОВ. *(перебивая)* ...существенно важна, и жизненно необходима. И даже щекотлива, в некотором роде...

ТУТАНХАМОНОВ. Ужасно щекотлива, ваше сиятельство! Ваш сюжет – он не влечет... Он... Как бы это сказать... *(окончательно ступевался)* Возможно, все сводится к тому, что эти сведения вам даст наш полицеймейстер.

СОСИПАТРОВ. *(закипая раздражением)* Я пригласил не полицмейстера, а вас. Редактора общественной газеты. Вы формируете!... И пригласил не для советов мне, а для доклада фактической стороны дела.

ТУТАНХАМОНОВ. Да, я, конечно, виноват, промашка вышла. Не доглядел... но это по причине объективной, поскольку я семейный человек... и православный... Люблю жену, детей... а их у меня куча... И жена, прелестнейшая женщина...

СОСИПАТРОВ. *(обрывая собеседника)* Прием закончен. Честь имею!
(уходит)

ТУТАНХАМОНОВ. *(бежит за графом)*

Ваше сиятельство! Если угодно, если лично вас...интересует... – я предоставлю все сведения, и будут они вполне надежными...

(он остался один)

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. *(быстро входит)* Благополучно? Пронесло?

ТУТАНХАМОНОВ. Да вот стою... оплеванный. И не могу понять, о чем он спрашивал.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Кто?

ТУТАНХОМОНОВ. Да с кем сейчас я говорил. Его сиятельство граф Сосипатров...

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. О чем вы говорили ?

ТУТАНХАМОНОВ. *(понижив голос)* О судьбах государства и народа. О демократии. И о таких секретах, что их и сказать-то вслух весьма опасно.

(И тут он, приложив палец ко рту, на цыпочках стал уходить)

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Голубчик, вы что: смеетесь или плачете?

ТУТАНХАМОНОВ. И то, и это... Готов смеяться, готов и плакать... Можно так и этак... Свет падает из окон, но не так как надо... Собачий холод... Тучи занавесили нам жизнь... поэтому и дрожь по телу... мурашки бегают... А больше я ничего вам не скажу... Где-то я читал, возможно, в сказках у Салтыкова-Щедрина: «И кто посеял ветер – пожнет и бурю».

И тут выскочил, как черт из табакерки, Жабоедов.

Он пытается ухватить редактора за фалды фрака, за рукава.

ЖАБОЕДОВ. Эх ты куда махнул! Бури тебе захотелось?! Врешь, не уйдешь! Ты мне по пунктам, по пунктам за все ответишь!

Но редактор как-то изловчился, отскочил в сторону и сбежал.

Директор нервно ходит.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Подслушивали?...

ЖАБОЕДОВ. Должность такая, господин директор.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. А как же совесть человеческая? Ей что жenet места на земле?

ЖАБОЕДОВ. *(потирает руки, подходит к директору)* Я всех вас выведу на чистую водичку. И графа-либерала, в том числе... А вам советую,

Владимир Николаевич, – не прыгайте. Работайте спокойно, трезво, осмотрительно, впопад... глядишь, и Станислава третьей степени получите за службу на государевом посту. Я позабочусь... обещаю доложить туда, на самый верх. Пусть будут, как говорится, и волки сыты, и овцы целы... И вам советую, а там смотрите сами... Вы превосходно выглядите, господин директор, и даже картинно. Отменного здоровья, импозантен... – чем не фигура в заштатном городе? Во фраке пред студентами на кафедре – а в лацкане сияет орден. Простой, как будто, не Андрея Первозванного, не Анны... всего лишь Станислава третьей степени, а все же... орден... почетно... Почетно, ваше превосходительство! В масштабе города, губернии, почетно! Уж это я вам говорю по-дружески, запанибрата, так сказать... Не прыгайте!... *(И, слегка хлопнув директора по плечу, уходит)*

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. *(оставшись один, шепчет)* Шакал! Иного слова для тебя я не подберу... Шакал сто тысяч раз!

Затемнение.

И снова гостиная Татьяны Берг, но уже преображенная, праздничная.

Цветы. На кушетке лежит гитара. У стола «колдует» Матрена – расставляет приборы, приносит стопку блинов. Шум у крыльца. Говор.

Входят Ирина Мец, Иван Дрозд, и Егорий.

ЕГОРИЙ. *(продолжая рассказ)* Представьте, там студенты летают над крышами домов... в вечерний час. Цепляются за эти... карнизы, выступы, балконы – ну, и высматривают для себя красоток.

ДРОЗД. *(с легкой патетикой)* И часто так они летают, мой друг?

ЕГОРИЙ. Довольно часто. В основном, по праздникам, по католическим... Там все они католики. И, что интересно – по трубам-дымоходам пробираются в спальни замужних женщин...

ИРИНА. О, ужас! Как же это можно?

ЕГОРИЙ. Католики, что с них возьмешь! Уж я не говорю о том, сколь дерзко они целуют-обнимают девушек-служанок... тех, кто в красных фартуках... Но это надо видеть!

ДРОЗД. Ты видел?

ЕГОРИЙ. Он спрашивает! Конечно, видел. Я сам участвовал в деяньях этих... но все, что рассказал я – лишь цветочки и ягодки в сравнении... Там студенты до сих пор сражаются на шпагах! Казалось бы, от средневековья ушли вперед... но нет – традиции остались. Защита чести рыцарской студента – осталась неизменной. Честь! Честь! Я вопрошаю: где она сегодня?... Когда-то на подмостках Николаева (случайно это или нет, – в театре Шеффера) на сцене звучала русская, украинская и еврейская классическая речь. Здесь «Уриэль Акоста» и «Цыганка Аза» попеременно жгли сердца людей. (он поднял фонарь) Где? Ищу я человека, в ком сохранилась честь мужчины?! Эй, человек, ты где? Интеллигент, ты почему молчишь? «Блажен, кто посетил

сей мир в его минуты роковые!» Что, восклицанье Тютчева впервые слышишь?

БЕРГ. *(она идет сюда)* Bravo! Где этот эллин николаевский?

ЕГОРИЙ. Я здесь, сударыня. Свой сумасшедший здесь. Он тут как тут!

БЕРГ. Подать ему «Вольтеровское кресло»! Приветствую вас, господа студенты!

ДРОЗД. Добрый вечер!

БЕРГ. В этом старом доме есть все, что может зазвучать, запеть. Здесь все поёт...

ЕГОРИЙ. А, может быть, гнусавит, ворчит, гудит, гремит и звякает?...

БЕРГ. О нет, здесь все поет. Библиотека, в две тысячи томов, подарок мой для института, для кафедры по филологии. Сам Пушкин здесь, и Леся Украинка, и Гоголь Николай Васильич... А вслед за ними – факультеты естественных наук... Славянская культура здесь представлена, и дух античности и непокорства, и чувство локтя, дружбы молодых людей Европы. Здесь все представлено. Как говорится, господа студенты, – вам и карты в руки! Извольте хорошо учиться! (немного помолчала) Сад, дорога в сторону Ингула... Тропинка, по которой мы спускаемся к воде. И даже лодка на воде... Отсюда слышу я, как хлопает вода под днищем... А ну-ка, замрите на секунду, господа! Прислушайтесь!

ИРИНА. Действительно... как будто хлопает.

ЕГОРИЙ. Но главное богатство здесь – ваш голос, Татьяна Алексеевна. Голос просвещения. Откуда он у вас?

БЕРГ. *(почти серьезно)* Дворянское наследство. Подарок от родителей, наверно.

ЕГОРИЙ. Сегодня, вы избыточно красивы. *Experta credite* (верьте опытному)

(преподносит ей цветы)

БЕРГ. Что ж, перед моим отъездом в Европу – начнем последнюю «застольную беседу». Тема: «Искусство декаданса, Новый век».

ЕГОРИЙ. Матрена Филимоновна! Вам роза просится на грудь. Позвольте примостить ее?

МАТРЕ́НА. Не надо ничего примащивать. Сама возьму... У нас сегодня блины на постном масле, варенье из айвы, и пироги с морковью. И хрен с горчицей по моему рецепту.

ЕГОРИЙ. Я лично начинаю с хрена, поскольку сам я человек хреновый... Так мне сказали профессора в Сорбонне.

БЕРГ. Он набивается на комплимент.

МАТРЕНА. С вами и не хочешь, да посмеешься.

ЕГОРИЙ. *(Матрене)* Сударыня, у вас глаза блестят. С чего бы это? Вы не влюблены?

МАТРЕНА. У кошки тоже они блестят. Садись за стол, Егорий, и помолчи. Пускай другие тоже что-то скажут. Ведь не один ты умный... Вот девушка у нас, впервые в доме. Молчит и слушает...

ИРИНА. А я... глазами слушаю...

МАТРЕНА. Глазами? (*заглянула ей в лицо*) Верно, чистые глаза... смиренные, как на иконе... Такие глазоньки и полюбить не грех.

(*Тем временем Татьяна Берг передает гитару Ивану Дрозду – тот настраивает ее, берет аккорды. В глубине появился Белоцерковский. Слушает из глубины, молчит. Татьяна, опершись о венский стул, начинает художественное чтение.*)

БЕРГ. Игорь Северянин. «Это было у моря».

«Это было у моря, где ажурная пена,

Где встречается редко городской экипаж...

Королева играла – в башне замка – Шопена,

И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:

Королева просила перерезать гранат,

И дала половину, и пажа истомила,

И сама полюбила, – вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,

До рассвета рабыней проспала госпожа...

Это было у моря, где волна бирюзова,

Где ажурная пена и соната пажа».

(*Все аплодируют, в том числе и директор.*

Он направляется к Татьяне Берг)

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Позвольте вашу белоснежную ручку, Татьяна Алексеевна?...

БЕРГ. Вы проводили господ чиновников?

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Так точно. Проводил, и даже за околицу.

(*целует ей руку*)

Давеча я просил вас не приглашать сюда девиц...на ваши сатурналии.

БЕРГ. А я вот пригласила, и готова быть казненной. Сожгите меня на костре, как ведьму. Я буду хорошо гореть.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. (*мельком взглянул на Ирину*) Кто вы... Дульсинея – юное созданье?

ДРОЗД. Выпускница Мариинской гимназии, и моя любовь, ваше превосходительство!

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. (*секунду помолчал*) Мне что-то помнится, сам дон Кихот Ламанчский влюбился в Дульсинею не сразу, не на первом курсе.

ЕГОРИЙ. (*резко*) Сразу! Едва увидел Дульсинею. Actus purus! (чистый акт). В мгновение ока он понял, что втюрился в нее по самую завязку, и понял,

что отныне ему крышка.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. *(размеренным шагом подошел к окну и тронул портьеру)*

Мне помнится, вначале он бросился в сражение с ветряными мельницами, чтоб заслужить ее любовь, чтоб укрепить в ее сознании имя мученика и героя-рыцаря. Или я ошибаюсь?

ЕГОРИЙ. Да, это так! Но с именем прекрасной Дульсиinei он тут же бросился, с копьем наперевес, на крылья мельницы... Бах, бах... копьем, – и полетели щепки!

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Вы хорошо сказали: «Полетели щепки...» И вот они летят до наших дней... через века... *(задумчиво)* Летят, летят, летят...

ЕГОРИЙ. Виват Сервантесу!

(Короткая пауза)

ИРИНА. Вы разрешите мне откланяться?

ДРОЗД. Ни в коем случае!

БЕРГ. Вы мною приглашены, а я пока хозяйка в этом зале...

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Я понимаю... очередная вечеринка, романсы... но почему девицу заташили в эти стены?

ДРОЗД. *(теперь он крайне возмущен)* Владимир Николаич, я сильно подозреваю, что вас здесь нет.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. А я подозреваю, что вас здесь нет, милейший юноша.

ДРОЗД. *(его трясет от гнева)* Я вообще, хочу спросить. Кого вы собираетесь готовить в этом доме?... Лакея?... Губернера для князя Сухомлинова, что правит бал в Нечаянном? Послушную овечку? Барышника и лизоблюда?... Или: гражданина в полном смысле слова? Кого вы собираетесь из нас готовить, уважаемый директор? В той Малороссии, которую мы называем любовно Украиной?...

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. *(Молчит. Затем, тем же размеренным шагом, идет -теперь уже от окна к столу)* Не будем спорить... и обобщать... впадать в риторику. Во всяком случае, порядок есть порядок – устав не мною писан. Он утвержден министром просвещения! Тише, господа студенты! Прошу вас, тише, тише, тише, тише... Как говорится, тише едешь – дальше будешь. Я буду счастлив, если в этой Дульсиinei Тобосской проявится вторая Софья Ковалевская. Но Софья Ковалевская рождается однажды, и только раз в столетие.

ДРОЗД. *(народируя)* «Тише, тише, тише...» Так можно и уснуть под тишину, под благовест и хрюканье в канавах. Прошу вниманья! Я вам прочту короткий опус классика, написанный полвека тому назад... Он, быть может, не попадает в тему, но... я все-таки его прочту.

«...Все спит кругом! в деревнях, в городах,

в телегах, на санях, днем, ночью, сидя, стоя...
Купец, чиновник спит, – спит сторож на часах,
под снежным холодом – и на припеке зноя!
И подсудимый спит – и дремлет судия, –
мертво спят мужики: жнут, пашут – спят, молотят –
спят тоже... спит отец, спит мать, спит вся семья.
Все спят! Спит тот, кто бьет, и тот, кого колотят!
Один царев кабак – тот не смыкает глаз...
И штоф очищенной всей пятерней сжимая,
лбом в полкос упершись, а пятками в Кавказ,
спит непробудным сном отчизна, Русь святая!»*

*Отрывок из стихотворения «Сон» И.С. Тургенева.
Хрестоматия, М., 1964, «Просвещение». С.544.

Пауза. Никто не аплодирует.

Белоцерковский подходит к Татьяне Берг.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Бриллиантовую ручку вашу, Татьяна
Алексеевна. *(целует ей руку)*

Как скоро вы собираетесь в дорогу, в европейский ландшафт?

БЕРГ. Через неделю.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Уже назначены и день и час?

БЕРГ. Нет. Должна вас огорчить – пока что нет.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Я буду искренне скучать по вас Татьяна
Алексеевна.

Судьба была к нам благосклонна, пока вы были здесь. *(идет)* И не
ждите лучшего времени, господа студенты! Лучшего времени, чем теперь, у
вас не будет. Желаю успеха в получении академических знаний. Прощайте.
(уходит)

Пауза, Иван Дрозд берет гитару.

ДРОЗД. Можно петь?

БЕРГ. Да, да, конечно... Матреша, угощайте студентов чаем.

МАТРЕНА. А блины? Для кого я целую гору их настряпала?

ЕГОРИЙ. О чем речь? Заверните мне десяточек в дорогу.

МАТРЕНА. Точно на маланьину свадьбу настряпала...

ЕГОРИЙ. Непременно с хреном и горчицей положите, да покрепче.

Так, чтобы искры из глаз сыпались.

ДРОЗД. *(взял аккорд на гитаре)* Под сурдинку, или во весь голос,
Татьяна Алексеевна?

БЕРГ. Как угодно. Но лучше под сурдинку. Я тогда лучше слышу. Не
люблю, когда кричат.

ДРОЗД. *(запевает)*

«Наша жизнь коротка, все уносит с собой.

Наша юность, друзья, пронесется стрелой.

(Егорий и Ирина подпевают)

Проведемте, друзья, эту ночь веселей,

пусть студентов семья соберется тесней!

Налей, налей бокал полней!

Пусть студентов семья соберется тесней!

Не два века нам жить –

лишь полвека всего.

Так что плакать, тужить было б просто смешно.

Выпьем мы за того,

кто неправдой не жил,

кто свободу как мать

дорогую любил.

Проведемте, друзья, эту ночь веселей,

пусть студентов семья соберется тесней.»

Занавес

Январь, 2003 г.

Первый выпуск Николаевского учительского института. 1916 г.

ТРОЯНОВ
Микола Олексійович

ЄВРОПЕЙЦІ
(чотири п'єси)

Редактор –
Комп'ютерний макет – А.І. Золотухін

Т 76   **Троянов М.О. Європейці** (чотири п'єси). Миколаїв, ЧП Гудим, 2004 –
136 стор., 46 ілюстр.

ISBN

В книзі надані чотири п'єси актора, педагога, драматурга, режисера, керівника Миколаївського народногродрамагичного театра Миколи Олексійовича Троянова: «Еразм з Роттердаму»; «Сковорода»; «Макаров і Верешагін», а також «Тріумф старого дому».